

Комната из
ЛИСТЬЕВ

Кейт
Гренвилл

*Брак с безжалостным тираном,
стремление к недоступной для женщины
власти в обществе. Элизабет Макартур
управляет своей жизнью с рвением и страстью,
с помощью хитрости и остроумия.*

Annotation

Что если бы Элизабет Макартур, жена печально известного Джона Макартура, «отца» шерстяного овцеводства, написала откровенные и тайные мемуары? А что, если бы романистка Кейт Гренвилл чудесным образом нашла и опубликовала их? С этого начинается роман, балансирующий на грани реальности и выдумки.

Брак с безжалостным тираном, стремление к недоступной для женщины власти в обществе. Элизабет Макартур управляет своей жизнью с рвением и страстью, с помощью хитрости и остроумия.

Это роман, действие которого происходит в прошлом, но он в равной степени и о настоящем, о том, где секреты и ложь могут формировать реальность.

- [Кейт Гренвилл](#)
  -
  -
  - [От редактора](#)
  - [Мемуары Элизабет Макартур](#)
    - [Часть 1](#)
    - [Часть 2](#)
    - [Часть 3](#)
    - [Часть 4](#)
    - [Часть 5](#)
  - [От автора](#)
  - [Автор выражает благодарность](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)

- [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
-

Кейт Гренвилл

Комната из листьев

Kate Grenville
A Room Made of Leaves

© Kate Grenville, 2020
© Новоселецкая И., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Посвящается
всем тем, о ком
умалчивает
история*

*«Не спешите
верить!»*

*Элизабет
Макартур*

История, описанная в этой книге, разворачивается в стране, где коренным населением являются австралийские аборигены и жители островов пролива Торреса, и я отдаю дань уважения их старейшинам прошлого и настоящего.

Я благодарна за содействие членам Корпорации по охране культурно-исторического наследия народа даруг и Сиднейского совета по вопросам земель коренного населения. Они великодушно согласились консультировать меня по вопросам фактического материала, использованного в книге, и я за это им глубоко признательна.

От редактора

Воистину невероятная и – что удивительно – малоизвестная история о том, как были обнаружены некогда утраченные тайные дневники Элизабет Макартур.

Некоторое время назад в ходе реставрации одного из исторических зданий Сиднея в щели между балкой и крышей была обнаружена жестяная коробка. Она была запечатана воском и завернута в промасленную парусину. В этом доме, под названием Элизабет-Фарм, проживала до самой смерти Элизабет Макартур (скончалась в 1850 г.), супруга одного из первых переселенцев – скандально известного Джона Макарура. Коробка была забита старыми тетрадями, которые с трудом поддавались прочтению, потому как ради экономии места были исписаны вдоль и поперек. Удивительным образом она пролежала в тайнике долгие годы, а потом посредством целого ряда событий, столь невероятных, что нарочно не придумаешь, попала ко мне в руки. Оказалось, что эти тетради – некогда спрятанные мемуары хозяйки дома.

В этих личных записках, которые Элизабет составила на закате жизни, она отходит от своего публичного образа, сложившегося на основе официальных документов. Они представляют собой череду пылких излияний, фрагментов воспоминаний, озаренных светом страстного чувства. Порой с шокирующей откровенностью эти записки предлагают нам заглянуть в самую глубь ее сердца.

В истории Австралии, как и в истории почти любой другой страны, главная роль отведена мужчинам. Уделом женщин обычно была безвестность, и мало кому из них удавалось заявить о себе во весь голос. Одной из этих немногих слыла Элизабет Макартур, однако до сей поры ее личность оставалась загадкой. Ее невероятные деяния заслуживают наивысшей похвалы, но что она была за человек – что ею двигало – к сожалению, всегда являлось тайной за семью печатями.

Урожденная Элизабет Вил появилась на свет в 1766 году в семье фермера из крошечного селения Бриджрул в графстве Девон. Девочкой она была принята на воспитание в семью местного священника и выросла в среде, подобной той, что окружала Джейн Остин, с которой

они считались почти что современницами. В 1788 году Элизабет вышла замуж за военного и год спустя вместе с супругом и их маленьким сыном отплыла в Новый Южный Уэльс, где недавно было основано поселение для каторжников. Утонченная молодая женщина из прихода Бриджрул, словно роза, брошенная в выгребную яму, внезапно оказалась в обществе грубых жестоких людей в самом далеком уголке земного шара.

Во-первых, непонятно, что вообще ее побудило выйти замуж за энсина^[1] Джона Макартура. Природным обаянием он не был наделен. Элизабет сама, характеризуя своего супруга, писала, что он был «не в меру горделивым и заносчивым, учитывая наше скромное положение и безрадостные перспективы». Красотой Джон Макартур тоже не отличался: лицо его было изрыто оспой, которой он переболел в детстве. Сын торговца мануфактурными товарами, он не мог похвастать ни богатством, ни знатностью и, кроме своего половинного жалования, другими источниками дохода не располагал. В мире Джейн Остин такой брак вряд ли был бы возможен.

В одном Джону Макартуру нужно отдать должное: он был нацелен на успех, шел к нему с беспощадной напористостью. Прибегая к таким методам, как запугивание, лесть и обман, спустя десять лет после прибытия в колонию он стал самым богатым и влиятельным человеком в Новом Южном Уэльсе.

Один историк, у которого Макартур вызывает восхищение, называет его «бунтарем». Что ж, полагаю, можно и так охарактеризовать человека, который стрелялся на дуэли со своим командиром и организовал заговор с целью смещения губернатора. За каждую из этих провинностей Макартур отсылали в Лондон, где он предстал перед судом. Первый раз он покинул Австралию на четыре года, второй раз – на восемь лет, оставляя свой бизнес на попечение супруги.

Австралийцы моего поколения с детства усвоили, что «наша страна едет верхом на овце» – т. е. основу австралийской экономики составляет шерсть – и что Джон Макартур по праву считается «отцом шерстяного овцеводства». В его честь названы улицы, бассейны и парки по всей Австралии.

Но вот что интересно: австралийский меринос – порода овец, на которых мы «едем» – была выведена, главным образом, в те годы,

когда Джон Макартур находился в Англии. И выходит, что «отец шерстяного овцеводства» на самом деле «мать» – его супруга.

Так что же за человек была Элизабет Макартур? Как ей удалось выстоять в браке, пожалуй, с одним из самых неуживчивых мужчин на планете? Где она научилась управлять гигантским фермерским предприятием, разводить тонкорунных овец, держать в узде рабочую силу – грубых и жестоких преступников? Перед подобными трудностями, пожалуй, спасовала бы даже самая бесстрашная из героинь Остин.

И вот перед нами встает проблема. Супруг Элизабет оставил после себя гору документов, проливающих свет на его личность, но о самой Элизабет письменных источников всего ничего: несколько бессодержательных писем на родину близким и друзьям, неоконченный рассказ о путешествии в Новый Южный Уэльс, скучная переписка со взрослыми детьми. Наверное, судить о ее характере можно было бы по письмам, что она отправляла мужу в периоды его продолжительного отсутствия, однако, как ни странно, ни одно из них ни разу нигде не всплыло.

Волей обстоятельств Элизабет Макартур была вынуждена вести жизнь, немыслимую для женщины ее социального статуса и того времени, но благодаря определенным качествам своей натуры она сумела побороть эти обстоятельства и обратить их себе на пользу. Ее персону завораживала не одно поколение историков. Как же раздражало, сводило с ума полнейшее отсутствие всяких материалов, которые могли бы раскрыть ее личность! Так было до последнего времени.

Я не сделала ничего особенного: просто расшифровала записи, что хранились в жестяной коробке. Местами старые чернила настолько поблекли, что текст не поддавался прочтению, и тогда, естественно, мне приходилось призывать на помощь свое воображение. Много времени я потратила на то, чтобы скомпоновать воспоминания Элизабет в наиболее приемлемом, на мой взгляд, порядке, но на том мое вмешательство заканчивается. Элизабет Макартур сама рассказывает историю своей жизни. Я рада, что мне выпала честь первой прочитать ее мемуары и подготовить их к публикации.

*Кейт Гренвилл,
редактор и составитель*

Мемуары Элизабет Макартур

Часть 1

Мой дорогой сын Джеймс попросил, чтобы свои последние годы или месяцы – то время, что мне еще отпущено, помимо тех долгих лет, которые я прожила, – я посвятила выполнению одного его поручения, а именно: написала «Подлинную историю Макартуров с Элизабет-Фарм». То есть рассказала о себе и своем покойном муже Джоне Макартуре.

Едва супруг мой был погребен, его начали превозносить как героя, даже те, у кого при жизни он не вызывал ничего, кроме неприятия. С набожной почтенностью упоминали его имя, возводили к небу глаза, складывали руки подобно священникам, изрекая лицемерные славословия. Должно быть, это один из изощреннейших способов мести со стороны тех, кто пережил своего врага.

«Подлинная история Макартуров с Элизабет-Фарм». От одного этого названия меня дрожь пробирает до костей. Даже слово «подлинная» в данном случае само по себе нелепость. Что значит «подлинная» история? За одной «подлинной» историей кроется другая, столь же неопровержимая и упорядоченная.

Но Джеймс не позволил мне уклониться от выполнения поставленной задачи. Он перерыл все выдвижные ящики в письменных столах и извлек на свет все, какие смог найти, останки прошлого, чтобы стимулировать мою угасающую память. Я смотрю на них с чувством, близким к отвращению. Когда-нибудь в невообразимом будущем какой-нибудь читатель примется внимательно изучать эти свидетельства, надеясь проникнуть в тайны прошлого. Этому человеку и всем, кто сейчас меня читает, я могу сказать одно: «Не спешите верить!».

И что же это за свидетельства прошлого?

Во-первых, адресованные мне письма мужа – тридцать девять посланий.

Он уже двенадцать лет лежит в сырой земле, а меня до сих пор сжимает страх, когда я смотрю на знакомый почерк. Настроение его писем я распознавала сразу – по тому, как он обращался ко мне. Дорогая Элизабет. Моя дражайшая Элизабет. Моя самая родная Элизабет. Моя любимая Элизабет. Моя родная, любимейшая Элизабет.

Это был самый верный признак: чем больше нежностей содержало обращение, тем неприятнее было само письмо.

Во-вторых, одно письмо Элизабет Макартур к мужу – с десятков строк, второпях начерканных незадолго до его смерти. Никаких откровений – только радостные новости о семейных делах.

В-третьих, двенадцать писем к моим друзьям и родным в Англии – разумеется, копии, которые я всегда делала по настоянию мистера Макартура. Безупречные документы, ханжеская ободряющая ложь от первой до последней строчки, приправленная хвастовством.

В-четвертых, мои записки о первой части нашего путешествия из Англии в Новый Южный Уэльс в 1790 году. Подразумевалось, что этот очерк будет опубликован, а потому в нем фактически нет информации непосредственно обо мне самой.

В-пятых, два миниатюрных портрета – Джона Макартура и Элизабет Макартур – на слоновой кости – неперенные атрибуты любого знатного господина и его благородной супруги. Ну, а то, что в Новом Южном Уэльсе не было ни слоновой кости, ни мастеров, владеющих подобной техникой живописи, мистера Макартура совершенно не смущало. По его задумке, местный художник, господин Буллен, должен был сделать эскизы, которые мистер Макартур затем собирался отослать некоему миниатюристу из Мейфэра, а тому предстояло перенести изображения на пластины из слоновой кости. Соответственно, портреты близки к оригиналам, хотя передача сходства не была самоцелью. Предназначение дорогих портретов – украшать гостиную, пусть кто-то из гостей и не узнает тех, кто на них запечатлен.

Мистер Макартур позировал, сидя вполоборота. Все в его облике – сплошь косые линии, выдающие настороженность, коварство, уклончивость. Надменно выпяченный подбородок, задиристая нижняя губа, горделивая посадка головы. Выбрав, как он считал, аристократическую позу, мистер Макартур даже не догадывался, что портрет отражает самые худшие грани его натуры.

Что касается меня, я с удовольствием позировала господину Буллину анфас и была довольна тем, что он рисовал. Однако мистер Макартур неизменно находил, к чему придаться. Я слишком заурядна, выражение лица слишком открытое. Подбородок квадратный, глаза немного косят, улыбка излишне широкая или – на следующем

наброске – рот вообще не улыбается. Бедняга господин Буллен черкал и стирал, раз за разом повторяя попытку, пока бумага не тончала до дыр и ему не приходилось брать новый лист. Наконец эскиз, который устраивал мистера Макартура, был готов, но я уверена, что в изображенном на нем воздушном создании с локонами и ямочками на щеках меня вряд ли кто-то смог бы признать.

Однако именно эти портреты четы Макартуров отправятся в будущее. И люди, рассматривая их, станут говорить: ах, какой он решительный и властный человек! А какая у него очаровательная миленькая жена – на портрете это явственно видно!

Моим первым побуждением было сжечь весь этот бумажный хлам. Но теперь у меня возникла идея получше. Вместо того чтобы разводить костер, я составлю еще один документ, который покажет, что все сохранившиеся письменные материалы – не более, чем напыщенный художественный вымысел, коим они и являются на самом деле. То, что я пишу здесь, это мучительная правда, которую прежде я не смела облечь в слова.

Весенний день близится к вечеру, тени удлиняются – сладостная пора, моя любимая. Я охвачена волнением, грудь сдавливает в предвкушении постыдного удовольствия, что я получу, приступив к осуществлению своей идеи. Слава богу, что я его пережила. Я думаю об этом с замиранием сердца. Многие были бы поражены – или изобразили бы потрясение, – знай они об этом. Но я выхожу в благоуханный сумрак и говорю себе: я еще жива. Еще жива и – наконец-то – вольна рассказать, как все было.

Я не сирота

Моя сестренка Грейс умерла во младенчестве. Мне тогда было пять лет. Детям в столь нежном возрасте еще не знакомо слово «смерть». Я с трудом понимала даже то, что у меня есть сестра, все надеялась, что это новое существо в доме – орущий красный комочек – поселилось у нас лишь на время.

У мамы еще глаза не просохли после похорон сестры, как папа тоже заболел и умер. Его уход нужно было как-то мне объяснить. «Он

теперь с ангелами. На небесах», – говорили мне близкие и знакомые, рассчитывая, что я поверю им на слово.

– Нет, – кричала я, глядя на гроб, что стоял на козлах в гостинной. – Вытащите его оттуда! Ему же нечем дышать!

Во время церковной службы я постоянно оборачивалась к двери, ожидая, что папа вот-вот войдет и сядет с нами. Мама любила рассказывать, как я крутилась и вертелась на скамье, бежала к выходу, звала отца, высматривая его на улице. «Успокоить тебя было невозможно, – говорила она, с горечью смеясь. – «Папа! Папа!» – звала ты, пока мистер Бонд не вывел тебя из церкви. Твои крики были невыносимы. Конечно, я тоже хотела увидеть его на дорожке, что ведет в церковь, но каждый твой вопль «Папа!» был для меня как нож в сердце».

А до этого я жила с ощущением, что день может длиться столько, сколько я захочу, и мне ни минуты нет нужды сидеть дома. Меня окружали поля и животные, которые вели свое существование, тесно переплетавшееся с моим собственным. Когда ладошки мои подросли, я научилась доить коров. С дойкой связано мое едва ли не единственное воспоминание об отце. Запах его твидовой одежды, обволакивающее тепло его большого тела. Он брал мои руки в свои, клал их на вымя, оборачивая мои пальчики вокруг влажных мягких коровьих сосков. Я слышала, как он довольно посмеивается, видя, что я усвоила движения, от которых молоко шипящей струей льется в ведро.

Мама не могла смириться с участью вдовы Ричарда Вила с фермы Лоджуорси. Смерть папы ее подкосила, а, может, она всегда была лишь тенью своего мужа. Мама чахла, болела, подолгу просиживала у камина в угрюмой молчаливой рассеянности, горестно вздыхая. Я на цыпочках обходила ее стороной, страшась этого взрослого отчаяния.

Однажды утром я услышала ее разговор под окном. Речь ее была тихой, но отчетливо доносилась до меня.

– У меня даже нет сына, который занял бы его место, – сказала она, под словом «его» подразумевая отца.

Мистер Кингдон что-то пророкотал в ответ, но в его рокоте слов я не разобрала.

– В лучшем случае я могла бы рассчитывать на зятя, если она сумеет сделать партию, – добавила мама, под «она» имея в виду меня.

Мистер Кингдон, вероятно, попытался приободрить ее какой-то раздражающей банальностью из тех, что всегда наготове у священников, подобных ему, потому как мама отвечала ему желчным тоном:

– Сэр, конечно, я буду и молиться, и уповать на лучшее – это сколько угодно. Но сейчас есть только я и строптивая девчонка, которой нечем рекомендовать себя: красотой не блещет, за душой – ни гроша.

Навалившись на подоконник, я лениво прислушивалась к разговору мамы и священника. Я не беспокоилась, что они, возможно, видят меня, но при последних словах мамы я отпрянула от окна и сжалась в комочек у стены. Строптивая девчонка. Этим определением – строптивая – мама обрисовала мой образ, в котором я не узнавала себя. В моем представлении я была заводная, вспыльчивая по характеру, имела острый ум и острый язычок, нередко навлекавшие на меня неприятности. И теперь вот узнала, что человека, наделенного такими качествами, называют строптивным. А строптивные люди – судя по тону мамы – непривлекательные и неприятные. Такие никому не нравятся.

Меня вдруг обдало жаром стыда – за то, что я строптивая, некрасивая, не имею ни гроша за душой. За то, что никто не захочет взять меня в жены. И за маму мне тоже было стыдно, – за то, что она столь презрительно отзывалась о родной дочери. В нос мне бил запах пыли, осевшей на шторах; в щель между нижним краем занавесок и полом тянуло холодом. Тот запах и сквозняк до сих пор ассоциируются у меня с осознанием той ужасной истины, что открылась мне, когда я услышала мамины слова: я не сирота, но все равно что сирота, хоть обо мне пока еще есть кому позаботиться.

Стада и возжаки

Со смертью папы наша ферма, по закону о майорате^[2], отошла моему троюродному брату Джону Вилу. Тот прямым текстом не указал

нам на дверь, зато прислал повозку с пустыми сундуками и ящиками, а также веревками для перевязки скарба и несколькими мешками с опилками, в которые следовало уложить фаянсовую посуду.

Нам было предложено переехать к дедушке – в отчий дом мамы, – а дед был пожилой человек, со своим устоявшимся укладом. Нашу посуду из опилок никто не доставал, сундуки с нашим скарбом, не открывая, поместили в сарай. В дом нам разрешили взять только по ящику с личными вещами. Так что мы спали на постельном белье дедушки и ели с дедушкиных тарелок. Мама имела небольшое приданое, которое позднее досталось мне, потому ей не приходилось просить дедушку, чтобы он дал ей денег на новую пару обуви для меня или новый капор для нее самой. Но это была незначительная сумма денег, которых хватало лишь на карманные расходы. И тоже от щедрот дедушки, ведь некогда ее приданое выделил ей он.

Я тосковала по Лоджуорси. Как-то раз, уже живя у дедушки, мы с мамой проходили мимо нашей бывшей фермы. Я кинулась к воротам, схватилась за знакомую щеколду. Мама поспешила взять меня за руку и оттащить назад. Она объяснила, что я вторгнусь в чужие владения, если отодвину щеколду и ступлю за ворота. А нарушение границ расценивается как воровство. Теперь я могу войти на ферму только по приглашению. Мне нельзя там находиться. Я вправе навещать туда только в качестве гостя.

Помнится, я стояла у ворот и возмущенно кричала, а мама крепко держала меня за руку. Строптивная девчонка, я вырвалась от нее и побежала к дому. «Элизабет! Элизабет!» – звала она, пытаюсь остановить меня. Я поднесла руку к двери, собираясь постучать. Только прежде для меня это была родная дверь, мне никогда не приходилось стучаться в нее. А теперь я увидела перед собой глухую равнодушную деревянную преграду и, представив, как ее открывает бледная неприветливая жена Джона Вила, я невольно опустила руку.

Мама ждала меня за воротами. На меня она не смотрела. Я с силой захлопнула за собой ворота, так что мне показалось, будто что-то хрустнуло, и мы с мамой в молчании продолжали путь.

Теперь я и сама понимаю, что была стропливой девчонкой. Только я упрячилась не из пустой несговорчивости: у меня были свои устремления, и я проявляла волю. Разве я была не вправе чувствовать то, что я чувствовала, быть тем, кем я была?

Как и все наши соседи, жили мы вполне неплохо, но придерживались принципа бережливости. Дедушка признавал лишь один источник света – бесплатный: большое светило Господа. Питались мы тоже от щедрот Господа: ели яйца, что несли наши куры, капусту с нашего огорода, в скромных количествах мясо свиньи, зарезанной на Рождество.

Дедушка человек был совершенно не мирской, вел жизнь во славу Господа. Все его домочадцы регулярно посещали церковь, бесконечно вели разговоры о промысле Божиим и с чувством благодарили Господа за пищу, что он нам посылал. По воскресеньям мы дважды ходили в церковь, каждый вечер читали Библию и молились за столом перед сном.

Я, хотя была маленькой, понимала, что не следует задавать вопрос, на который не получу ответа. Если Господь добр, почему папа умер? Вместе со всеми я склоняла голову, произносила «аминь», словно искренне верила в то, что делаю, но это была ложь. Моя первая ложь. Из-под ресниц я наблюдала за мамой, думая, что она тоже лицемерит, но ни разу не поймала ее на лжи.

При этом дедушка был добрый человек и любил меня. Разрешал мне бродить по полям, строить шалаши из ветвей и листьев, забираться в них. Разрешал бегать под дождем и на склоне за домом перегораживать ручей, роя для него другое русло. Этим я с самозабвением занималась целыми часами.

– Чистый ребенок не бывает счастливым, – говорил он маме, когда та принималась меня ругать.

Дедушке принадлежал довольно обширный участок земли, на котором он выращивал всего понемногу: ячмень, репу, траву на сено. Но его любовью были овцы. С важным видом он расхаживал между ними, и они кидались врассыпную, со всей мочи убегая на негнущихся ногах, а потом поглядывали на него с безопасного расстояния.

– Господь предназначил им держаться стадом и следовать за пастырем, – говорил мне дедушка. – Они компанейские существа. А вот мы, несчастные грешники, веруем, что способны со всем справиться в одиночку.

Мама считала, что овцы – создания глупые, но она ошибалась. Овцы не глупы, просто поведением отличаются от нас. Я научилась их любить и понимать, научилась заботиться о них. Они вполне покорны, если уважать их природу, а не идти против нее; эти животные вовсе не бестолковы. Дедушка показывал, как добиваться от них послушания. Нужно держаться за ними, дожидаясь своего часа. Они оборачиваются к тебе, а ты пристально смотришь на них, ждешь, когда они повернутся в ту сторону, в какую ты хочешь их направить. А потом поднимаешь посох, придавая себе внушительности.

Как можно не умиляться существу, которое, стоит тебе приблизиться к ее ягненку, выбегает вперед, становится перед ним и начинает бить копытами? Несчастное создание, по-другому она никак не могла защитить своего детеныша. Я смеялась, восхищаясь ее смелостью.

– Господь смиряет ветер для остриженной овцы, – говорил дедушка, наблюдая, как ягненок спотыкается, падает и снова поднимается. – Помни об этом, Лизбет, когда жизнь станет нещадно трепать тебя.

Дедушка научил меня всему, что должна уметь будущая жена фермера: сбивать масло, лечить заболевшую домашнюю птицу. И считать овец, – не так это просто, как может показаться на первый взгляд.

– Считая поголовье, никогда не полагайся на свою память, – говорил дедушка присущим ему спокойным назидательным тоном. – Овцы, они ведь такие... с ними всегда можно сбиться со счета. Пересчитывая отару, всегда завязывай узелки. Или делай метки. Считай двадцатками. Отсчитала двадцать голов, сделала метку.

Дедушка вытащил из кармана кусок веревки с узелками, завязанными во время последнего пересчета. Распустив узелки, он отдал веревку мне.

– Вот теперь не ошибешься. – По его голосу, который наполнился нежностью, я поняла, что он улыбается.

Дедушка был что называется фермером-реформатором. В детстве я полагала, что под этим подразумеваются недовольство строптивым ребенком, непоколебимая убежденность в том, что есть добро, а что –

зло, и несгибаемая вера в то, что все сущее – в руках Всевышнего. Теперь я знаю, что дедушка, несмотря на свой возраст, был фермером нового типа, и что слово «реформатор» в его случае означало стремление улучшить породу. Какой же ажиотаж поднялся на ферме – даже сдержанный дедушка выказывал признаки волнения, – когда он купил барана у некоего мистера Бейкуэлла. Я думала, пока его не увидела, что это овечий торт или пирог – нечто вкусное, но оказалось, что это обычная овца с шерстью и рогами. Я была жутко разочарована. Барана доставил на телеге человек по фамилии Хейл. Он взял животное за веревку и, словно принца, повел его через наши ворота. Я в это время гладила собаку, что мистер Хейл привез с собой.

– Осторожней, девонька, – предупредил тот. – Ногу тебе обмочит, если будешь стоять, как столб.

Мне его шутка понравилась, но дедушка рассердился. Я видела, что мистера Хейла он считает деревенщиной.

Взяв барана за рога, дедушка задрал вверх его морду, а мистер Хейл тем временем – одна большая шляпа, как мне он виделся с моего места – склонился над животным и огромными грубыми ладонями раздвинул его шерсть: под тусклым серым верхним слоем проглядывало кремовое руно.

– Что, нравится? Поди, не прочь с десятков таких удальцов запустить к своим прелестным дамам, а?

– Вы забываетесь, – осадил его дедушка. – Будьте так любезны, следите за своей речью, мистер Хейл. Или вы не видите, что здесь с нами юная леди?

Меня его слова удивили вдвойне. Во-первых, что бы ни имел в виду мистер Хейл, вероятно, это несло на себе печать греха; во-вторых, оказывается, девятилетняя девочка – юная леди, которую должно оградить от того, что он подразумевал.

Мистер Хейл смерил меня взглядом. Наверно, тоже удивился, не меньше моего, что оборванка в юбке с заляпанным грязью подолом – это юная леди. Потом вместе с дедушкой они принялись тихо обсуждать извитость и жирность шерсти, а я раскачивалась на воротах – туда-сюда, туда-сюда, – обдирая грязь с башмаков о нижнюю перекладину, на которой оставался аккуратный ряд комков глины. Хотя смысла в том большого не было, поскольку моим башмакам суждено было отяжелеть от грязи сразу же, как только я слезу с ворот. Весеннее

водянистое солнце, бляение ягнят в поле, приглушенные голоса дедушки и мистера Хейла, баран с немигающими глазами, ожидавший, когда его спустят с поводка – все это я и по прошествии семидесяти лет помню в мельчайших подробностях, будто видела только вчера.

После ухода мистера Хейла, пока мы с дедушкой стояли среди овец, шуршавших и бляевших вокруг нас, он объяснил мне, зачем приобрел этого барана, отдав за него целых пятнадцать гиней – по мне, бешеные деньги, тем более что баран этот, на мой взгляд, ничем не отличался от любой другой овцы. Это замечательная крупная особь, сказал дедушка, здоровый активный самец, с великолепным руном. После того как он случит его с нашими овцами, родившимся ягнтям передадутся его мясистость, отменная шерсть и энергичность. Ну а затем запускается так называемый процесс внутривидового разведения: каждую весну отбираются самые лучшие овечки, которых спаривают с тем же сильным бараном и другими, что есть в стаде, чтобы получить нового крепкого самца и не допускать близкородственных случек.

Как только я поняла, восторгу моему не было предела. Казалось, это все равно что пытаться заглянуть в будущее, увидеть, что произойдет через десять лет, если избрать один путь, или убедиться, что лучше пойти другим.

Теперь, записывая свои воспоминания, я понимаю, что это относится не только к овцам, но и к людям.

Не быть слишком умной

С Брайди, дочерью преподобного Кингдона, мы дружили с раннего детства. Ферма Лоджуорси находилась близ реки, протекавшей у подножия холма, а дом священника стоял на вершине этого самого холма, возле церкви. Мы с Брайди почти все дни проводили вместе, а после того, как нам с мамой пришлось переселиться к дедушке, я зачастую и ночевала у нее, потому что от дома священника до фермы дедушки путь был неблизкий. Всем было проще, если я оставалась погостить у Кингдонов несколько дней подряд, нежели ходить туда-сюда. Мы с Брайди спали на одной кровати в ее комнате. Миссис Кингдон заходила к нам перед сном,

подтыкала под нас одеяло и гасила светильник. Брайди была мне как сестра.

Мистер Кингдон был выпускником Оксфордского университета и считал, что приобретение знаний столь же насущная необходимость, как еда и питье. Всех своих сыновей он отправил в школу. Девочке, он полагал, в школу ходить необязательно, но сам много времени посвящал обучению Брайди. И заметил, что она более внимательна на его уроках, если занимается не одна, а с подругой. Я схватывала на лету, гораздо быстрее, чем Брайди, если уж говорить честно, и моя сообразительность доставляла ему удовольствие. Мы постигали такие дисциплины, как чтение, письмо, элементарная арифметика, заучивали королей и королев Англии и главные реки мира в алфавитном порядке. Латынь, но только в том объеме, чтобы суметь прочесть девиз на гербе Кингдонов: «Regis donum gratum bonum».^[3]

Мистер Кингдон был доволен моими успехами, но, когда однажды он привел меня в свой кабинет, где показал список слов, которые попросил меня прочесть одно за одним, я почувствовала, что должна проявить осторожность. Как я догадалась? Что я могла об этом знать?

Я не объяснила бы ни тогда, ни теперь, почему решила скрыть, что умею хорошо читать. Первые слова, что показал мне мистер Кингдон, были очень, очень, очень легкими. Брайди, как и я, прочла бы их без труда. Потом пошли слова позаковыристей. Я продолжала читать, но медленнее. Мистером Кингдоном, я видела, владеют сложные чувства: любопытство, радость, удовлетворение. И еще что-то. Поэтому, дойдя до слова «подполковник», а оно довольно длинное, я запнулась. Сказала:

– Не могу его прочесть. – Хотя для меня это слово было таким же легким, как и все остальные.

И заметила, что мистер Кингдон расслабился, будто бы обрадовался. Я была разочарована. Почему он с такой готовностью принял мое поражение? Едва не брякнула: «О, теперь я вижу, что это – «подполковник»!». Но, еще будучи ребенком, я уже понимала, – хотя мне о том никто не говорил, – что мне лучше не кичиться своим умом.

Барана прикупил

А потом к нам наведалься Джон Лич. Он приехал купить у дедушки барана, и если б не начался сильный дождь, он бы купил барана и уехал. Но пошел дождь, и дедушка пригласил его в дом, предложив поужинать и переждать непогоду. Оказалось, что Джон Лич был знаком с двоюродным братом матери, жившим в Тонтоне, и однажды в Холсуорси встречался с моим отцом. И даже я, одиннадцатилетняя девочка, заметила, как моя мама оживилась от его знаков внимания.

Но девочка к Джону Личу не прониклась добрыми чувствами, ей не нравилось, что он задался целью очаровать ее маму; она оставалась замкнутой и угрюмой, когда он пытался с ней заигрывать, задавал смешные вопросы об ее щенке и рукоделии. Да и вообще какая разница, что девочка с ним не особо почтительна? Ведь этот краснорожий верзила приехал купить барана; сейчас погрузит его на телегу и был таков.

Но потом Джон Лич стал приезжать просто так, не за бараном.

Словом, вдовец Джон Лич, искавший женщину, которая вела бы хозяйство в его доме и согревала ему постель, положил глаз на вдову Грейс Вил. Никаких разговоров о моем участии в этом союзе я не помню. Не помню, слава богу, слащавых объяснений относительно того, почему меня в новую семью не зовут.

Мама сообщила мне, что она с мистером Личем уедет жить в его дом в Сток-Климсленде, а я останусь с дедушкой.

– Тебе лучше остаться здесь, детка, – воскликнула она. – Ты сама не понимаешь, как тебе повезло! Ты ведь сможешь продолжить учебу!

Я знала: это просто предлог, чтобы не брать меня с собой. Мы с мистером Личем относились друг к другу, как два ошестинившихся пса. Я, конечно, хотела, чтобы мама по-прежнему принадлежала мне. А мистер Лич не желал, чтобы в его жизни появилась девчонка, которая мнит о себе бог весть что, потому что она берет уроки у духовного лица. Избалованная ленивая девчонка, нахватавшаяся жеманства в доме приходского священника. Такой вряд ли понравится, если ей велят вставать на заре и идти доить коров.

Да, правда, я не хотела жить с мистером Личем. Ведь он считал бы каждую ложку, что я подносила бы ко рту, твердил бы маме, что мне пора оторвать нос от книги и заняться делом. Но внутри меня разверзлась глубокая пустота, когда я поняла, что мама сделала свой

выбор, причем не в мою пользу. Кому охота возиться со строптивыми девчонками?

На свадьбе я с букетом в руках стояла рядом с дедушкой и другими гостями. Мы осыпали маму рисом. Одна горсть угодила ей в щеку – из моей руки, как оказалось. Мама вздрогнула и на мгновение посмотрела прямо мне в глаза, что вообще-то случалось очень редко. И тогда я поняла то, о чем догадывалась и раньше: мама не очень-то жалуется меня. Наверно, думает, что любит, ведь мать не может не любить свое дитя. Но один неосторожный взгляд выдал всё: она меня не любила.

А на следующий день Джон и Грейс Лич укатили прочь в его двуколке. На одном колесе я заметила сломанную спицу. По сей день помню эту сломанную спицу, помню, что, улыбаясь и маша им вслед, я старалась думать только о ней. Потому как не хотела задумываться о том, что прощаюсь с матерью навсегда. Сток-Климсленд находился не так уж и далеко, не то что Бат или Плимут, но с того дня меня не покидало чувство, что она живет на другом конце Земли.

Скоро у мамы родилась еще одна дочь. Изабелла Лич. Изабелла стала последней деталью новой картины, которая теперь сложилась раз и навсегда.

Но у меня оставался дедушка; он любил меня. Когда я в первый раз остригала овцу, он с улыбкой наблюдал, как бедное животное становится похоже на двух разных овец одновременно: с одной стороны – обтянутый кожей скелет; с другой – густая копна волнистой шерсти.

Ужались до малого размера

Как-то так само собой вышло, что я переехала жить к Кингдонам. Решение было принято внезапно, заранее меня никто не предупреждал.

– Дедушка твой стар, – сообщил мистер Кингдон.

Вот и все объяснение. «Но дедушка всегда был старым», – хотела я возразить. Однако мистеру Кингдону возражать было не принято. Такое у него было благочестивое лицо, изрытое суровыми морщинами.

– Добро пожаловать, Элизабет, – сказала миссис Кингдон. – Мы рады, что ты стала членом нашей семьи.

В семье Кингдонов считалось зазорным расхаживать по грязи и навозу скотного двора в старом переднике и учиться брать барана за рога, так чтобы он не забодал. Одно дело – быть гостьей в этом доме, другое – жить в нем. Юной леди из семьи священника пачкать руки не положено; для выполнения грязной работы есть другие. Ее удел – не овцы и куры, а вышивание, французские и запошивочные швы.

Изменились и отношения между мной и Брайди. Теперь, живя в доме священника, я стала ей почти сестрой, и передо мной стояла задача не допустить, чтобы мы с ней раздружились. Иначе что ждало бы меня – непривлекательную девочку без денег и, можно сказать, без семьи? Куда податься девочке, которую, как мне казалось, все бросили – сначала отец, потом мать, а теперь вот и дедушка?

Я была вынуждена осторожничать, опасаясь совершить оплошность. А мое новое положение, в сущности, состояло из возможных оплошностей. Я старательно следила за своей речью, чтоб не высказать какое-нибудь смелое суждение, которое моих благодетелей заставило бы засомневаться: ой, пожалуй, она *все-таки* нам не подходит.

Осторожность вошла в привычку, с ней появилась и новая черта – нерешительность. Храбрая девочка, при виде которой дедушка улыбался, теперь ёжилась от грома, терялась, если требовалось принять даже самое пустяковое решение. Я не то чтобы перестала быть самой собой, но отличалась от себя прежней. Стала более услужливой, угодливой. Словно ужалась до малого размера и спряталась глубоко в себе, где меня настоящую никто не видел.

Так устроил господь

В ту пору, когда я поселилась у Кингдонов, мне уже исполнилось двенадцать лет, а Брайди была на несколько месяцев старше. Как-то раз миссис Кингдон отвела нас в сторонку и сообщила, что у нас скоро начнутся, как она выразилась, месячные. От смущения она говорила

сердито, пытаясь подыскать более пристойную замену слову «кровь». Объяснила, как пользоваться прокладками.

Мы обе приутихли, а мы ведь были бойкие девчонки. С ума сойти! У нас между ног будет выделяться – кто бы мог подумать?! – кровь! И ее надо останавливать тряпочками, а затем незаметно относить их Мэри, только чтоб не видели Джон и Эймос, а она, постирав прокладки, уберет их в наш комод, чтобы мы могли воспользоваться ими в следующем месяце.

– Что, каждый месяц? – в ужасе воскликнула Брайди. – Прямо каждый-каждый?

– Да, душа моя, – ответила миссис Кингдон. – Если в какой-то месяц этого не будет, значит, ты беременна.

Она вздохнула.

– То, как Господь устроил свое Творенье, не всегда поддается разумению, – заметила миссис Кингдон. – Иметь детей – большая радость, а без этих дел детей не бывает.

Мы с Брайди ушли в сад. Шли, не глядя друг на друга. Наконец, она высказала то, о чем я и сама думала.

– Меня мутит от одной мысли об этом, – сказала она. – Со мной такого не случится.

Судя по голосу, Брайди действительно в это верила, что ее утешало. А я не верила, и из вредности захотела сорвать на ней злость, – чтоб не успокаивалась раньше времени.

– Значит, у тебя никогда не будет детей, – заявила я.

Мы обе знали миссис Деверо – жительницу нашей деревни. Она была замужем, но детей не имела. Над ней постоянно висел покров несчастья, и все говорили о ней с жалостью, словно она была слепой или незаконнорожденной.

– Ну да, не будет, – отозвалась Брайди. – И что в том плохого?

Она посмотрела на меня, и я прочла в ее глазах страх и отчаяние. Такие же чувства терзали и меня, ибо я была поставлена перед выбором, которого, в сущности, не было.

Потом, когда мы легли спать, я знала, что Брайди не может уснуть, думает, как и я, о том, что спокойное детство прошло, мы становимся женщинами, и нас швыряет в бескрайнее море взрослой жизни, в котором плыть придется без навигационных карт.

– Я никогда не выйду замуж, – произнесла Брайди в темноте. – Лизбет, ты спишь? Я никогда не выйду замуж.

И истерично рассмеялась. Этого ее исступленного смеха в гостиной никто никогда не слышал; только я понимала, что он означает. На людях, слыша легкомысленный хохот Брайди, я восхищалась её умением притворяться, ведь я-то знала, что она куда более глубокая натура. В то же время мне было страшно за нее – и за себя тоже: ведь не может человек всю жизнь изображать то, чего нет!

– Значит, станешь старой девой, – заключила я.

Мы надолго замолчали.

– Да, старой девой, – наконец произнесла она. – Незамужней. Монашкой. Ведьмой. Ведьмой из Бриджрула.

За окном что-то неясно проухала сова.

– Думаю, на самом деле ты смелее, чем я...

– Неужели больше никак нельзя? – перебила меня Брайди охрипшим от волнения голосом.

Сова снова заухала – грустно-грустно, и дерево постучало веткой в окно. Мне казалось, Брайди, как и я, думает: еще несколько лет, а потом каждая из нас станет либо женой, либо несчастной старой девой.

– Можно еще стать вдовой, – сказала я. – Это лучше, чем быть женой или старой девой. Главное – придумать, как это устроить. Безболезненно, конечно.

Она опять хохотнула, издав хриплый визгливый вскрик.

– Да, – согласилась Брайди, – и черный цвет очень идет женщине.

Я представила себе такую симпатичную гравюру в рамке: вдовы Бриджрула, вечно в черных одеяниях, вечно заняты повседневными делами, счастливо благоденствуют без своих почивших супругов. Но моя мама, к примеру, овдовев, не обрадовалась свободе. Обремененная вдовством, она как будто ужалась, скукожилась. Однажды призналась мне, что ненавидит вдовый траур, ненавидит, что замужние женщины смотрят на нее с жалостью, а то и с подозрением, крепче хватая мужей за руки.

– Мы могли бы открыть собственную школу, – промолвила Брайди. – Мисс Вил и мисс Кингдон. У них небольшая школа на холме. Ученицы любят их, и все вокруг только и говорят: «Как же мы

раньше-то жили без этой школы на холме?». Это вполне осуществимо, Лизбет. У других же получается.

– Да, – согласилась я. – Осуществимо.

Но мы обе понимали, что не возможности обсуждаем, а просто пытаемся утешить друг друга.

Брайди уже как тридцать лет умерла, но я хорошо помню ее – мою самую преданную, искреннюю подругу, – такой у меня больше не было. Помню и то, что происходило в темном тепле нашей постели. Как мы ласкали друг друга. Как Брайди ласкала меня, я ласкала Брайди, все, что мы делали вместе. Мы никогда не говорили об этом. У нас не находилось слов, чтобы это описать. И мы совсем не стыдились. Это то, что случается между двумя человеческими существами само собой. Все это происходило по зову природы, дарило нам наслаждение столь же естественное и невинное, как еда, чтобы утолить голод, или вода, чтобы утолить жажду.

Куда ни посмотри

Теперь, повзрослев, мы стали замечать сексуальность повсюду. Вот пес, его маленькая блестящая штучка то появляется, то исчезает, а при виде сучки в состоянии течки он просто сходит с ума, кажется, только смерть может помешать его совокуплению с ней. Вот баран трогает копытом и обнюхивает овцу. Она с виду никак не реагирует, а сестры ее, не поднимая голов, увлеченно щиплют травку, словно демонстрируя: ой, мы так заняты, нам не до этого. Баран бросается на овцу, сжимает ее ногами. Несколько мгновений – и все кончено, а овца все так же щиплет травку.

Из нас двоих смелее была Брайди. То, о чем я только думала, она произносила вслух.

– Честно говоря, Лизбет, – заявила она как-то присущим ей сухим тоном, – если это то, что нас ждет в супружестве, то гори оно синим пламенем.

В Бриджруле мы не встречали среди жителей ни Троила и Крессиды^[4], ни Ромео и Джульетты. Но мы видели, что мужчины, если представлялась такая возможность, предавались любовным утехам с

женщинами, практически с любыми. А женщины, если представлялась такая возможность, соглашались жить с любым мужчиной, неважно каким, при условии, что он мог предложить им будущее. Только в книгах мы читали про любовный восторг и вздохи. В книгах влюбленные вступали в брак на последней странице, а что было потом – покрыто тайной. Мы зачитывались книгами, но в них мы, девочки, не находили никаких намеков на то, что ждет нас в жизни.

Брайди могла позволить себе смелые высказывания, – по крайней мере, наедине со мной, – но лишь потому, что у нее были родители, которые о ней позаботятся, братья, которые ее защитят. Она могла рассчитывать на солидное приданое, которое выделит ей мистер Кингдон, когда придет время. Да, мы с ней смеялись вместе, но мой смех не был искренним. Красотой я не блистала. Не имела ни родственников, ни приданого. Да и солидных связей тоже. Моим единственным достоянием была девственность. И только она. Я начинала понимать, что должна продать свою непорочность с максимальной выгодой, ведь когда я ее лишусь, у меня больше ничего не останется.

Мы расцветали, превращаясь в юных девиц, и к нам стали захакивать молодые люди. Офицеры, расквартированные в казармах Холсуорси; учителя из школы, в которой учились братья Брайди; викарии. Когда мы входили в комнату, мужчины вскакивали на ноги. Когда шли к выходу, они подбегали, чтобы открыть перед нами дверь, как будто сами мы были не в состоянии повернуть ручку. Когда гуляли в полях, они перепрыгивали через низкий забор, чтобы, поддерживая нас под руки и за талии, помочь нам преодолеть перелаз. Но если бы не пышные платья и нижние юбки, в которые мы были облачены, если бы не шали, спадавшие с наших плеч, если бы не необходимость вести себя скромно, в силу чего мы были скованны в движениях, нам не требовалась бы никакая поддержка. Вся эта изысканная учтивость, вся эта банальная галантность лишь подчеркивали тот факт, что мы обладаем чем-то столь драгоценным, что нас нужно охранять.

Драгоценным – или опасным? Это было не совсем понятно.

Ни она, ни я никогда не оставались с кем-либо из этих мужчин наедине, с глазу на глаз. Общение с противоположным полом неизменно сводилось к пустой светской болтовне в присутствии

других людей. В детстве мы с Брайди любили бродить в полях и по улочкам деревни, но теперь такие прогулки не приветствовались, разве что – словно бы по чистой случайности – кто-то из братьев Брайди прогуливался в том же самом направлении.

– Бриджет, ты теперь женщина, – укоризненным тоном принялась отчитывать нас миссис Кингдон после того, как однажды утром мы незаметно ускользнули из дома. – И ты, Элизабет, тоже. Скажу прямо: есть такие мужчины, которые всегда готовы обмануть девушку.

– Обмануть? – повторила Брайди. – Но как именно, мама?

Миссис Кингдон запнулась. Я видела, что ее колебания вызваны отнюдь не растерянностью: ее снедала тревога за нас, тут уж не до смущения. Дело было не в стеснении, а в поиске слов, вернее, в их отсутствии.

– Вы же видели, как ведут себя бараны, – наконец произнесла она. – Видели, что фермеры держат баранов отдельно от овец. К овцам пускают только отборного барана. Но баран не разборчив. Он готов спариться с любой овцой, если ему позволить.

Миссис Кингдон взяла Брайди за руку, а другой рукой обхватила мою.

– Вы, девочки, наше сокровище. Ваше будущее счастье зависит от того, сумеете ли вы уберечь себя от опасности. Вам понятно, девочки мои?

По правде сказать, не совсем.

– Выходит, мальчиков тоже отбраковывают, как ягнят, – однажды ночью промолвила Брайди. – Да нет, вряд ли. Иначе разве у меня было бы шесть братьев?

– Нет, мальчиков не отбраковывают, – ответила я. – Хотя в каком-то смысле это так. У кого больше денег, тот и выбирает себе женщину.

– И кого же он выберет? – задумалась она, и тут же сама ответила на свой вопрос: – Богатую и красивую. Мы с тобой не относимся ни к той, ни к другой категории.

Она издала странный звук. Смех или всхлип?

– Они осматривают нас, – продолжала Брайди. – С головы до ног. Особенно пялятся на наши... прелести.

– А мы? – отозвалась я. – Мы смотрим на их прелести?

Мужчины обычно стояли, облокотившись на каминную полку, так что самую интересную часть их тела в облегающих светлых брюках обрамляли полы сюртуков.

– Я смотрю на лицо мужчины, – ответила Брайди. – Пытаюсь увидеть... Сама не знаю что. Может, интерес к чему-то помимо моих прелестей? Может, интерес ко мне самой?

– Интерес к тебе самой! – повторила я.

Я почувствовала, как кровать затряслась от ее смеха, а потом – и от моего собственного. Мужчина, который был бы заинтересован в тебе самой! Забавно. Кровать тряслась так сильно, что ее дрожь, наверно, слышалась в комнате этажом ниже, где мистер и миссис Кингдон делили супружеское ложе. Это мысль быстро отрезвила нас.

Отец – не такой отстраненный, как мистер Кингдон, – возможно, смог бы объяснить более доходчиво. Отец, возможно, нашел бы простые и понятные слова. Он сказал бы: «Вам будут льстить. Будут вздыхать, превознося вашу красоту». А еще он сказал бы: «Не вздумайте поверить им, ни на секунду. Ни в коем случае не позволяйте им овладеть вами, именно в этом цель их льстивых речей. Смейтесь над ними», – посоветовал бы такой отец. – «По-доброму, конечно, но насмехайтесь».

Овсяница змеиная

С мистером Макартуром я познакомилась на крестинах новорожденной дочки супругов Кингдон. Я выступала в роли крестной их очаровательной малютки, которую назвали в честь меня. Идея эта принадлежала доброй миссис Кингдон, старавшейся обеспечить мне еще более надежную защиту своей семьи и укрепить мою веру в свои перспективы. Нам с Брайди было уже по двадцать два года. Миссис Кингдон понимала то, чего мы не еще сознавали: что бег времени ускоряется.

На крестины из гарнизона Холсуорси пришел капитан Мориарти, а с ним – его друг энсин Макартур. Капитан Мориарти, симпатичный улыбчивый мужчина, приходился Кингдонам дальним родственником. Было ясно, что он хотел познакомиться с Брайди. Как и я, красавицей

она не была, но мистер Кингдон мог бы быть полезен ему в качестве тестя. Мне Мориарти показался самодовольным типом, наслаждающимся собственным великодушием: ну как же, он преподносит себя в подарок невзрачной мисс Кингдон.

Я отметила, что он поставил свой стул совсем близко от стула Брайди, а потом придвинулся к ней еще ближе под тем предлогом, что одна ножка угодила на край ковра. Наблюдая, как капитан Мориарти смотрит на Брайди – так другие фермеры оценивали овец моего дедушки, – я начинала понимать, что нам с ней недолго осталось жить под одной крышей.

Мистер Макартур пришел лишь для того, чтобы у его товарища была возможность пообщаться с Брайди наедине, и теперь мы все должны были этому способствовать. Миссис Кингдон разлила по чашкам чай и занялась тем, что она прекрасно умела: завела застольную беседу.

– Мисс Вил на досуге изучает травы на наших пастбищах, – начала она, улыбнувшись мне, но тут же с сомнением взглянула на мистера Кингдона. Испугалась, поняла я, что изучение пастбищных трав – не столь благородное для леди занятие, нежели другие науки, – может создать превратное представление о подруге Брайди, а значит, и о самой Брайди.

Я улыбнулась капитану Мориарти, затем мистеру Макартуру, но не потому, что они мне нравились, – просто хотела мягко успокоить миссис Кингдон.

– Да, – подтвердила я. – Но, разумеется, я изучаю только наши местные – девонские – травы, такие, как овсяница овечья и прочие.

Тут я подумала, что мои слова прозвучали как мягкий укор в адрес миссис Кингдон, словно она гордится мной за те достоинства, которые не заслуживают внимания. Я забеспокоилось, что беседа может застопориться. Но мои сомнения и колебания, а также сомнения и колебания миссис Кингдон тут же развеял капитан Мориарти. Выяснилось, что он знает о травах больше, чем любой из присутствовавших. Широко расставив ноги, он поднял вверх палец, будто выступая на собрании.

– Да, мисс Вил, это очень интересно, – подхватил он. – *Festuca ovina*, овсяница овечья. А знакома ли вам более редкая трава – овсянка змеиная?

Об овсянке змеиной я, разумеется, никогда и слыхом не слыхивала. Так и ответила. После чего капитан Мориарти стал щедро делиться с нами своими обширными познаниями в ботанике, а мистер Кингдон, миссис Кингдон, мистер Макартур, Брайди и я только сидели и кивали. К тому времени, когда капитан Мориарти перестал загибать пальцы, перечисляя названия растений, про неблагородное занятие мисс Вил уже никто и не вспоминал.

Мы с Брайди, позволив себе маленькое пустячное удовольствие, насмешливо переглянулись. Вот говорун! Но затем она пригладила волосы назад, заправив прядь, что внезапно выбилась на виске, словно дерзкая реплика, бесшумно опустила на блюдце свою чашку и, переставляя ее на приставной столик, чуть склонилась в сторону капитана Мориарти.

Тот мимолетный взгляд подруги служил мне утешением, но одновременно я испытала глубокое чувство одиночества, и с того дня в наших отношениях с Брайди появилась некая натянутость. Да, тогда за столом мы обменялись понимающими взглядами, но после вслух не смели сказать то, что обе точно знали: пусть капитан Мориарти – нудный всезнайка, но, если он попросит руки Брайди, она ответит согласием. Как и любая другая женщина, она не могла себе позволить дожидаться своего Троила или Ромео.

Разумеется, он был джентльменом

И вот, пока Брайди и капитан Мориарти сидели в гостиной или прогуливались в саду, мисс Вил и мистер Макартур тоже находились там, оживленно беседуя между собой, – так сказать, выступали в качестве ширмы, за которой их друзья налаживали взаимопонимание.

Мистер Макартур был человек несимпатичный и холодный. Он не улыбался и вообще не пытался быть приятным собеседником. Из-за оттопыренной нижней губы был похож на капризного ребенка, все лицо – в рубцах от оспы. Глаза немного странные, словно их вставили кое-как, посажены слишком широко, один глаз немного выше другого. Вид у него был высокомерный. Гостиную мистера Кингдона он оглядывал, скривив губу, словно считал, что здесь чего-то не хватает.

Но уж ему-то важничать совсем не пристало. Носит низшее офицерское звание, служит в самом никчемном полку, под командованием Фиша, причем полк этот едва успели создать, как тут же расформировали: война кончилась раньше, чем ожидалось, и Макартур остался не у дел. Любой из присутствовавших мог бы произвести нехитрый расчет: офицерское звание обошлось ему в 400 фунтов, а что взамен? Энсин на полставки. Это означало только одно: неудачник.

Я и не рассчитывала на то, что он примется очаровывать меня, как капитан Мориарти очаровывал Брайди. Энсин на полставки был не в том положении, чтобы добиваться внимания бесприданницы. К тому же он был молод, ему, как и мне, было только двадцать два года. А может, и двадцать один. Он уклончиво говорил о своем возрасте, как и о многих других вещах.

– О да, – заявил он, – я подумываю о том, чтобы стать адвокатом. – Ха, адвокатом! Можно подумать, эта профессия сама стучалась к нему в двери.

Разумеется, он был джентльменом. Во всяком случае, вел себя, как джентльмен, и образование получил надлежащее. При случае, по его словам, был не прочь развлечься псовой охотой, мог щегольнуть цитатой из Горация, немного понимал по-гречески, – и поэтому мистер Кингдон рассудил, что такой человек достоин чаепития с его семьей.

Но выяснилось, что отец его был торговцем, продавал ткани. Макартур утверждал, что его отец – крупный торговец, его предприятие не какой-то там лоток, торгующий лентами. Он поставлял ткань для формы военнослужащих армии и военно-морского флота, так что не думайте, будто мистер Макартур-старший стоит за прилавком с портновской измерительной лентой на шее. И все же нельзя было отрицать, что офицерское звание мистера Макартура-младшего оплачено из прибылей от продажи сорочек и белья. Чувствовалось, что данное обстоятельство сильно угнетает сына торговца, все существо которого составляла гордыня.

Поэтому мы много слышали о том, что значит принадлежать к роду Макартуров. По словам мистера Макартура, его дед был лэрдом ^[5] Стратклайда в Аргайлшире, и прадед тоже, и так далее в туманную глубь веков, а первый Артур – основатель рода – был не кто иной, как сам король Артур.

Но дед и семеро его сыновей, один из которых был отцом мистера Макартура, в битвах той эпохи заняли не ту сторону, воевали за «короля из-за моря»^[6]. Нет, он не был католиком, поспешил добавить мистер Макартур, такой выбор был сделан из политических соображений и ради славы Шотландии. После разгрома под Каллоденом они лишились всех имений и титулов, и отец мистера Макартура, после многочисленных злоключений, наконец обосновался в Плимуте. Там он женился на будущей матери мистера Макартура, обзавелся двумя сыновьями. Мистер Макартур был младшим в семье, и это постоянно его раздражало. Дело не в том, что он хотел стать торговцем тканями, но ему было обидно, что их семейное предприятие в Плимуте перешло к его брату только потому, что тот родился первым, а сам мистер Макартур прозябал в гарнизоне Холсуорси в ожидании возможных перспектив.

– Дорогой друг, – с искренним сочувствием произнес наконец мистер Кингдон. – Какая ужасная история. Для вашего отца, должно быть, это глубокое потрясение.

– Да, глубокое, – подтвердил мистер Макартур. – Незаживающая рана. Оскорбление, напоминающее о себе каждый божий день.

Он говорил с волнением в голосе. И о собственной ране тоже: ему, потомку лэрда Стратклайда и, возможно, самого короля Артура, приходится давать объяснения в скромном доме священника в Девоне. Разве это не оскорбительно? Гордость не позволяет ему доказывать свое дворянство, но реальность его нынешнего положения такова, что он вынужден это делать.

Капитан Мориарти был сама пристойность, неизменно любезен и учтив, а мистера Макартура словно что-то снесало изнутри, нечто темное и жгучее. В нем пылал заглушенный огонь, и было в том огне что-то интригующее для меня. Скажу прямо: меня к этому влекло.

Бывало, он сидел неподвижно и молчал, пока капитан Мориарти обхаживал Брайди. Но в саду, когда Брайди и ее капитан находились неподалеку, могли видеть нас, но не слышали, мистер Макартур порой позволял себе позабавить меня. Он умел точно и зло пародировать других, великолепно имитировал Мориарти, толкающего напыщенную речь. Худощавое лицо Макартура прекрасно передавало деланое изумление Мориарти, удивляющегося собственной образованности.

Это было отвратительно, но находило отклик в гадких уголках моего существа. Я обнаружила, что и во мне живет неплохой пародист: я отлично изображала строгого мистера Кингдона и его рокот, когда он изрекал благочестивые сентенции. Мне было стыдно, что я передразниваю своего благодетеля, ведь он был так добр ко мне, но я не могла устоять перед соблазном продемонстрировать искрящиеся игривые грани своей натуры и рассмешить надменного мистера Макартура.

И не только рассмешить. По его взглядам и легким намекам, которые могла заметить только жаждущая мужского внимания девушка, я начинала понимать, что мистер Макартур проявляет ко мне некоторый интерес, и старалась его оправдать. И это не был флирт. Если бы Брайди тогда сказала: «Лизбет, ты же с ним флиртуешь!», я с ходу опровергла бы ее слова, возможно, ответила бы в шутовском тоне, что мое поведение по отношению к мистеру Макартуру – просто репетиция на будущее: глядишь, когда-нибудь в доме бриджрулского священника появится и более подходящий претендент. И это была бы правда, но не вся.

Тогда я этого не сознавала, но теперь понимаю, что я наблюдала не за ним, а за собой. Мне стали открываться некоторые стороны моего существа, которые никогда прежде не проявлялись, и это чертовски волновало.

И вот наступил решающий момент – я ясно помню его, словно он был запечатлен на гравюре, которая всегда стоит перед глазами – день перед ночью летнего солнцестояния. Накануне нам нанесли визит мистер Макартур и капитан Мориарти. Мы сидели в гостиной, договаривались о том, что завтра вечером встретимся и пройдемся до деревни, посмотрим, как местные жители танцуют вокруг костра. Мы-то сами – леди и джентльмены – танцевать не намерены, не станем предаваться беспутным забавам, в отличие от деревенских жителей, которые, с раскрасневшимися лицами, будут ликовать оттого, что настала ночь летнего солнцестояния, когда многое дозволено и все правила временно отменены. Мы просто полюбуемся на пылающий костер, на то, как будут взметаться ввысь искры, когда Экстенс, деревенский кузнец, подбросит в огонь новое полено; поудивляемся тому, как необычно выглядят в ночи знакомые предметы.

Понаблюдаем, как парочки, которых почти не видно в тени костра, постепенно растворяются в темноте.

Наши гости собрались уходить, начался ритуал проводов: мистер Мориарти и Брайди прощались на гравийной тропинке; миссис Кингдон спускалась к ним с крыльца; мистер Кингдон пошел наверх за книгой, которую он обещал мистеру Макартуру; я стояла на улице у самого входа в дом. Мистер Макартур задержался в гостиной. Я оглянулась и вижу: вот он, стоит в обрамлении двух дверных проемов, и коридор – словно воздушный канал, вдоль которого мы смотрим друг на друга. Поток воздуха между нами, узкая линия видимости словно соединили нас некой интимной нитью. На одном конце канала – молодая женщина, которой любопытно, как это – почувствовать в себе мужскую плоть, на другом конце – молодой человек, взглядом настоятельно требовавший к себе внимания.

У нас было всего несколько секунд, но он успел ими воспользоваться. Приложил руку к груди, словно погладил себя, растопырив пальцы на кителе, и вопрошающе склонил набок голову, всем своим видом изображая покорность и страстное томление. Как много можно выразить одним лишь наклоном головы!

Это мгновение – длившееся секунду, не больше – полностью обезоружило осторожную Элизабет Вил. Словам я бы ни за что не поверила, а этому жесту – руке, прижатой к груди, и этому причудливому призыву, выраженному наклоном головы, – поверила.

Затем мистер Кингдон спустился со второго этажа, миссис Кингдон оглянулась на меня, мистер Макартур надел шляпу, и мисс Вил выплыла из дома впереди него, и день вдруг показался таким прекрасным, что у меня от радости бешено забилося сердце.

Трепетное незнакомое существо

Летняя ночь, я и мистер Макартур. Мы брели к полю, где пылал костер, неким странным образом озарявший деревья, будто сверху вниз. Обувь на ногах отяжелела от налипшей грязи. Брайди и капитан Мориарти шли впереди, не оборачиваясь. Мистер и миссис Кингдон избрали более длинный путь – по дороге. Мистер Макартур сильной

рукой крепко обхватил меня за талию, помогая мне перебраться через перелаз, при этом его щека оказалось совсем близко к моей.

– Знаете, это коварный перелаз, мисс Вил, – заметил он. – Некоторые, я слышал, не принимали в расчет его коварность, а потом жалели об этом. Вот, возьмите меня за руку, прошу вас!

Обычный перелаз, не лучше и не хуже любого другого. Мы с Брайди раз сто перебирались через него без малейших затруднений. Но я вложила руку в ладонь мистера Макартура, и надо же – то ли из-за того, что темно было, то ли от этой непривычной и ненужной помощи – оступилась, покачнулась и на мгновение навалилась на него. Не выпуская моей руки, он повел меня вдоль живой изгороди – не самым коротким путем к костру, даже вовсе и не к костру, но я пошла за ним.

Вечерняя тьма благоухала сочными сложными запахами смоченной росой растительности, которые разносили порывы свежего ветра, дувшего по низу, близко к земле, не так, как днем. Ночь походила на живое существо, до поры невидимое, но когда люди ложились спать, она жила своей жизнью, шевелилась и дышала тонкими струйками прохладного воздуха, то с одной стороны, то с другой, шептала листвой, вовлекая меня в свои тайны.

Колосс

Именно любопытство – в числе прочего – стало причиной того, что я позволила событиям развиваться в таком направлении. Любопытство – и еще, конечно, его оболъстительные речи. Ох уж эта его лесть! И мое тщеславие, готовность верить ему.

– Сладкие губки, – бормотал он. – Такие сладкие!

Голос у него срывался. Дрожащими пальцами он поглаживал мою щеку, обводил контур моих губ.

– О, – горячо дышал он мне в ухо. – Моя дорогая, пленительная, бесценная.

Никогда бы не подумала, что я способна вызвать у мужчины настолько сильное желание, что он разучился вразумительно говорить: двух слов связать не мог. Это было новое, неведомое ощущение. Он почти умолял меня. Вот ведь, оказывается, какая во мне заключена сила. Я чувствовала себя такой же громадной и вольной, как

окутывавшая нас ночь, существом без границ. Звезды на необъятном небе сверкали так же ярко, как переполнявшее меня радостное возбуждение; их пульсирующий блеск и мерцание сулили бесконечность времени и пространства, вечность, – все то, чего у женщины никогда не было. Наконец-то я освободилась от незримых оков и осознала свой истинный масштаб: я ощущала себя колоссом.

– Сладкие губки, такие сладкие, – шептал он.

Не слова, а дрожь мужских пальцев побудили меня лечь на спину у изгороди. Звезды, треск костра на дальнем краю соседнего поля, мельтешащие блики пламени, видневшиеся сквозь кусты – все трепетало, принимая причудливые формы. Но в ночь летнего солнцестояния все необычно, все дозволено, все ново, и я с восторгом упивалась собственным могуществом, которым я, оказывается, обладала. И на меня снизошло откровение. Нас опекают, пугают, внушают нам, что мы нуждаемся в круглосуточной защите по причине, которую никогда не называют, вовсе не потому, что мы испытываем перед ними страх, а из страха перед нами!

Дрожа всем телом, он придавливал меня к земле. Я слышала шуршание юбок, которые он задирает на мне. Наконец ночной воздух коснулся оголенной кожи. Да, я понимала, что подвергаюсь насилию. Знала: это именно то, о чем меня предупреждали. Насмотревшись на овец и собак, я прекрасно понимала, что происходит. В общем, не стану утверждать, что я пребывала в неведении. Но при этом я абсолютно четко сознавала, что меня не принуждают, что это мое решение, мой собственный выбор. И что я не допускаю ошибки. Ведь я – колосс, богиня. Тоненький предостерегающий голосок стих. Осталась только твердая уверенность. Меня переполняло блаженство, а значит, ошибкой это быть не могло.

Недолго музыка играла. Очень скоро он слез с меня, поднялся на ноги. Со стороны поля донеслись громкий крик и недоуменное блеяние разбуженной овцы; волшебство произошедшего исчезло, я сразу поняла, что поддалась обману. Теперь уже не было ни трепетных вздохов, ни страстных стонов, никаких милых глупостей о том, как я его околдовала. В его голосе слышались лишь беспокойство и равнодушие.

– Вставайте, мисс Вил, поднимайтесь, – произнес он скрежещущим шепотом. – Мисс Вил!

Значит, я все-таки не колосс. Просто мисс Вил, которую можно бесцеремонно поднять с земли, равнодушно подхватив недрожащей рукой, и повести, как овцу, вдоль живой изгороди к перелазу. В этот раз у перелазы – никаких любезностей. Мистер Макартур крепко взял меня за руку с одной целью – помочь мне поскорее перебраться на другую сторону.

– Пойдемте-ка в обход, – отрывисто бросил он, будто велел кучеру подавать экипаж. – Поторопитесь!

Скрытно, словно крысы, мы быстрым шагом двинулись вдоль изгороди, прячась в ее тени, и вышли к самому костру, будто мы там и были; причем отдельно друг от друга, как чужие.

Ну вот, подумала я про себя, рано проснувшись на следующее утро. Рядом Брайди еще спала невинным сном. Теперь я знаю. Я повторяла и повторяла эти слова про себя, находя в них какое-то мрачное удовлетворение. Теперь я знаю. Словно это знание позволяло вновь ощутить частичку той могучей власти, которой я обладала в течение тех нескольких сумасшедших минут за живой изгородью. Теперь я знаю.

Сегодня, с опозданием в шестьдесят лет, я понимаю: он тогда не ожидал, что я ему отдамся. Соблазнение Элизабет Вил было одной из тех недостижимых целей, которые никто и не надеется достичь. Теперь мне знакомо это чувство удовлетворения, с каким он бросился добиваться невозможного. Макартура увлекал сам процесс охоты, а не добыча. Его холодность, когда мы вышли из-за изгороди, отчасти отражала постигшее его разочарование. Лисица сама преподнесла себя охотнику. Где же тут триумф?

Влипла

Я слышала о разных способах, они многим известны, и, к моему стыду, я испробовала все. Горячие ванны, прыжки с высоты, подскоки на месте до боли в боку. Слышала я и о листьях розмарина, а его-то в саду было сколько угодно. Преисполненная решимости, четко понимая, что это необходимо, я усилием воли заставляла себя глотать

эти листья, но даже при самой острой нужде невозможно съесть такое количество розмарина, какое требуется для достижения желаемого эффекта.

Я во весь дух неслась по глинистой дороге, что вела из деревни, мчалась так быстро, что поскользнулась и упала в грязь. Поднялась, снова сорвалась с места. Сил не осталось, но я не замедлила бег. Добралась до вершины холма и готова была покорить еще один. На самом высоком участке той извилистой грунтовой дороги, там, где стоит церковь – я вижу его словно наяву, – подъем кончается, и оттуда – прямая ровная дорога от нашего дома до Холсуорси. Если бы эта унылая дорога, по которой много раз ходил мистер Макартур, шла в гору, как та, по которой я только что примчалась сюда, возможно, он не трудился бы навещать дом священника. А теперь вот, потная, запыхавшаяся, я стояла и смотрела на ту дорогу. В боку колело. То была желанная боль. Она дарила надежду. После такой пробежки никакой ребенок не должен бы выжить во мне!

Стыд меня не мучил. Проблему нужно было решать любой ценой. А моей решимости могла бы позавидовать сама Жанна д'Арк.

Спрятаться негде

Я не знала, как сообщить Брайди. Она пребывала в глубокой печали, хотя внешне храбрилась: капитан Мориарти так и не сделал ей предложение. Они с мистером Макартом по-прежнему навещались к нам, но было ясно, что жениться на Брайди он не намерен. Расскажи я ей о своем положении, она сочла бы, что ее горе в сравнении с моим суший пустяк, а это вовсе не так. Да и как объяснить, что я попала в беду из-за глупого ребяческого любопытства и такой недостойной черты, как тщеславие?

Но подобный секрет от женщин, живущих с тобой под одной крышей, долго скрывать невозможно.

Однажды мы с Брайди сидели рядом на заборе между домом и церковью, вглядывались в темноту августовской ночи. Я держала в руках веер, хотя было не так уж и жарко. Просто Брайди уже обо всем догадалась, и я, зная это, все порывалась спрятать от нее лицо. Не из-за того, что я стыдилась своего дурного поступка, приведшего к

печальным последствиям. Мне было унижительно, что я повела себя, как дура. Меня ведь с детства предостерегали, учили правде жизни, а я возомнила себя умнее всех.

Никто меня не принуждал. Только безрассудство и самонадеянность позволили мне вообразить, будто это я – хозяйка положения. К сожалению, сыграли свою роль и мое незнание повадок мужчин, неумение распознать их лесть. Ах, какой же восторг я испытала от того, что приручила, как мне казалось, большого сильного мужчину, заставила его упасть к моим ногам!

Щеки мои за веером пылали – от ярости. Ведь стоило мне на один только шаг ступить за черту дозволенного, и я сразу же понесла наказание. Всего на шаг! Всего один раз!

Теперь, рассказывая вам эту давнюю историю, я ясно понимаю то, что тогда было недоступно моему разумению. Прошу не судить меня слишком строго. Мне хотелось бы взять ту юную женщину за руку и сказать ей: «Ты не была дурочкой». Или: «Ты совершила глупость, но дело не только в этом. Ведь если б ты всегда придерживалась установленных рамок, ты так и осталась бы ребенком».

А во мне пылал огонь, он и побудил меня выйти за установленные рамки. Это не должно расцениваться как преступление.

Брайди проявила ко мне снисходительность. Она снова и снова утешала меня, но как-то безучастно, подобно человеку, что с палубы корабля пытается добрым словом поддержать упавшего за борт, которого спасти невозможно. А потом и сказать уже было нечего.

В ту тихую ночь, слушая ее мягкий успокаивающий голос, ощущая в своей ладони тепло ее руки, я ежилась от ее жалости. Ведь я пошла за изгородь сознательно. В ту ночь, когда для меня мир изменился безвозвратно, я решила: никому не позволю себя жалеть. Главная черта характера мистера Макартура – гордыня, а моего отныне станет твердость духа: чужую жалость я буду отвергать.

Я лежала рядом с ней с открытыми глазами, зная, что эта последняя ночь нашей прежней жизни. Брезжил рассвет – последний рассвет моей тайны, а утро, что вслед за ним наступит, станет первым утром моего будущего. Каким оно будет? Я выйду замуж за этого мрачного чужака, и наша жизнь будет навсегда отравлена чувством сожаления? Или же меня ждет другая судьба – настолько непохожая на

мое существование в чинном Бриджруле, что ее невозможно даже представить? Как быть юной женщине, у которой нет ни семьи, ни денег, а все ее достояние – живот, в котором зреет ребенок, зачатый вне брака?

Светлело. Наступал новый день, когда тайна откроется и на меня обрушится водопад последствий, которые утянут меня на дно. Я слушала, как дом постепенно просыпается. Скоро мне придется занять в нем свое место и вынести все, что суждено пережить.

Покрытие грехов

Мистер Макартур был брезглив, не переносил запаха ланолина и овечьего помета. И совсем не терпел глупого бляения, а бедные овечки по-другому объясняться не умеют. Оттопырив губу сильнее обычного, он осторожно шел по двору моего дедушки, выбирая место, куда можно поставить ногу.

Благодаря доброте мистера Кингдона мой грех вскоре будет покрыт: нам предстояло дать брачный обет, на моем пальце появится массивное кольцо. Мистер Макартур стоял рядом со мной, счищая с сапога грязь, а я стучала и стучала в дверь, просила отворить. Но за дедушкой никогда не тянулся шлейф грехов, которые следовало замаливать. Из трубы вился дым, но он к нам так и не вышел.

Частичка родного дома

Миссис Кингдон заменила мне мать, распахнула передо мной двери своего дома и свое сердце, а я за заботу отплатила ей черной неблагодарностью. Но она простила мне предательство. Эта добрая женщина поговорила с моей мамой, и та отдала мне свое небольшое приданое; на эти деньги не проживешь, зато у меня появилось личное достояние. А еще она подыскала в деревне девушку и убедила ее стать моей горничной.

– Тебе потребуется помощница, – сказала миссис Кингдон, – когда родится ребеночек.

Ребеночек! Я благословляла миссис Кингдон за ее доброту. И до сих пор чту память о ней.

Энн еще не исполнилось и пятнадцати. Высокая, тощая, рыжая девчонка, вся в веснушках. Робкая и малограмотная. Но мне было радостно, что я увезу с собой частичку Бриджрула, пусть это и была девушка, которую я почти не знала. А она сама, видимо, вообразила, что пускается в увлекательное приключение.

Мистер Кингдон, с тех пор, как узнал о происшедшем, не мог на меня смотреть. Но, по примеру милосердного Господа, которому он служил, священник не выставил грешницу из собственного дома. Используя свои связи и знакомства, он очень удачно устроил перевод мистера Макартура в 68-й Пехотный полк, который вскоре должны были направить в гарнизон где-то в Гибралтаре. Это способствовало достижению сразу двух целей: энсин Макартур снова будет получать жалованье в полном объеме и сможет – при известной экономии – содержать супругу и ребенка, да к тому же мистер и миссис Макартур будут жить вдаль от Бриджрула.

Радостное событие

Я была благодарна всем за то, что они делают вид, будто наша свадьба – большая радость, и сама улыбалась во весь рот, так что челюсть заболела. А мистер Макартур не утруждал себя притворством. Был хмур и не улыбчив, потребовал, чтобы в брачном свидетельстве он был записан как Джон Макартур, эсквайр. Мистер Кингдон вздрогнул, недоуменно заморгал, выражая сомнение, но мистер Макартур не уступал, а мистер Кингдон, бедняга, хотел только одного: поскорей покончить с формальностями, чтобы мы оба убрались из его жизни. На том и порешили. Джон Макартур, эсквайр. Так и сохранится, пока существует та книга регистрации актов гражданского состояния.

Элизабет Вил – железная женщина – стояла с высоко поднятой головой, не сводя глаз с мистера Кингдона, читавшего текст обряда. Я была спокойна, восхищалась своим хладнокровием, глядя на себя как бы со стороны. Но, когда настал момент произнести заветное

коротенькое слово, у меня вдруг во рту пересохло, язык прилип к нёбу, горло сдавило, губы онемели.

Ну нет, я не подвергну себя унижению! Не допущу, чтобы люди потом говорили: «Ха, она даже «да» не сумела выдать из себя!». Я втянула щеки, пошевелила языком в пересохшем рту, опустила подбородок, думая о лимоне, пока мистер Кингдон читал текст брачных обетов.

А ведь я репетировала, как буду давать согласие. Да! Громко и уверенно, без малейших колебаний. Это же начало романа, который будет длиться всю жизнь: моя мечта. Лимон меня спас, но слово, решившее мою судьбу, я, скорее прохрипела, едва слышно.

У мистера Макатура так сильно тряслись руки, что он с трудом надел мне на палец обручальное кольцо. Я слушала его тяжелое сопение, смотрела на его трясущиеся пальцы, и вдруг мой трепет куда-то пропал. Его слабость придала мне сил. Да, я почти не знала его, но мы с ним заключали брачный союз, клянясь быть вместе в болезни и здравии, в бедности и богатстве. Мужчина, чуждое мне существо, он говорил на чужом языке силы и самоуверенности, но мы оба родились в одной стране, где человек вынужден выдавать себя за того, кем он не является. Как сложится наша супружеская жизнь? Это будет зависеть от того, найдем ли мы общий язык. Будет ли он доверять мне, буду ли я доверять ему – настолько, чтобы не утаивать друг от друга то, что открывается мне в дрожании его рук, хоть он и не желал бы это показать?

Той ночью в холодной комнате казарм в Холсуорси я попыталась найти с ним общий язык. Задув светильник, мы, два чужих человека, лежали в постели. Кровать была узкой, но между нами все равно оставалось немного места. Из конюшен доносилось лошадиное ржание, кто-то кричал нечто похожее на: «Слон! Слон! Слон!». Зачем кому-то среди ночи в казармах Холсуорси вспоминать про какого-то слона?

Мистер Макатур не шевелился, лежал на другом краю кровати, будто камень. Не умер же он за те несколько минут, что прошли с того момента, как он задул свечу, шумно разделся и нырнул под одеяло с другой стороны? Конечно, не умер, но лежал неподвижно, как мертвец.

– Раньше я не понимала, что значит «сердце не на месте», – промолвила я.

Создавалось впечатление, что я кричу: так громко прозвучал мой голос в темноте каморки.

– А сегодня поняла, – продолжала я. А что еще оставалось? – Казалось, сердце у меня в рот переместилось, оттого там и пересохло!

Я вспомнила, как тяжело он дышал, надевая мне на палец кольцо, и сказала себе: «С самого начала строй отношения так, как ты это видишь – или, по крайней мере, надеешься увидеть». Я нащупала его ладонь под одеялом и стиснула ее.

– А у вас, мистер Макартур, – спросила я, стараясь придать непринужденность своему тону, – сердце тоже было не на месте?

Он молчал, на пожатие мое не ответил. Я похолодела, поняв, что совершила ошибку, которую придется как-то исправлять. Но через некоторое время он заворочался в постели, будто с намерением повернуться ко мне. Произнес:

– Да. Со мной такое впервые.

Он прокашлялся, прочищая горло, и сдавленно хохотнул.

– Понимаете, я не могу подобрать слова, чтобы описать, в каком необычном положении я оказался.

Конечно, мне было бы приятнее услышать: «мы оказались». Но, как, впрочем, и я, всю жизнь до этого дня он мыслил в категориях «я», «мне», «мое». Мысль о том, что мы с ним, до сего дня существовавшие по отдельности, теперь стали каким-то «мы», думаю, была новой и тревожной для нас обоих. Готова ли я к тому, что он и я теперь «мы»? Да, я с радостью беру его за руку, шучу про сердце, но на самом деле желаю ли я, намерена ли стать единым «мы» с этим чужим человеком?

Мы поженились, стали супругами лишь потому, что совершили то, что дозволено только супружеской чете. А, решившись на интимную близость, когда это еще не было дозволено, было бы извращением не повторить это теперь. Но на этот раз он обошелся без вздохов и нежных слов. А у меня не возникло потрясающего ощущения собственного могущества. Был только сам акт, краткий, энергичный, исполненный умело, но без восторга.

После я отвернулась от лежащего рядом тела и тихо заплакала. Лила горькие бесшумные слезы по безрассудно истраченному

достоянию, которое и без того было крохотным. По дороге, что осталась позади: я шла по ней в страхе и печали, покидая все, что мне было привычно, всех, кто знал меня. Уходила с позором. Фальшивые улыбки, фальшивые выражения радости, фальшивые добрые пожелания лишь усугубляли чувство стыда. Из всех слов, что слетали с губ провожавших, искренним было только одно: прощайте, прощайте, означавшее: надеемся, что никогда больше вас не увидим.

Часть 2

Сухарик

Очень скоро мы уехали из Бриджрула, поскольку через несколько недель после свадьбы моя беременность стала очевидной.

Самочувствие мое тоже ухудшилось. Раньше я слышала, женщины рассказывали, что по утрам их тошнит, сама видела, как кожа миссис Кингдон обрела восковой оттенок, когда она вынашивала Элизабет, мою крестницу. Много раз по утрам, склонившись над раковиной, исходя холодным потом от тошноты, я лила слезы сожаления и раскаяния. В эти минуты я верила в реальность ада так, как никогда не верила в существование рая. Но и днем мне нередко нездоровилось, а по ночам не спалось: организм требовал пищи, но при мысли о еде меня мучило. Значит ли это, что и ребенок мой болен, умирает, как и я? Коварная насмешка судьбы. А ведь я столько розмарина проглотила!

Ребенка мне предстояло вынашивать еще четыре-пять месяцев – по моим меркам, целая вечность! Сами роды я вообще не представляла. Миссис Кингдон никогда не объясняла, чего ожидать. Видимо, считала, что еще успеет, расскажет, а мы не спрашивали, не торопились узнать. Конечно, мы слышали, что придется испытать боль, но какая она будет? Как при переломе ноги? Мы знали, что некоторые женщины при родах умирают, но как именно? Сразу или постепенно? И каким это чудесным образом целый ребенок пролезает через такое маленькое отверстие?

Энн, по ее словам, была старшей из одиннадцати детей. Это хорошо, подумала я, значит, она, в отличие от меня, знает, как ухаживать за новорожденными. Ее отец был поденщик, мой папа время от времени нанимал его. Читать Энн не умела, писать могла, но с большим трудом, только свое имя, и вообще была неуклюжей, неловкой девчонкой; для себя я сразу определила, что толку от нее будет мало.

Я надеялась, что она не станет сплетничать о нас. У нее было свое спальное место в помещении для слуг, тем не менее, она мало чего не знала о том, как живут и ладят между собой мистер и миссис Макартур. И о том, как они стали мужем и женой. Об этом, я уверена, знал весь Бриджрул. Поэтому я ходила с высоко поднятой головой, а с Энн обращалась, пожалуй, излишне холодно, строя из себя высокородную леди.

Но потом однажды она появилась с подпаленными с одного боку волосами и с лоснящимся покрасневшим ухом.

– Энн, что случилось? Что ты с собой сотворила? – удивилась я.

– Мэм, мне в ухо мошка залетела, – ответила она. – И ползает там, с ума меня сводит. Я и поднесла к уху свечу, думала, мошка вылетит на свет, понимаете?

Кусая губу, Энн искоса взглянула на меня. Наверно, боялась, что я ее отругаю. А я, представив, как она с серьезным видом подносит к уху свечу, расхохоталась, впервые за много недель.

– Ой, какая же ты смышленная глупышка.

Я дала ей мазь для уха и вознесла хвалу миссис Кингдон за то, что она нашла для меня такую девушку – с виду бестолковую и неказистую, но не лишенную оригинальной смекалки.

Я жила не так уж далеко от Бриджрула и от Брайди, но уже когда новобрачные мистер и миссис Макартур отъезжали от церкви в позаимствованном кабриолете, я понимала, что между мной и тем миром опускается заслонка. Мы с Брайди время от времени переписывались, однако нам обоим приходилось быть сдержанными в выражениях, поскольку наши письма, мы знали, мог прочесть любой из домочадцев священника. О, как же мне не доставало наших ночных бесед, которые мы вели шепотом на той высокой кровати! На бумаге наша дружба сводилась, с моей стороны, к описаниям жизни в казарме, с ее – к нейтральным известиям о наших общих знакомых.

В гарнизоне Холсуорси служил некий капитан Спенсер. В казармах ему выделили довольно просторную квартиру, в которой его супруга имела возможность принимать двух-трех подруг, приходивших к ней на чай. Эти дамы и составляли общество, в котором я вращалась. Миссис Спенсер была симпатичная миниатюрная женщина, разве что худая и все время тряслась, словно гончая. Создавалось впечатление, что ее муж – настолько тучный мужчина, что при ходьбе он был

вынужден опираться на пятки, задирая носки, дабы не завалиться вперед под тяжестью живота, – высосал из нее все соки. Миссис Спенсер водила дружбу с миссис Бортвик, супругой капитана Бортвика. Та, уверенная в себе, не лишенная привлекательности женщина, годами была постарше и имела привычку улыбаться уголками рта, изображая полное довольство жизнью, под оптимизмом скрывая, я знала, свои истинные чувства.

Но настоящими подругами они мне не стали. Просто приятельницы, с которыми иногда отрадно почаевничать. Гарнизон – не деревня. Здесь невозможны глубокие привязанности, любые отношения носят временный характер, не имея ни прошлого, ни будущего. Однако эти дамы по-доброму отнеслись ко мне, неопытной девице. От утренней тошноты помогают сухари, советовали они. Сухари и очень сладкий чай. Я грызла сухари, пила чай. Тошнота не проходила, легче мне не становилось, но меня утешало, что есть на свете люди, которым я небезразлична, которые пытаются мне помочь.

Ласковые слова

Чего не скажешь о мистере Макартуре. Я слышала, как он хвастался перед товарищами своей женой: она у него такая умная, пишет замечательно, красивым слогом, читала сэра Томаса Брауна^[7] и Ливия^[8] – в переводе, разумеется. Но для меня самой душевных слов он не находил, я не видела от него сердечного отношения. Он больше не прижимал руку к груди, не смешил меня, передразнивая кого-нибудь, как в пору ухаживания. Все это осталось в прошлом. Эти ужимки сыграли свою роль, теперь они не были нужны.

О, он был любезен, никогда не кричал на меня и уж тем более не бил. Я понимала, что хотя бы за это должна благодарить Господа. Его учтивость носила машинальный характер. Если я обращалась к нему, он меня выслушивал, но без интереса, словно какую-то незнакомку, которую ему незачем узнавать поближе. Что-то говорил в ответ, но небрежно, бесстрастно. Он не относился ко мне с неприязнью, не упрекал в том, что из-за меня мы оказались в столь дурацком положении. Он просто не воспринимал меня как личность.

А я предпочла бы, чтобы он повысил голос, поднял на меня руку? Разумеется, нет. Но прежде я даже представить не могла, что можно чувствовать себя столь одинокой, живя с кем-то в одной комнатухе площадью в несколько квадратных ярдов.

Я жаждала его ласки, согласна была даже на грубость, лишь бы это сблизило нас. С самого начала я поклялась себе никогда ничего у него не просить. Не хотела унижать себя жалостью. Хотя, бледная, худая, несчастная женщина, только жалость я и вызывала. Но какой смысл просить, если то, что тебе нужно, дают под принуждением?

И все же как-то утром я не сдержалась.

– Мистер Макартур, – обратилась я к мужу, – неужели у вас никогда слова ласкового для меня не найдется?

В моем голосе слышались гнев и умоляющие нотки, которые мне были ненавистны.

Вздвогнув, он отвернулся от камина и посмотрел мне в лицо. Я подумала, что давно следовало выразить свои чувства. Он же меня слышит, значит, должен откликнуться.

– Моя возлюбленная жена, – отвечал мистер Макартур. – Привязанность, подобная моей, наверняка, проявляется во множестве поступков, которые недвусмысленно говорят сами за себя, поэтому любые признания были бы просто нелепы!

Он улыбался сам себе, восхищаясь сложностью словесной конструкции, которую он сооружал.

– О том, что я благодарен вам и очень доволен вашим поведением, и говорить незачем, – напыщенно продолжал мистер Макартур, словно выдавая отрепетированную тираду. – Вы, несомненно, и сами понимаете, что столь образцовое благонравие не может не возыметь должный эффект, и это наверняка убеждает вас в моих чувствах с большей определенностью, чем любые заверения, которые можно дать.

Душа моя съезжилась от его цветистых оборотов. Он вроде бы и жаловал своей жене то, о чем она просила, но в то же время отдергивал руку. Я прошу хлеба, а ты подаешь камень. Теперь мне стал ясен смысл этой библейской фразы. Дело даже не в том, что поданное тебе невозможно есть. Поданное тебе похоже на то, о чем ты просил; кажется это и есть то, что тебе нужно. А потому это – издевательство, причем еще более жестокое, нежели прямой отказ.

С тех пор гордость не позволяла мне просить у мужа ласковых слов.

Животный инстинкт

Мистер Макартур был супруг назойливый и пылкий, и это означало, что каждую ночь он начинал меня легонько щекотать, извещая о своем желании, ну а затем следовало все остальное. По утрам он тоже любил взбодриться подобным образом. Да и днем, если позволяли обстоятельства.

Мне акт совокупления был не более приятен, чем, наверное, овцам в поле. И даже не акт как таковой. Я живо помнила наши с Брайди ночные утехы: это было неопишное блаженство, аж дух захватывало. От близости с мистером Макартом удовольствием я не получала не потому, что мы физически не подходили друг другу. Препятствием служило ощущение, что я, Элизабет Вил, как я себя до сих пор воспринимала, для мужа значу не больше, чем овца для барана. И наше супружеское ложе начинало скрипеть вовсе не от того, что в нем лежала именно я, Элизабет Вил. Просто мужа снедала ненасытная тяга к плотским наслаждениям, которую требовалось утолять снова и снова. А я была лишь средством для достижения мимолетного удовлетворения.

Но сексуальная близость с женой была предусмотрена его супружескими правами, а мистер Макартур никогда не пренебрегал положенными ему привилегиями. Выйдя замуж, я стала пленницей своей женской доли, квартиранткой в собственном теле. Если на пороге появлялся арендодатель, я была обязана его впустить.

Другие женщины в моем положении становились немощными, и неотступная тошнота по утрам подтверждала, что это отнюдь не выдумки. Но валяться целыми днями на диване – невыносимо скучно. Тратить жизнь на то, чтобы с утра до вечера лежать и наблюдать, как перемещается по полу полоска солнечного света, льющегося в окно... брр. Так и с ума сойти недолго. В любом случае, мои тихие жалобы на головную боль мистера Макарта не останавливали.

– Давайте натру вам виски камфорным маслом, – предлагал он. – Боль как рукой снимет. Гарантирую.

Он вылезал из постели, садился на край кровати и при свете лампы втирал мне в лоб вонючую гадость, причем так, для блезира, ну а потом сосредоточивал внимание на нижней части моего тела.

Случалось, его заносило, и тогда боль и унижение были нестерпимы. Я вскрикивала, выражая протест, четко и ясно говорила «нет»! Но в такие моменты мистер Макартур становился глух, как бешеный пес. На следующее утро я не могла смотреть на него. Изверг какой-то, а не муж. Как можно вытворять такое с собственной женой?

О пользе счета

Миссис Спенсер всегда казалась натянутой, как струна, вот-вот лопнет, и в один прекрасный день, во время чаепития, лопнула.

– Мужчины – сущие звери, – выпалила она, с громким стуком опустив чашку на блюде. Я испугалась, что посуда разобьётся.

Черты миссис Спенсер сморщились в гримасу, из-за чего на секунду ее изящная головка стала похожа на вопящий череп. Никто ничего не сказал, только у миссис Бортвик чуть дрогнул уголок рта. Молчание затягивалось. Думаю, в этот момент каждая из нас представляла себе звериные повадки своего мужа в постели под покровом ночи.

Затем миссис Спенсер потрогала чайник, объявила, что он достаточно теплый и можно выпить еще по одной чашке, вызвала звонком прислугу, попросила принести молока, и чаепитие возобновилось. Утонченная, изящная, она с улыбкой протянула мне новую чашку чая. Может, мне послышалось, подумала я, или я неверно истолковала ее слова?

По пути домой ни я, ни миссис Бортвик не упоминали про гневную вспышку миссис Спенсер. Мы вообще никогда не обсуждали ту часть нашей жизни, которая происходила за закрытыми дверями. Но в этот раз миссис Бортвик заговорила о своем супруге Джордже, и из ее слов я сделала вывод, что она не получает удовольствия от брачных утех. Степенно выступая рядом со мной, словно монахиня, она рассказала кое-что еще. Насколько я поняла, был у нее один

джентльмен – не муж. Вот с ним ей удавалось познавать радости плотской любви.

– Да-да, дорогая моя миссис Макартур, так и есть, – подтвердила она. – Надеюсь, я не слишком вас возмутила.

Она искоса взглянула на меня.

– Естественно, милого Джорджа я обязана ублажать. Раз в месяц. По-моему, это вполне благоразумно.

Благоразумно? В первую секунду я пришла в недоумение, но потом поняла, что она имеет в виду. Украдкой посмотрела на нее. Ее красивое лицо оставалось бесстрастным, и держалась она с полнейшим самообладанием. Я подумала, что, должно быть, ошиблась.

– Да-да, – повторила она. – А еще, дорогая, я пришла к выводу, что хорошо бы стишок какой-нибудь читать или песенку петь, про себя. Я знаю парочку, которые безотказно помогают.

И она вдруг пропела красивым сильным контральто: «Девушки и парни, идите погулять! Лунный свет, как солнце, светит нам опять!»

– Рекомендую, миссис Макартур, – сказала она. – Очень подходит вот для тех самых случаев. А еще можно считать про себя, тоже действует безотказно. С милым Джорджем я досчитываю только до сорока пяти, дальше не требуется.

Где-то у нас под окнами жила птичка. Нередко на рассвете я просыпалась и, не шевелясь, лежала и слушала ее пение. Это всегда была одна и та же короткая мелодия: «Да, да, ди, ди, ди, да, да!» Красивая песенка. Но она не имела вариаций. Я представляла, как эта птичка сидит в темной листве, предрассветный ветерок ерошит ее оперение, а она все грустно напевает: «Да, да, ди, ди, ди, да, да!». Возможно, ей хотелось передать все, что она чувствует в ожидании рассвета, за час до того, как взойдет солнце и жизнь возобновится. Но в ее арсенале была только одна эта фраза. Я представила, как эта птичка рыдает от досады, открывает клюв, чтобы рассказать все, что ей известно, а снова слышит лишь пародию на то, что лежит у нее на сердце.

Честолюбие

Мистер Макартур был человек с большими амбициями. Всеми его поступками руководило честолюбие. Для меня, я знала, никакое место не станет родным домом, и Гибралтар, в моем понимании, был не хуже любого другого населенного пункта, я была готова жить там. Но для моего супруга перспектива маршировать в стенах бастионов Гибралтара означала крах всего. Только полный болван смиренно поедет туда, куда направит его полк. Пока не разразится война, нечего и рассчитывать на продвижение по службе в 68-м Пехотном полку, переукомплектованном младшими офицерами, которые могли рассчитывать на карьерный рост только в том случае, если начнется повальный мор среди старшего состава. Мой муж смекнул, что шансы его невелики, и стал думать, как вырваться из возникшей ситуации.

Он продаст свое офицерское звание, решил мистер Макартур, выручит за него четыреста фунтов стерлингов! На эти деньги можно начать карьеру адвоката! Он прочел все книги, знал законы не хуже любого юриста. Он откроет адвокатскую практику, обретет известность, и вскоре у Джона Макаркура отбоя не будет от клиентов!

Меряя шагами комнату, он излагал мне свои планы. Его лицо светилось воодушевлением, отчего следы от оспы на нем выступали особенно ярко; глаза горели уверенностью в славном будущем.

– Джон Макартур из «Линкольнз инн»^[9], – говорил он. – Здорово звучит?

– О да, – отвечала я. – Звучит великолепно.

Я, хоть и выросла в деревне, жизни толком не знала, но сомневалась, что это легко достижимая цель, однако остужать пыл мужа не собиралась. Пусть жизнь его проучит, а не супруга. И потом, а вдруг у него получится. На минуту я даже позволила себе помечтать об «Линкольнз инн», ведь это было бы куда лучше, чем Гибралтар.

Но через неделю про «Линкольнз инн» мистер Макартур уже и не вспоминал. Заявлял, что переговорит с одним джентльменом, знакомым отца, и тот устроит его в Артиллерийское управление в Портсмуте. О, это такая лакомая должность, лучший в мире вариант!

– Мистер Макартур, но как же адвокатура?

Я вовсе не хотела уколоть мужа, но ведь моя судьба была тесно связана с его судьбой.

– Жена, не надо ловить меня на каждом слове! – взвился он. – Вы хоть и умная женщина, но жизни не знаете, чтобы меня поучать.

– Мистер Макартур, у меня и в мыслях не было вас поучать, – ответила я. – Просто теперь ведь у нас с вами одна судьба на двоих, и я хотела бы знать, что меня ждет!

– Благодарю за напоминание. Именно потому, что у нас теперь с вами одна судьба на двоих, – насмешливо подчеркнул он, – я и стараюсь изо всех сил устроить ее получше!

Он пристально смотрел на меня, взглядом приводя в замешательство, наблюдал, как я пытаюсь осмыслить то, что сейчас произошло между нами: то, что еще недавно казалось таким простым, за полуминутный разговор превратилось в спутанный клубок, который ни за что не размотать.

Крупница правды

Мистер Макартур жить не мог, не строя грандиозные планы. Для него это было так же необходимо, как еда и питье. Каждый новый план преобразовывал окружающий мир в соответствии с его убеждениями. И сам он преобразался, становился еще более великолепным вариантом себя самого, и эти два Джона Макарттура бежали рядом, как пара подобранных в масть упряжных лошадей: похожи, но не одинаковы, бегут близко, но не соприкасаются.

То он собирался поговорить со своим братом, который в школьные годы дружил с Эваном Непином – ныне высокопоставленным государственным чиновником. Потом новая идея: он переговорит с кузеном близкого друга сэра Джозефа Бэнкса, и тот устроит его секретарем какого-нибудь чиновника в Палате лордов. Или напишет одному товарищу, с которым он познакомился через капитана Мориарти, попросит, чтобы тот замолвил за него словечко в письме к своему шурина, занимавшему высокую должность при королевском дворе.

При дворе! Я непроизвольно фыркнула и поспешила закашляться в носовой платок, но мистер Макартур ничего не заметил.

Правда, для начала ему требовалось продать свое офицерское звание, однако все шло к тому, что тупые, недалекие, ограниченные людишки, принимавшие подобные решения, скорее всего, на то согласия не дадут. По их мнению, не для того энсину Макарттуру была

пожалована должность на действительной воинской службе с полным жалованьем, чтобы он мог профинансировать свой уход с нее.

Посему мы по-прежнему жили в гарнизоне Холсуорси – рассаднике интриг, вражды и предательства среди офицеров, что неизбежно, когда в одном месте скапливается слишком много людей, которым нечего делать, кроме как злиться на то, что их жизнь проходит впустую. В казармах царили злословие, кривотолки, оскорбления, неприязнь.

Энн нередко узнавала сплетни раньше меня, от других слуг. А я заметила, что она охотнее делится со мной интересными подробностями, если я изображаю недоверие. На первых порах слухи, гулявшие по гарнизону, пугали и изумляли ее, но через несколько недель, наслушавшись всяких-разных драматических историй, она уже внимала им с удовольствием, словно присутствовала на представлении, который разыгрывали офицеры для развлечения собственных слуг.

Я на рассказы Энн реагировала с притворным безразличием, но знала, что по большей части они соответствуют действительности. А также знала, что во всех этих мерзких историях замешан мистер Макартур. Зачастую именно он составлял возмущенные письма, со множеством юридических терминов на латыни, от имени того или иного обиженного офицера. Больше всего он ликовал, если получалось выдать некое затейливое толкование, разбивавшее в пух и прах неопровержимый довод. О, он просто обожал отыскивать «лазейки» и пробелы в законодательстве!

Особое удовольствие доставляли ему комбинации, которые он называл «долгие партии». Быстрая победа не представляла для него интереса. Нужно обладать изобретательным умом – как раз таким, как у него, – чтобы инициировать, на первый взгляд, совершенно безобидный процесс, затем еще один, столь же невинный, а потом устроить так, чтобы эти два процесса схлестнулись и ни о чем не подозревающий человек, против которого все это было затеяно, оказался между молотом и наковальней.

Как-то вечером мистер Макартур похвастался, что он всегда уничтожает людей, которые ему противны. И расхохотался. Это был трубный глас триумфатора.

Его самым мощным оружием была грамотно сочиненная клевета, эффективная в силу того, что в ней всегда содержалась крупица правды, придававшая достоверности всей истории. Я сочувствовала его врагам: они были абсолютно беззащитны перед его коварством. Бывало, жертва злопыхательства наконец узнавала, что о ней болтают, но к тому времени сплетня уже жила своей жизнью. Как бы несчастный ни старался восстановить свое доброе имя, люди всегда верили именно сплетне.

А самого мистера Макатура невозможно было загнать в угол. Как-то раз миссис Бортвик любопытствовала, когда мы поженились и когда родится наш ребенок. Сопоставление дат могло бы привести к конфузу, но мистер Макатур ответил, как истинный джентльмен, – с полнейшей невозмутимостью и в таких хитрых выражениях, что не подкопаешься.

– О, мы были полны страсти, – снисходительно хмыкнул он. – Все вокруг знали, что мы достигли неофициальной договоренности. Понимаете, мы были крестными родителями ребенка нашего товарища. И так уж получилось, что мы не смогли противостоять нашим взаимным нежным чувствам. Не так ли, дорогая?

– Да, – подтвердила я, натянуто улыбнувшись. – Именно так, сэр.

Крупица правды. Да, я была крестной Элизабет Кингдон. Само собой подразумевалось, что он, стало быть, выступил крестным отцом – выдумка, прекрасно вписавшаяся в данный контекст. А кто проверит? Даже если в будущем какой-нибудь исследователь задастся целью отыскать доказательство, он или она не найдут и клочка бумаги, который бы подтвердил или опроверг эти слова. Только этот, на котором я пишу правду, чтобы вы ее знали.

Дуэли

Едва ли не каждую неделю в гарнизоне разворачивалась волнующая драма – кто-нибудь да стрелялся на дуэли. Если бы пистолеты офицеров поражали свои цели, ряды вооруженных сил Его Величества давно бы сильно поредели. Но, как ни странно, насколько мне известно, ни в одной из дуэлей никто серьезно не пострадал.

Миссис Бортвик – ее Джордж пару раз стрелялся – объяснила, что задача секундантов позаботиться о том, чтобы никто не погиб. Вместе, на виду друг у друга, они одинаково заряжали пистолеты таким образом, чтобы оружие дало осечку или пули отклонились от цели. Их первейшей обязанностью было не наблюдать, как гибнут дуэлянты, а следить за тем, чтобы восторжествовала справедливость. На рассвете в день дуэли место поединка оглашали выстрелы, вспугивавшие птиц с деревьев, над травой клубился дым, и этого было достаточно. Выстрелы, клубы дыма, запах пороха, всеобщая суэта, секунданты с рулеткой, врач со своим саквояжем – все это вполне удовлетворяло оскорбленное самолюбие. Ни раны, ни уж тем более трупы были совсем необязательны.

Мистер Макартур, как и все прочие офицеры, чутко реагировал на любую обиду или оскорбление и моментально вспыхивал при малейшем посягательстве на то, что, по его мнению, принадлежало ему по праву. Существовал целый ряд критериев, отличавших джентльмена от всех остальных, и мистер Макартур свято чтит их, пресекая всякие поползновения на его джентльменское происхождение.

Как-то раз он вернулся домой вне себя от гнева: шея покрыта красными пятнами, желваки ходуном ходят, будто под кожей притаилось некое существо, которое то сдувалось, то раздувалось.

– Я потребую удовлетворения, – заорал он, направляясь к полке, где лежал бархатный футляр винного цвета с дуэльными пистолетами.

Я тогда уже знала, что дуэль не обязательно подразумевает гибель. И все же пистолеты вызывали у меня отвращение, я со страхом представляла, как горячий свинцовый шарик врезается в беззащитную человеческую плоть.

– Мистер Макартур, что случилось? В чем конкретно он провинился? Наверняка ведь можно обойтись без пистолетов!

А дело было вот в чем. Мистер Макартур согласился выступить в роли секунданта лейтенанта Селби, намеревавшегося стреляться с лейтенантом Баннерманом. Но, когда все участники предстоящей дуэли прибыли на место поединка, выяснилось, что лейтенант Баннерман назначил своим секундантом некоего Бейкера, который джентльменом не являлся.

– Я сказал Баннерману, что не потерплю оскорбления, – бесновался мистер Макартур. – Чем этот болван думал, давая мне в пару неотесанного мужлана, этого Бейкера?

– Но, сэр, разве ради этого стоит умирать?

Умирать! Мой муж аж взвился.

– Дорогая, вы меня оскорбляете, – заявил он, – воображая, будто смерть настигнет именно меня. Это самый маловероятный исход на свете!

– Сэр, я не сомневаюсь в том, что вы меткий стрелок, – отвечала я, взбешенная его самоуверенностью. – Но вдруг окажется, что Баннерман стреляет лучше! Вы хотите оставить меня вдовой?

– Моя дорогая жена, – сказал он. – Зря вы переживаете! Так уж случилось, что у моих пистолетов есть некоторые особенности, и зарядить их надежно может только тот, кто знаком с ними. То есть я сам.

В его глазах светилось самодовольство.

– Дорогая, – высокомерно заявил он, – вам пристало бы иметь больше веры в своего супруга!

Все мое существо сковала усталость. Мистер Макартур, с кем бы он ни выяснял отношения – будь то его доверчивые противники по дуэли или жена – всегда держал козырь в рукаве, чтобы обеспечить себе победу.

– И это говорит человек чести, – заметила я.

Я хотела уколоть его, думала, что мой сарказм достигнет цели. Но муж будто и не слышал меня. Он взял футляр с пистолетами и вышел из комнаты.

Я сделала вывод, что само это оскорбление как таковое не имело значения. Вот статус джентльмена – это да. Это для него было важно. Мистер Макартур настолько не был уверен в нем, что ему требовалось постоянно находить тому подтверждение, пусть даже с риском для жизни. В гарнизоне шептались, что до поступления в полк Фиша он ходил в подмастерьях у изготовителя корсетов. Казармы вообще полнились самыми разными грязными слухами, и потому эта сплетня доверия у меня не вызывала. И все же она не давала мне покоя. Будь это правдой, тогда было бы понятно, что питает эту его отчаянную потребность.

Однако его неуемность имела более глубокие корни, чем снобизм. Он напрашивался на оскорбление, потому как лишь в противостоянии с кем-то обретал уверенность в собственной значимости. Он цеплялся за эфемерное понятие чести, потому что не имел более серьезных аргументов в пользу своего высокого достоинства.

А я? На чем должно зиждиться мое чувство собственной значимости? Трудно сказать. И все же я ощущала в себе некий дух противоречия, который давал мне право быть той личностью, какой я была. В глазах окружающих я была маленьким человеком, но сама я была убеждена, что стою гораздо больше, нежели мой муж, при всей его изобретательности.

Несчастное создание

В семь лет его отправили в учебный пансион, сообщил он мне. От братьев Брайди я слышала немало рассказов о школе и догадывалась, что в таких заведениях авторитетом пользуется сила, и школьники, задающие тон, отравляют существование слабым. В школе любой мальчишка быстро перенимает повадки задиры.

Мистер Макартур пребывал в учебном пансионе, когда умерла его мать. Никто не уведомил его, что она больна. Отец продолжал еженедельно присылать ему письма, отвечая на которые, мальчик рассказывал о матчах в крикет и своих успехах в изучении греческого языка. Она умерла, но ему о том не написали. О смерти матери он узнал, когда приехал домой на каникулы. Отец сказал, что, по его мнению, так было лучше. Какой был смысл тревожить его? Он, что, излечил бы мать, будь он с ней? Воскресил бы ее, если бы приехал на похороны?

А я-то себя считала несчастным созданием. Однако мне позволили оплакивать отца, и я знала, что дедушка любил меня. В лице Брайди я нашла настоящую верную подругу, и Кингдоны по-доброму относились ко мне. У моего мужа не было никого, и, должно быть, поэтому некая важная часть его существа, чувство подлинного собственного «я», словно мышка, забилося в щель много лет назад. Но он никогда не признавал свою боль. Свои душевные муки он

преобразовал в карающий меч, которым наказывал весь свет за свои страдания.

Черная тоска

Мистер Макартур демонстрировал сумасшедший энтузиазм, придумывал безумные интриги, а через полчаса его лихорадочное возбуждение сменялось меланхолией, да такой глубокой, что с постели не поднять. Он пугающе менялся в лице: оно становилось осунувшимся, деревянным, как маска; взгляд его стекленел. Все безнадежно, шептал мой муж. Он – ничтожество. Его жизнь – бесплодная пустошь. Можно было попытаться вывести его из состояния черной тоски, но он не слышал, будто вы находились за тридевять земель.

Многие ли жены умеют, как я, распознавать атмосферу в комнате? По наклону головы супруга, по расположению его ног, по тому, сжимает ли он ложку, стискивает ли кулак рядом с тарелкой? Способны ли они мгновенно определить погоду в доме: ясная она или хмурая? А погода в тех комнатах была столь же переменчивой, как Девон в мае.

Плоский светящийся жучок

Миссис Бортвик – дама уравновешенная, смешливая, проницательная, красивая, как породистая лошадь – могла бы послужить образцом женщины, которая умеет жить в свое удовольствие, но я не видела способа подобным образом устроить свою жизнь. Тем не менее, гордость не позволяла мне признаться – кроме как самой себе, – что по собственной глупости я оказалась в столь плачевном положении. Я нарастила на себе зеркальную броню, отражавшую любую попытку выразить мне сочувствие. Боль от осознания того, что я нелюбима, я отпихнула подальше, туда, откуда она меня не могла бы достать. Я стала подобной тем плоским

светящимся жучкам, что живут в гнилой древесине, существом, не имеющим объема и способным исчезнуть в самой узкой щели.

Личная компаньонка

Мы направлялись в Чатемские казармы, откуда нам предстояло отплыть в Гибралтар, и в пути у меня начались схватки. Когда стало ясно, что я рожаю, до Чатема было еще далеко, и мы, пребывая в замешательстве, остановились на бедном постоялом дворе в не самом благополучном районе Бата.

Почувствовав схватки, я расплакалась, потому как с первым приступом резкой боли пришло понимание того, во что до этого я отказывалась верить: назад пути нет. А, начав плакать, остановиться я уже не могла. Все те годы, что я сдерживала слезы, старалась не унывать, угождать и говорить только общепринятые вещи, а также странные месяцы супружеской жизни с человеком, до которого невозможно достучаться – все эти горести, что я в себе подавляла, комом подступили к горлу.

Энн о деторождении знала немногим больше меня, ведь она была еще девчонкой. А схватки усиливались, интервалы между ними сокращались, и я видела, что она напугана. Женщине, которая всего день как приехала в город, негде было искать повитуху, так что мне пришлось прибегнуть к услугам жены хозяина харчевни.

Женщина она была суровая. Сразу дала понять, что не станет миндальничать с роженицей, которая не взяла на себя труд подготовиться к тому, что ее ожидало. Но дело свое она знала и не отходила от меня, пока я бултыхалась в кошмарных водах боли, страха и хаоса. Время приостановилось, замерло. Время можно было измерить только передышками между немилосердными схватками, когда казалось, что некий безжалостный кулак стискивает мое нутро. В моменты этих передышек – длиной сначала в шесть вздохов, потом трех, потом одного – я становилась самой собой: чувствовала, как грудь наполняется воздухом и сдувается; ощущала вкус воды, которую подносила мне Энн, чтобы я смочила рот; знала, что жизнь продолжается, время идет, как обычно. Но каждое мгновение облегчения оборачивалось лишь издевательской прелюдией к новому

кошмару. Боль возвращалась. В первые секунды далекая, она затем накрывала меня с головой, обволакивала, пронзала изнутри, засасывая воздух и время, швыряя меня в вечность нестерпимых мук. Потом схватки слились в один непрерывный поток адской боли, не прекращавшейся ни на долю секунды. Я барахталась в скрежещущем мраке, которому не было до меня никакого дела, который лишь стискивал и сдавливал меня, пока во мне не осталось ничего человеческого, пока я не превратилась в вопящее животное.

Голос жены хозяина постоянного двора был единственной ниточкой, что связывала меня с жизнью, с самой собой, пробирающейся по колдобинам умопомрачительного мрака. Но вот только она не мучилась так, как я. Этот путь женщина вынуждена пройти в одиночку. И на нем я столкнулась с холодной безучастной истиной: каждый человек – даже тот, кого любят, а меня не любили – одинок. На всем белом свете я была одна-одинешенька, и это потрясло меня до глубины души.

Ребенок, которого вложила мне в руки жена хозяина гостиницы, и близко не был похож на пухленьких младенцев, что я видела – миленькие крошечные сверточки, передаваемые из рук в руки в комнате, полной улыбающихся людей. Мой напоминал уродливую обезьянку: ножки, как палки, лиловые ручки, большой круглый живот. Казалось, он вот-вот испустит дух: из ротика, что беспрерывно открывался и закрывался, вылетало лишь жалкое хныканье.

Жена хозяина гостиницы забрала у меня малыша. Взмокшая, обмякшая, я лежала пластом на кровати, словно мертвец, выуженный из моря. Наверное, это были худшие часы в моей жизни. Убогий постоянный двор, хилый младенец. Энн пыталась напоить и накормить меня, совала мне под нос крошенный хлеб в молоке, а мне было не до еды. Бедная девочка, ею двигали добрые побуждения, но мне от нее не было пользы. Глядя на лицо Энн, я видела чужого мне человека. И сознавала, что мир, в котором я теперь находилась, гнусное грязное место, где я одинока, одна, совершенно одна. Я снова расплакалась, разрыдалась, захлебываясь слезами, которые лились неиссякаемым потоком. О горе, горе мне!

Жена хозяина гостиницы вернулась и положила рядом со мной сверток с выкупанным младенцем, а сама села на стул и скрестила на

груди крепкие толстые руки. В ее умных маленьких глазках, пристально наблюдавших за мной, я не заметила ни капли участия. Мне стало ясно: она точно знает, что произошло в моей жизни, знает всю мою банальную историю, хотя ей о том никто не рассказывал.

– Миссис Макартур, – наконец произнесла она, заглушая мои всхлипы. Я ждала, что она сейчас наклонится ко мне, возьмет меня за руку, может быть, скажет в качестве утешения несколько избитых фраз.

Я приготовилась заплакать сильнее, потому как была уверена, что мое горе не смягчить никакими увещеваниями.

– Миссис Макартур, – повторила она, – только дурак не догадался бы, сколь незавидно ваше положение.

Говорила она спокойным тоном, будто объясняла, как добраться из Бриджрула до постоянного двора «Ред-Пост». Она ненадолго умолкла, разглядывая меня, мое лицо, облепленное намокшими от слез прядями. Эти ужасные налипшие на щеки волосы были частью моего горя, в котором я хотела утонуть. Я не стала убирать их с лица.

– Вы сражены, сломлены, это ясно как божий день, – продолжала она. – И я не стану говорить то, что могли бы сказать другие: «По крайней мере, у вас чудесный сын». Потому что дитя ваше – жалкое существо. Если честно, на ладан дышит.

Мне подумалось, что в ее обличье сам дьявол явился, дабы посмеяться надо мной.

– Вы для меня чужой человек, поэтому я могу говорить прямо, не щадя ваших чувств, – продолжала она. – На своем веку я увидела немало покойников, потому скажу так: из того неприятного положения, в котором вы оказались, вам никто не поможет выбраться, – во всяком случае, на этом свете.

Я приготовилась услышать нечто набожное вроде того, что «пути Господни неисповедимы».

– И не на этом тоже, сдастся мне, – добавила она, зная, о чем я думаю. Как ни старайтесь.

Она рассмеялась. Это было пугающее зрелище. Лицо ее будто развалилось на отдельные черты: нос, большие шершавые щеки, рот.

– Что касается вас, девонька, у вас впереди долгие годы жизни, – сказала она. – Если угодно, потратьте их на жалость к себе, как сейчас, ожидая лучших времен, которые никогда не наступят. И в целом мире

не найдется ни одного человека, который остановил бы вас, если это будет ваш выбор.

Она встала, опустила рукава, застегнула их, словно кладя конец разговору.

– И напоследок вот что еще скажу вам, девонька. Жизнь длится долго. И поворотов в ней столько, что не счесть. Женщина способна на многое, но она должна дождаться своего часа.

Хозяйка гостиницы удалилась, уведя с собой Энн, а я – от ее суровых речей, оттого что она не попыталась утешить меня – заплакала еще сильнее. Лежала на кровати, предаваясь своему горю, а накопившиеся слезы все лились и лились из глаз, стекая по подбородку. Ничего не изменилось, никто не пришел. Только тихая комната, затихший рядом со мной младенец и я сама, слушавшая собственные охи и всхлипы.

Я могла бы плакать так вечно, могла бы умереть от своего безудержного отчаяния, но спустя какое-то время слезы просто иссякли. Последний судорожный всхлип сменился икотой. И потом все было кончено.

Младенец слабо шевельнулся, издал немощный писк, повернул ко мне головку, дернул крошечным кулачком. Мы с ним оба были заложниками одних и тех же обстоятельств. Подле меня лежал жалкий уродливый ошметок жизни, который не умел ничего – только пищал, подергивал кулачком размером с грецкий орех и слепо вертел головкой. И во мне проснулось некое щемящее чувство к нему. Я взяла его на руки. Его мутные глазки, казалось, смотрели прямо на меня, ротик кривился. Если ему суждено выжить, осознала я, то только потому, что я не дам ему умереть. Несчастное чахлое создание. Кто же его будет любить, если не я?

Тайное знание

И вот в комнату вернулся мой муж, чужой мне человек. От него разило сигарами и ромом. Я к этому времени уже сидела в подушках с ребенком на руках. Энн принесла воды, тряпочку, чистую ночную сорочку. Она бережно вытерла мне лицо и зачесала назад мои волосы.

– Дорогая, – произнес он, и в кои-то веки в его ласковом обращении действительно слышалась нежность.

Но он избегал моего взгляда. В каком-то смысле он боится меня, догадалась я. Мне пришлось пройти через боль и страх, как и всякая женщина, во время родов я соприкоснулась со смертью. Я проявила стойкость, какой от него жизнь никогда не потребует. Я вернулась со знанием того, что ему познать не суждено. Это – тайное знание, потому как о нем нельзя рассказать. Чтобы овладеть им, нужно пережить то, что пережила я.

Мистер Макартур посмотрел на ребенка, откинул с его лица уголок пеленки. Промолвил:

– Н-да.

По его тону нетрудно было догадаться, что, как и я, он ожидал увидеть розовенького ангелочка, а не это сморщенное существо. Он коснулся пальцем маленькой щечки, словно проверяя, жив ли новорожденный. Малыш повернул головку, его веки с голубыми прожилками затрепетали.

– Мой сын. – В голосе мужа сквозила неуверенность, но он искренне старался соотнести свою горделивую фразу с крохой, что он видел перед собой. Он мельком глянул на меня, будто на яркий свет. Сказал:

– Пожалуй, Эдвард. Эдвард Макартур. По-моему, звучит прекрасно, как вы считаете?

Мистер Макартур искал способ вернуться в свой привычный мир, туда, где он способен взнуздать обстоятельства и направить их в желаемое русло.

До родов я думала над именами. Девочку хотела назвать Джейн – в честь доброй миссис Кингдон, мальчика – Ричардом, в честь отца, или, может быть, Джоном – в честь дедушки.

– Я выбрала имя Ричард, – сказала я мужу. – В честь отца. Так что, наверное, пусть будет Эдвард Ричард.

Говорила я мягким доброжелательным тоном. Ведь еще совсем недавно я тонула во мраке ужаса, но вынырнула, выжила. Снова стала самой собой и надеялась, что больше себя не потеряю. Я могла себе позволить быть великодушной к человеку, которому не даны такие привилегии.

Много лет назад свое подлинное «я» я скрутила в тугой комок и запрятала глубоко-глубоко в себе. И это сослужило мне хорошую службу. Но теперь я снова расправилась, причем слишком бурно, слишком опрометчиво – не в том месте, не в то время и не с тем человеком. Однако между той Элизабет, что была сжата до крошечных размеров, и той, которая слишком быстро поверила, что не будет беды, если я расправлюсь, во мне сохранялся стержень, и он никуда не денется после того, как будет убрано все остальное. Этот стержень и теперь был во мне, и будет всегда. Та женщина, в какую я переродилась, не отвернется к стене, не станет растрчивать свою жизнь на жалость к себе, сетуя на судьбу. С этой драгоценной крупинкой своего подлинного «я» она вступит в будущее.

Вторжение

Я надеялась, что Эдвард начнет крепнуть, как только мы благополучно устроимся в казармах Чатема, но он оставался болезненным ребенком; почти не прибавлял в росте и весе, непрерывно скулил у меня на руках. Мы с Энн лучше узнали друг друга за те долгие ночи и дни, что по очереди пытались успокаивать его. Усаживали и укладывали малыша, кормили его, помогали ему отрывивать, туго пеленали и оставляли незапеленатым. В конце концов Энн сделала из шали нечто вроде гамака, в котором крепко привязывала его ко мне, и благодаря ее изобретательности мы иногда получали передышку.

Милая Энн, в отличие от меня она не отчаивалась, не опускала руки. Она не раз выручала меня, когда я, обессиленная, сидела в кресле и лила слезы над Эдвардом, плачущим у меня на коленях. Она отводила меня в постель, бережно укрывала одеялом, как мать собственное дитя, а Эдварда уносила с собой и возилась с ним, пока я, пробудившись от дремучего сна, не была готова снова приступить к своим материнским обязанностям.

Прошла неделя, потом месяц, потом – два, а Эдвард жил, и я благодарила Бога, в которого не верила, за то, что этот ребенок не умер, как я того страстно желала год назад.

Эдварду не исполнилось еще и трех месяцев, когда однажды в комнату, где я кормила грудью, сидя в большом кресле у камина, вошел мистер Макартур. Мы с сыном были как одно целое: расслабившись, я утопала в подушках; его теплое тельце льнуло ко мне; растопыренные пальчики поглаживали источник блаженства. Он с наслаждением чмокал, в экстазе переплетя свои маленькие ножки.

Мистер Макартур появился в дверях внезапно, я не успела принять надлежащий вид. Мать не должна стыдиться того, что она кормит грудью своего младенца, однако мной овладел порыв прикрыться, будто меня застали за непристойным занятием. Эдвард, мгновенно почувствовав перемену в моем настроении, сбился с ритма, стал захлебываться и давиться молоком, жалобно запищал.

Я заметила, как изменился в лице мистер Макартур, когда его взору предстала картина, которой он до сей поры не видел: его жена млела в восторге любовной нежности. Что означал этот обнаженный взгляд? Шок, удивление? Отчасти. Но в нем сквозило еще что-то: горечь утраты, тоска, одиночество, печаль.

– Тысячу извинений, миссис Макартур, – произнес он, завуалировав свои чувства под учтивым извинением джентльмена, нарушившего покой своей супруги. – Простите за вторжение, ради бога.

Затем он повернулся и тихо притворил за собой дверь.

Став свидетельницей печали мужа, хоть он и постарался сразу же ее скрыть, я поняла, что мистер Макартур любил запугивать, хвастать и обольщать – играть на всех струнах человеческой души – не потому, что таким создала его природа. Подобно мне, он чувствовал себя одиноким на белом свете, ничтожной песчинкой в оболочке нахрапистости и изощренного ума, за которыми он прятал свою уязвимость. Но если я признала и приняла свое подлинное «я», то он воспринимал себя только как жертву, что, вне сомнения, свойственно нам всем. Как и все мы, он не был уверен в том, что достоин любви и уважения. Словом, мы с ним были родственные души, но он боялся это признать и довериться мне.

Немного математики

Эдварду было полгода, и вот однажды муж пришел ко мне со знакомым блеском в глазах. Это означало, что у него созрел очередной план.

– Ангел мой, – обратился он ко мне, и я мгновенно насторожилась. – Ангел мой, ваше терпение безгранично, о такой супруге можно только мечтать.

Я улыбнулась, подумав только: «Что на этот раз?».

– Когда мы с вами решили связать наши судьбы, – продолжал мистер Макартур, – я пообещал, что буду лелеять вас и содержать. Теперь, мой ангел, я имею счастье сообщить вам новость, которая наполнит ваше сердце радостью и благодарностью...

– Сэр, ради бога, не томите! – вскричала я. – Говорите скорей!

– Сегодня утром я подал рапорт о переводе в другой полк, где мне предложено повышение. Лейтенант Макартур, офицер Корпуса Нового Южного Уэльса! Красиво звучит, не правда ли, моя дорогая? Наше формирование создано в помощь военным морякам, что уже находятся там. Отплываем в декабре.

Я подумала, что муж шутит, но смех быстро застыл на моих губах, когда я заметила, как напряглись мышцы вокруг его рта. Он ждал, что я запрыгаю от радости, а увидел совсем иную реакцию.

– Новый Южный Уэльс! – вскричала я. – Корпус Нового Южного Уэльса!

Я покачивалась в нерешительности, как корабль, что лег в дрейф и ждет, когда ветер укажет ему направление. О Новом Южном Уэльсе мне не было известно ничего, кроме того, что он находился на краю земли и представлял собой тюрьму – каторжную колонию, совсем недавно учрежденную Его Величеством для самых опасных преступников.

– Мистер Макартур, почему именно Новый Южный Уэльс?

И речь его полилась, как из рога изобилия: он жаждал поскорее изложить все славные перспективы, которые открывались перед ним на службе в Корпусе Нового Южного Уэльса. Повышение в звании было только началом.

– У меня там появится масса самых разнообразных возможностей, – заверил меня мой муж. – Командующий корпусом – Николас Непин, а его брат был школьным товарищем моего дорогого брата. Кроме того, тамошний губернатор облечен властью жаловать

земли, огромные участки, и он не откажет в прощении, если его в том убедить.

– Но это же тюрьма, – воскликнула я. – Поселение основано менее двух лет назад. Наверняка там еще ничего нет. Просто вырубка в дикой глуши.

О, на это у него имелся ответ – стопка газет с последними сообщениями о колонии.

– Вот, смотрите, моя дорогая. Вот здесь, видите? Высокие темпы строительства! Небывалые урожаи сельскохозяйственных культур!

Мистер Макартур тараторил, захлебываясь словами. Это было его очередное увлечение. Пройдет, как летний дождь, рассудила я, если проявить терпение. «В спор не вступай», – велела я себе. Но сама мысль о переселении в Новый Южный Уэльс была мне настолько противна, что я пренебрегла осторожностью.

– Мистер Макартур, это всего лишь слова на бумаге, – заметила я. – Люди, оказавшиеся в том презренном месте, хотят всех уверить, что они живут в раю. Эти сообщения написаны теми, кто преследует свои интересы!

– Вздор, – он отмахнулся. – Это новейшие и достоверные сообщения. Или вы намекаете, что губернатор Нового Южного Уэльса лжет?

Как это часто бывало, своими вопросами он загнал меня в петлю, которая, что бы я ни ответила, будет только ту же затягиваться. Лихорадочно ища выход из западни, я прибегла к другой тактике.

– Сколь бы прекрасно ни плодоносила тамошняя земля, на ней живут самые отъявленные негодяи-преступники. Вы видите себя в роли надзирателя за ньюгейтским ^[10] отребьем?

Мой довод задел его за живое. Я почувствовала, как он внутренне содрогнулся, и поспешила закрепить свой успех.

– А ваши жена и ребенок, сэр? Вы хотите, чтобы ваш сын рос – если вообще выживет – в обществе воров и убийц?

– Вздор, – повторил мой муж.

Я поняла, что перегнула палку. Он избавился от всяких сомнений.

– Не переживайте, – успокоил меня мистер Макартур. – Все те кошмарные сообщения о колонии – это устаревшие сведения. К тому времени, как наш корпус прибудет туда, все будет устроено к нашему

приему наилучшим образом. Моя дорогая жена, не позволяйте типичным пошлым предрассудкам вводить вас в заблуждение!

– Сэр, может быть, я и заблуждаюсь, но туда не поеду! – заявила я.

Пустые слова, продиктованные отчаянием. Он не хуже моего понимал, что я просто сотрясаю воздух. Ему не было нужды спрашивать: «И что же будете делать?».

В любом случае, мысли его занимало не то, как поступит его жена. Взглядом он шнырял по ковру, высматривая непонятно что.

– На мне висит небольшой долг, – наконец произнес мистер Макартур. – Деньги, что я занял до перевода в шестьдесят восьмой полк. Ни один джентльмен не смог бы жить на один фунт и шесть пенсов в день.

– Небольшой долг, – повторила я, таким же небрежным тоном, какой был у него. Но замерла в ожидании. Небольшой долг. Двадцать фунтов? Пятьдесят? Двадцать фунтов – это половина годового жалования энсина. Долг в пятьдесят фунтов поглотит даже жалование лейтенанта. Я стала прикидывать в уме, сколько денег придется откладывать каждую неделю, в течение какого времени, скольких лет, чтобы погасить долг в двадцать фунтов.

– Пара сотен, – добавил он. – Пара сотен, может чуть больше.

Пара сотен. Сами по себе эти слова были знакомы, но в голове не укладывались, будто я услышала иностранную речь. Двадцать фунтов еще можно было представить – монеты, рассыпанные на деревянном столе. Пара сотен – это уже совсем другая песня. Пара сотен никак не соотносились с жалованием младшего офицера.

Мистер Макартур облизнул губы и отвел взгляд.

– Ну, может, пятьсот.

«Должно быть, насмехается», – подумала я. Но он не шутил. Стоял понурившись, опустив веки с короткими ресницами. Я никогда не видела мужа сконфуженным, но сейчас он явно был смущен.

Все мои доводы против поездки в Новый Южный Уэльс за долю секунды утратили всякий смысл: не в моей власти было что-либо изменить. Считай не считай, а долг мужа слишком велик: такой суммы с жалования военного в мирное время не отдать, сколько ни откладывай еженедельно.

Я всегда полагала, что патент на офицерский чин моему мужу купил отец, но теперь поняла, что деньги на его приобретение он, вероятно, занял. Эта сумма, а также те деньги, что он регулярно одалживал в придачу к своему жалованию в один фунт и шесть пенсов в день, вполне могли бы составить пятьсот фунтов. Неудивительно, что сапоги его пошиты из самой лучшей кожи, что он приносил конфеты в подарок миссис Кингдон! Неудивительно и то, что он с такой безудержностью стремился в гарнизон, расположенный в более выгодном месте, чем Гибралтар!

Сейчас мой муж, прокашлявшись, отошел к окну и, словно отгородившись от меня, стал смотреть на улицу, будто там происходило нечто интересное. Глядя на его плечи, я догадалась, что он ожидал крика, выплеска ярости, слез. Но имело ли смысл рвать и метать? Гнев – непозволительная роскошь. Равно как и слезы. Подобно тому, как палец мистера Кингдона полз по карте, повторяя изгибы реки, что текла в океан, я следовала за словами «пятьсот фунтов» туда, куда они вели.

– Понятно, – проронила я.

В каком-то смысле это было облегчение. Теперь не нужно было искать доводы, которые убедили бы его отказаться от переселения в Новый Южный Уэльс. Что бы я ни сказала и ни сделала, это никак не изменило бы чудовищного факта. Пятьсот фунтов. Мой муж был прав. Новый Южный Уэльс – единственно приемлемое решение. Более высокий чин и наличие перспектив имели важное значение, и обеспечить их могла только служба в новом полку.

Смущение его прошло, а вместе с ним исчезла и потребность отгораживаться от меня спиной. Он отвернулся от окна и принялся энергично расхаживать по комнате, словно готов был пешком идти до самого Нового Южного Уэльса.

– Ангел мой, подумайте об этом с математической точки зрения, – сказал он. – В Гибралтаре шансы преуспеть равны нулю. В неизведанности Нового Южного Уэльса такие шансы есть – однозначно выше нуля. И один шанс – от нуля до бесконечности – добиться грандиозного успеха!

– Да, мистер Макартур, – отвечала я. – Из-за цифр мы попали в затруднительное положение. Какое счастье, что благодаря этим же цифрам можно выпутаться из него.

Мой муж перестал расхаживать и впился в меня взглядом.

– Дорогая, – сказал он. – Я понимаю. Вы думаете о своей дорогой матушке.

– Не о матушке! О себе, мистер Макартур! О себе и о ребенке!

Но он, словно не слыша меня, продолжал свою блестящую речь:

– Дражайшая Элизабет, посудите сами: если вам суждено удалиться от знакомых мест – а как жена военного вы не могли этого не ожидать, – какая разница, уедете вы за двести миль или за две тысячи? Расстояние здесь уже не имеет значения: что так, что эдак, все одно.

Я видела, что он собирается разразиться очередной цветистой фразой.

– То же самое Провидение Господне будет охранять вас и в Новом Южном Уэльсе, и солнце, что светит вашей матушке и вашему дедушке, позволит и вам греться в его ободряющих лучах.

Слушая пафосный вздор мужа, я догадалась, что он боится, как и я. Человеку, который твердо знает, что делает, незачем изъясняться столь витиевато.

– Да, дорогой, – согласилась я. – Только сами вы не столь уверены в том, что говорите.

Он заморгал, очнувшись от своих солнечных грез. Заморгал, обнажая свой страх. Затравленный взгляд существа, загнанного в угол.

– А-а, – произнес он. – Ну да.

На миг на него снизошел покой, покой человека, признавшего свое поражение. Стыдно сказать, но я испытывала к мужу более теплые чувства, зная, что ему страшно так же, как и мне самой.

Я взяла его за руку, но, оказалось, это ошибка. Он вздрогнул, отдернул руку. Как мне представлялось, физический контакт с близким человеком, который разделяет твой страх, дарует утешение. Он же это расценивал как проявление слабости. Взяв мужа за руку, я дала понять, что заметила его страх, а этого он допустить не мог.

Я сказала Энн, что она, если желает, может возвращаться в Бриджрул. Там она, я надеялась, найдет свое будущее – встретит парня, за которого выйдет замуж, или устроится горничной еще в какую-нибудь семью. Голосом я пыталась не выдать своего уныния. Меня и саму удивило, что мне так горько расставаться с ней.

Глаза Энн забегали. Я видела, что она оценивает варианты, пытается просчитать, как сложится ее дальнейшая жизнь.

– Энн, я тебя не тороплю, – сказала я. – Обдумай все как следует. Тебе предстоит принять важное решение.

– Нет, мэм, – отвечала она. – Я уже решила. Еду с вами.

– О! – воскликнула я с нескрываемым облегчением в голосе.

Однако я была не вправе воспользоваться ее неведением.

– Ты уверена? – спросила я. – Полгода на корабле, а что потом – вообще одному богу известно. Будут и опасности, и голод. Невзгоды, какие пока даже трудно вообразить.

Энн улыбнулась, словно знала, что я считаю ее слишком глупой, не способной принять в расчет все возможные испытания.

– Спасибо, мэм, – поблагодарила она. – За то, что не сулите золотые горы. Только в Бриджруле мне ловить нечего. Я, пожалуй, рискну.

Энн, я поняла, ожидала нечто подобное – если не Новый Южный Уэльс, тогда Гибралтар. Заранее взвесила все «за» и «против». Я могла не сомневаться на ее счет. Она оказалась более дальновидной, нежели я когда-либо была, быстро сообразила, что для нее более выгодно. Возможно, случится так, что Новый Южный Уэльс не оправдает ее ожиданий, но она, по крайней мере, не вслепую устремлялась навстречу своему будущему.

Я была вдвойне благодарна тому, что Энн едет с нами, потому как опасалась, что у меня могут возникнуть дальнейшие проблемы. Говорили, что женщина не может забеременеть, пока кормит грудью, но я была почти уверена, что снова ношу под сердцем ребенка. Если я не ошиблась, второе дитя родится на исходе нашего путешествия, среди льдов и бурных вод Южного океана. В сравнении с каторжным судном в том свирепом море грязный постоянный двор в Бате мог бы показаться сущим раем.

Я взяла Энн за руки, удивляясь тому, что у меня в глазах стоят слезы и мне хочется крепко ее обнять.

– О, – произнес мистер Макартур, когда я сообщила ему о второй беременности. – Что ж, вы станете первой женой офицера, которая родит на новом континенте!

– От такой чести я охотно бы отказалась.

Уловив язвительность в моем тоне, он удивленно взглянул на меня.

– Это то, что нам предстоит, – добавила я. – В любом случае выбора нет. И я сделаю то, что должна. Только, мистер Макартур, не рассчитывайте, что я буду на седьмом небе от счастья.

По ночам с тяжестью на душе я думала о предстоящем невообразимом путешествии, о своем спутнике жизни, что спал рядом. Его рука подергивалась во сне, словно он щелкал кнутом, подгоняя коня.

Я написала маме в Сток-Климсленд: «Дорогая мама, посудите сами: если нам предстоит жить в разлуке, здесь уже неважно, разделяют нас двести миль или две тысячи. То же самое Проведение Господне будет охранять меня и там, в Новом Южном Уэльсе. Солнце, что светит мне, позволит и вам греться в его ободряющих лучах».

На борту «Нептуна»

Мы еще только добрались до Плимута, где собирались загрузить судно провизией, когда Энн принесла мне новость: мистер Макартур вызвал на дуэль мистера Гилберта, капитана нашего корабля.

– Глупости, дорогая, – я отмахнулась, – над тобой подшутили!

Энн в ответ лишь пристально посмотрела на меня. Я поняла, что мне следует не на смех ее поднимать, а выслушать, пересилив свое нежелание. Эту новость сообщил ей корабельный кок, а того в свою очередь просветил слуга мистера Гилберта: дуэль на следующий день, за верфью Олд-Ган.

Это правда, что мистер Гилберт был неотесанный мужлан, и только мы покинули русло Темзы, между ним и мистером Макартом произошла ссора – как всегда, из-за задетой чести; они, естественно, не разговаривали друг с другом. Однако мистер Гилберт был Господь Бог в маленьком мирке «Нептуна», и следующие полгода наши жизни должны были полностью находиться в его руках. Только безумец рискнул бы ввязаться в драку с человеком, наделенным столь огромной властью. Что бы это ни было за оскорбление, я уверила себя, что мистер Макартур найдет способ замять инцидент.

Но вечером следующего дня Энн пришла ко мне в каюту и сообщила следующее: от сержанта она только что узнала, что мистер Макартур и капитан Гилберт стрелялись на дуэли. Пуля мистера Гилберта прошла мимо, а вот пуля, выпущенная мистером Макартом, продырявила капитану рукав, просвистев всего в полудюйме от него.

Личико Эдварда, которого я держала на руках, страдальчески сморщилось, будто он понял, что натворил его отец. Вместе с сыном я следом за Энн вышла на палубу. Мистер Макартур стоял внизу на набережной в окружении группы мужчин. Слов его я не могла разобрать, но по манерам и поведению было ясно, что он торжествует. Он качал головой, словно усмехался, отходил назад на шаг-два, чтобы броситься вперед на воображаемого обидчика, поднимал перед собой руку и загибал пальцы, словно вел счет оскорблениям или победам. Издалека казалось, что он исполняет танец – отступает, выдвигается, поворачивается то одним боком, то другим, наклоняется, выбрасывает вперед руку в величавом жесте.

Во мне что-то замедлилось, будто кровь загустела. Со стороны я смотрела на Элизабет Макартур, наблюдавшую за своим мужем. С того вечера, когда я отдалась ему за изгородью, моя жизнь ускользнула от меня, превратилась в нечто столь близкое, что отчетливо не разглядеть. Теперь, стоя у ограждения палубы, я, казалось, удалилась оттуда, где была, и в это беспредельное замершее мгновение увидела всю правду.

Мой муж был человек настроения, опрометчивый, импульсивный, холодный, неприступный, эгоистичный, постоянно жил в состоянии самообмана. Это я давно усвоила и думала, что имею полное представление о его характере. Как выяснилось, я глубоко заблуждалась. Мой муж был куда хуже. Неуравновешен до безрассудства, что представляло угрозу для окружающих. Из-за незаживающей раны, прятанной в самой глубине души, у него было извращенное самоощущение, и порой некое безумное побуждение, вгонявшее его в состояние слепого неистовства. Оно затмевало и его коварный разум, и понимание человеческой природы.

Моя жизнь и жизнь младенца у меня на руках были привязаны к утлону суденышку чести моего мужа, которая в его глазах была важнее, чем люди, чье существование зависело от него. Тех, кто его

окружал, мистер Макартур воспринимал как вещи, коими нужно распоряжаться – да, заботливо, пуская в ход обаяние, лесть, улыбки, если это был лучший способ добиться поставленной цели. Но все остальные люди для него были не более значимы, нежели башмак или ложка. Нельзя задеть чувства башмака. Незачем беспокоиться о том, что ложка пострадает от последствий, к которым приведут твои действия.

Я чувствовала, что Энн наблюдает за мной, чувствовала ее жалость. Но посмотреть ей в глаза не могла себя заставить. Ей прекрасно были известны все мои обстоятельства. Но то, что я увидела, чему теперь каким-то образом должна была противостоять, причиняло очень острую боль. Обсуждать это было выше моих сил.

– Поблагодарим Всевышнего, управляющего всем сущим, за то, что не произошло ничего более ужасного, – произнесла я. – И будем надеяться, что удовлетворение получено.

– Ваша правда, мэм, – отозвалась Энн, и мы наконец-то обменялись взглядами.

Спустя некоторое время мистер Макартур пришел в каюту. Он вибрировал, как натянутая струна. Ликовал, поздравлял себя. Его пуля задела Гилберта! А Гилберт, подлый трус, промахнулся! Говорили, что его отзовут с корабля и капитаном назначат другого!

Вступать с ним в полемику было бесполезно, я бы ничего не добилась. С таким же успехом можно спорить с лающей собакой. Тем не менее я не сдержалась. Сказала:

– Да, и этому новому капитану доложат, что на борту судна есть задиристый пассажир, готовый вызвать на дуэль капитана корабля. Не вижу повода для радости, мистер Макартур!

Он бросил на меня презрительный взгляд, как бы говоря: «Да что вы в этом понимаете!». На его губах заиграла самодовольная ухмылка, плечо дернулось, словно он хотел пожать им, но передумал.

– Сэр, не разумнее ли было бы не настраивать против себя человека, который имеет над нами столь огромную власть?

Я услышала, как мой голос пронзительно взвился от ярости, перешел на крик, но мне было плевать, что меня могут услышать посторонние.

– Невзирая на то, какие фокусы вы можете проделывать со своими проклятыми пистолетами?

Ухмылка на его губах не дрогнула.

– Н-да, жена, – веско произнес он, словно собираясь сделать некое заявление. – Какое богатое у вас воображение.

И, казалось, сразу потерял интерес к тому, что говорил. Смахнул соринку с рукава, пригладил волосы над ушами, вытянул перед собой руки, рассматривая ногти. Потом, будто я и рта не раскрывала, а у него самого никакая мысль даже не начинала формироваться, покинул каюту.

Любитель подслушивать

Дуэль мистера Макартура отнюдь не образумила, а, напротив, подхлестнула. Еще и недели не прошло с тех пор, как наш корабль наконец-то отплыл к месту назначения, а он уже настроил против себя нового капитана, некоего мистера Трейла, от лица солдат жалуясь на скудость их рациона. С пеной у рта. Вдруг, ни с того ни с сего, благополучие солдат стало главной заботой его жизни.

– Пусть другие их защищают, – сказала я. – Из вашего вмешательства ничего хорошего не выйдет.

– Я считаю, что это мой долг, – заявил мой муж назидательным тоном, как священник. – Этих несчастных обманывают – по сути, морят голодом!

Он попытался втянуть в ссору командира, но капитан Непин оказался слишком хитер, на провокацию не поддался. Хладнокровный человек, он остро сознавал, какое положение занимает: его назначили командующим Корпуса Нового Южного Уэльса, и эти обязанности ему предстояло исполнять до тех пор, пока его полномочия не будут переданы офицеру более высокого ранга. К тому же он принадлежал к роду Непинов из Солтэша; его брат Эван был влиятельным политиком, занимал высокий пост в правительстве. Эван Непин учился в школе вместе с братом мистера Макартура, Джеймсом, и именно благодаря этому знакомству мистеру Макартуру была предложена новая должность. Капитан Непин наверняка знал, что мистер Макатур своим переводом в Корпус обязан исключительно его брату. И про долг

в пятьсот фунтов ему тоже было известно. Он вежливо раскланивался со мной, если встречал меня на кормовой части палубы, где я, придерживая округлившийся живот, дышала свежим воздухом, но никогда не останавливался, спеша по делам.

Отказ Непина поддержать его еще больше распалил моего мужа.

– Сэр, – заметила я, пытаюсь шуткой смягчить его гнев, – капитан Непин знает, с какой стороны ветер дует, и вам бы тоже не мешало держать нос по ветру!

Мистер Макартур убедил себя, что капитан Трейл и Непин сговорились против него. Офицер и джентльмен, он не считал зазорным украдкой пробираться по коридору к каюте капитана и подслушивать, приставив ухо к двери. Что он слышал? Нечто такое, что распалило его гнев, а может, и вовсе ничего. Но теперь ничто не могло пошатнуть его уверенность в вероломстве капитана Трейла, Непина, боцмана, кого угодно. Он аж белел от ярости.

Непин и капитан занимали удобные каюты на верхней палубе, что возмущало мистера Макартура, ибо нам отвели половину каюты внизу, отделенную тонкой перегородкой от второй половины, где разместили осужденных женщин. Он прямо исходил негодованием. Но не потому что жалел несчастных. Была задета его гордость. Как это так?! Его фактически вынудили делить каюту с преступницами.

О, я прекрасно помню ту ужасную каюту. Каторжницы ругались, стонали, кричали, пускали газы. Из-за перегородки беспрестанно доносились галдеж и громыхание – беспорядочный шум, возникавший оттого, что в тесном помещении было заперто слишком много женщин. Время от времени одна из них трескучим голосом заводила песню: «Божья любовь сияет, словно солнце...». Женщин тех я ни разу не видела, но прониклась уверенностью, что узнаю ту, которая поет, потому как остальные вечно кричали ей: «Мэри-Энн, во имя всего святого, закрой свой вонючий рот!».

Мистер Макартур придерживался мнения, что все те женщины блудницы и лучшей доли не заслуживают, но я с ним была не согласна. Ведь я на собственном опыте убедилась, что женщины ограничены в своем выборе, просто этим каторжницам повезло меньше, чем мне.

Положение наших соседок было куда хуже моего, но в чем-то их страдания были схожи с моими. Одна из женщин – а, может, и не одна, – охала и давилась рвотой, и я знала, что по ту сторону тонкой

стенки есть кто-то, кого по утрам, как и меня, мучает тошнота, и ее, подобно мне, бросает в пот от страха за свое будущее и будущее ребенка, которого она носит под сердцем.

Но я имела привилегии, которые тем женщинам даже не снились: какой-никакой личный уголок; помощницу, безропотно переносившую все тяготы путешествия вместе со мной; возможность выходить на палубу и дышать свежим воздухом, когда мне этого хочется.

То есть, эта возможность существовала, пока не заметили, что мистер Макартур подслушивает разговоры капитана и Непина, после чего проход, ведущий на верхнюю палубу, заколотили. В самом прямом смысле: гвоздями. Мистер Макартур нашел другой путь, – которым я никогда не пользовалась, ибо он пролегал через лазарет для осужденных, и муж запретил мне соваться туда, дабы я не подхватила заразу. Заточенная в той зловонной каюте с больным ребенком, сама больная, лишенная права хотя бы часок провести на палубе под открытым небом, все же я была устроена лучше, нежели те женщины, хоть и ненамного.

В заключении своей каюты мы провели двадцать дней, и все это время мистер Макартур строил тайные планы. Призванные не освободить нас, а предать военно-морскому суду Непина сразу же, как только мы прибудем в Новый Южный Уэльс.

– Мистер Макартур, – умоляла его я, – Бога ради, забудьте Непина, забудьте Трейла. Подумайте о нас, найдите пути к примирению!

Но каждый раз мой муж возвращался с палубы в каюту с новыми доказательствами коварства Непина, которые он во всех подробностях записывал, чтобы позже представить суду. Кипа бумаг с его свидетельствами росла.

Ситуация сложилась безвыходная, но я нашла некую форму спасения в самой себе. Ушла в себя, забила в самый дальний уголок своего существа, где меня ничто не могло тронуть. Я и смерть приняла бы с безразличием. В том состоянии спасительной отрешенности, что я находилась, время для меня остановилось. Будто издалека я слышала писклявый плач Эдварда и старалась его успокоить. Но крики сына я воспринимала просто как сторонний шум, столь же маловажный для меня, как и скрип корабельной древесины или стоны за стенкой. Мое

«я» уползло. Осталась только оболочка некой женщины, что лежала, свернувшись калачиком на койке.

Смутьян

Потом как-то мистер Макартур пришел в каюту и велел нам с Энн собирать вещи, ибо нам предстояло с «Нептуна» пересесть на «Скарборо». Мне и в голову не могло прийти, что можно перебраться с одного корабля на другой посреди Атлантического океана – муж, беременная жена, маленький ребенок, служанка, – но мистер Макартур заверил меня, что так и будет, как только выдастся безветренная погода. Он торжествовал, словно добился того, о чем всегда мечтал.

Как ему удалось настоять на своем? Или это Трейл с Непином решили от него отделаться? Мне так сильно нездоровилось, что я о том не задумывалась. В пересадке на другой корабль видела лишь избавление.

На «Скарборо» нас с Эдвардом подселили в каюту супруги лейтенанта Эбботта. Она любезно выделила нам место, хотя для нее, разумеется, это было лишнее неудобство.

По ее глазам я видела, что она жалеет меня. Все на корабле знали, что на «Нептуне» мистер Макартур вел себя настолько вызывающе, что превратил нашу жизнь в ад. Причем ему это доставляло удовольствие. Он создал проблему, а потом принялся решать ее, причиняя беспокойство многим людям. На «Скарборо» капитан, офицеры, даже матросы держались с мистером Макартуром настороже, как со своенравным псом, от которого не знаешь, чего ждать. И мне это не казалось.

Провидение господне

Мы благополучно достигли мыса Доброй Надежды, но там мой муж подхватил какую-то опасную африканскую лихорадку и, пока мы плыли по Южному океану, лежал в изоляции в тесной грязной каюте, называемой лазаретом. Я выхаживала его как могла, многие недели

провела с ним в той каюте, ибо миссис Эбботт, страшаясь инфекции, не желала рисковать собой и своим собственным ребенком. А я не хотела подвергать опасности Энн, вверившей мне свою судьбу. Добрейшая женщина, миссис Эбботт взяла на себя заботы об Эдварде и следила за тем, чтобы Энн приносила мне все, что нужно, и оставляла в проходе. Все остальное время в той каюте были только я да мой стонущий муж. Когда злобный пес заболевает, кто приходит к нему на помощь?

Но я из кожи вон лезла, отчаянно боролась за его жизнь. Сбивала жар холодными компрессами, которые от соприкосновения с его кожей мгновенно становились горячими; вливала ему в рот имевшиеся в наличии лекарства. От изнеможения у меня кружилась голова, ребенок, словно жалуясь, ворочался в моем чреве.

Я не могла допустить, чтобы мой муж умер. Женой мистера Макартура быть тяжело, но еще хуже быть его вдовой. Что я стану делать в Новом Южном Уэльсе, среди каторжников и солдат? Там нет благородных семейств, чьим детям требуется гувернантка. Никому не нужна и белошвейка. Возможно, кто-то думает, что вдова могла бы вновь выйти замуж, но это маловероятно. Кто позарится на бледную худую женщину с двумя детьми – тщедушным сыном и только что родившимся младенцем?

Мне пришлось бы сесть на первый же корабль, что поплывет в Англию, оплатить проезд за себя и за Энн, если она согласилась бы вернуться со мной и если моего скудного приданого хватило бы на билеты. А потом что? Меня душила паника, едва я представляла, как стою на причале в Плимуте с сумками и коробками, рядом со мной Эдвард, на руках – новорожденный младенец. Мама сочтет своим долгом приютить меня на время. Я обниму свою единоутробную сестру, которую видела только на свадьбе, и мы станем говорить, как мы рады встрече. Но для меня они чужие люди, и я им тоже чужая. Их дом не станет для меня родным.

С Брайди я могла бы провести несколько часов. До отъезда в Австралию мы с ней переписывались, и из ее писем я узнала, что она по-прежнему живет в родительском доме, до сих пор не замужем, хоть и хорохорится, сообщая радостные новости об успехах братьев, словно и не думает о замужестве. Она и ее мать меня и Эдварда примут как дорогих гостей. Я попытаюсь объяснить им то, что выше их разума – путешествие в Новый Южный Уэльс и обратно. Когда визит

подойдет к концу, они обнимут меня, скажут что-нибудь неопределенное по поводу следующей встречи, Эдварда и младенца, и я покину их дом.

А дедушка? Возможно, он простит меня, ведь Господь учит прощать. Но я никогда более не займу в его сердце то место, какое занимала когда-то. Я всегда буду любить его, всегда ради него буду притворяться, что верю в Бога. Возможно, он тоже всегда будет любить меня, но горькой любовью, зная, что я оказалась заблудшей овцой.

И как это все будет? Я представила, как дедушка сидит за выскобленным кухонным столом. Сапоги его стоят возле плиты. Эдвард куксится, страшась незнакомца с колючей бородой, у которого ребенок – наглядное доказательство моего греха – не вызывает теплых чувств. Праведный старик, он отведет меня в сторону и, впившись в меня голубыми глазами на обожженном солнцем лице, спросит, каково моё отношение к Спасителю. А я отвечу: ему нет нужды тревожиться за мою веру. Но от пристального взгляда дедушки ничего не скроешь. Он поймет: в моем хитром ответе слова, похожие на правду, могут оказаться ложью.

Расплата

Я ухаживала за мужем, не щадя своих сил, без сна и отдыха, и мои старания не прошли даром: мистер Макартур пошел на поправку. Но за те недели предельного напряжения судьба выставила счет. Только мой муж стал поправляться, у меня начались схватки, гораздо раньше положенного срока.

Моя дочь никак не могла бы выжить. Однако она прожила целый час. Крошечное щуплое существо. Ее синюшные губки морщились, пытаясь глотнуть воздуха, который она не была готова вдохнуть; веки с просвечивающим венозным узором трепетали на свету, который она не была готова увидеть.

Я знала, что она не выживет. Ей не суждено было выжить, даже если бы я родила ее в Бриджруле, с помощью врача. Однако я не теряла надежды, крепко прижимая к себе дочь. Молилась, в эти минуты крайней нужды убедив себя, что милосердный Господь

слышит меня. Держала на руках ее тщедушное тельце, пытаюсь передать ей свое тепло, свою силу. Мир вокруг сузился до тех точек, где ее кожа соприкасалась с моей и в нее из меня, возможно, перетекала жизнь.

У Энн хватило ума не пытаться обмыть ее или запеленать. Она накинула на нас обеих шаль и тихо села рядом.

Я назвала ее Джейн, в честь доброй миссис Кингдон. Шептала ей в крошечное ушко: «Джейн, останься со мной», думая, что она не должна умереть, раз у нее есть имя. Возможно, эти слова я произносила мысленно, но я была уверена, что она слышит меня. Останься со мной, не уходи, не уходи. Однако тепла моего тела, тепла шали оказалось недостаточно. Здесь не помогло бы никакое тепло – ни материнского тела, ни шали.

Наконец наступил такой момент, когда я больше не могла убеждать себя, что она дышит, и во мне там, где жила надежда, образовался огромный ком холодной пустоты. Пришел священник, но я не желала видеть рядом мужчин. Должно быть, я ему нагрубила. Помнится, пригнувшись, он бочком стал выходить в дверь. Паук в черном облачении с большой черной Библией в руке, которая исчезла вместе с ним.

На пути в загробную жизнь. Как и все остальные, я стояла с опущенной головой, когда капитан Маршалл читал заупокойную молитву над парусиновым свертком, но я знала, что никакой «загробной жизни» нет. Есть только здесь, сейчас, а потом – тишина.

Тем не менее, каждый год в день рождения и смерти Джейн я думаю о ней. Не с прискорбием, сожалением, тоской или гневом, а с замиранием сердца, свято чту тот факт, что на этом свете короткое время жил такой человек.

Никто ее не помнит – только я и Энн. А теперь и вы тоже знаете о ней. Я чувствую, как мне становится легче на душе после того, как я увековечила на бумаге ее существование. Сообщила вам ее имя и то, что она была любима.

В Сиднее мистер Макартур сошел с корабля. Шаг у него был нетвердый, на белом, как мел, лице безобразно розовели оспины. Но он шел сам.

Форма выражения

О своем путешествии я сочинила для матери великолепный роман. По большому счету, откровенной лжи в нем не было. Я выбрала более интересный путь: сделала так, что моя ложь занимала то же пространство, что и правда. Читая копию того письма теперь, десятилетия спустя, я восхищаюсь той молодой особой, какой я тогда была. Я не стала упоминать про ужасы заточения в каюте. Коварного капитана Трейла представила забавным персонажем: настоящее морское чудовище. Заверила маму, что я сама попросилась пересесть на другое судно, дабы она думала, будто моему мужу хватало влияния добиться того, чтобы я не знала тягот во время плавания. Пересадка на другой корабль оказалась выгодной для меня во всех отношениях, написала я, словно это событие по важности было столь же пустячным, как переход на другую тропинку в саду.

С издевательским злобным удовлетворением я думала о том, как здорово мне удалось одурачить всех. Но я прекрасно помню чувство опустошенности, что владело мной, когда я запечатывала и отсылала то письмо. Подобное проявление ума обрекает человека на одиночество.

В конце того письма, полного оптимистичных прикрас, я черкнула пару строк для дедушки. Я не виделась с ним с того дня, когда ему сообщили о моем грехопадении. Несколько раз я писала ему, но ответа не получала. Теперь, понимая, что вряд ли когда-нибудь снова встречу с ним, я хотела вымолить у него прощение. Может, дедушка и не откликнется на мольбы своей заблудшей овечки, но, я надеялась, что он смягчится и согласится выслушать адресованные ему слова. «Передай дедушке, – написала я, – что я люблю его и не забываю совет, что он мне дал: всегда помнить о своем долге перед Создателем». Я не утверждала, что верую в Бога или исполняю его священный наказ – только то, что помню о нем. Я надеялась, что мои слова, подобно Троянскому коню, распахнут ворота дедушкиного сердца и он впустит в него те, которые я хотела, чтобы он услышал: я люблю его.

Часть 3

Небывальщина

Вот уж воистину, сельскохозяйственные культуры в Новом Южном Уэльсе давали небывалый урожай. Настолько небывалый, что его вообще не было. Пшеница жухла на корню; кукуруза, изжариваясь на солнце, превращалась в скрипучие стебли с сухими листьями; ячмень вообще не давал всходов.

Писали, что каторжники обеспечивали высокие темпы строительства, и это была еще одна ложь в облачении правды. Да, строительство велось. Утаивание деталей – это не обман. Каких деталей? А вот каких. Строились хижины на кривых столбах, соединенных между собой сплетенным лозняком, который затем обмазывали глиной – убогие будки, в них даже собаки постыдились бы жить. Да, и еще под высокими темпами строительства подразумевались конструкции из изъеденной плесенью парусины, которую накидывали на веревку, что была протянута между двумя деревьями. Края парусины придавливали камнями, чтобы образовать – можно сказать, построить – небольшое треугольное пространство, куда мог бы залезть человек.

Тем первым утром в Сиднее, осматривая жилище, в котором нас разместили – низкий дрянной домишко с крышей из пальмовых листьев, – я увидела, что мистера Макартура впервые одолели сомнения. Он скривил губы, сдвинул брови. Подобно тучам на горизонте, это предвещало бурю. Далее последуют визит к губернатору, громогласно выраженное возмущение, жесты, разрубающие воздух. Моя жена, станет негодуяюще восклицать он. Мой сын! Здесь это не аргумент. Зачем было тащить на край света жену с маленьким ребенком, если можно было, проявив немного смирения, сидеть в комфортных условиях где-нибудь в казармах Гибралтара?

– Гораздо лучше, чем можно было ожидать, – произнесла я. – А в сравнении вон с тем домиком так просто дворец!

Я показала на еще более убогую хижину, чем наша, куда входил, пригнувшись, какой-то офицер. Мы видели только его спину.

– Вас, должно быть, уважают, сэр, – заметила я, – раз выделили нам именно этот домик. Смотрите, здесь и речка поблизости. Очень удобно!

Провидение Господне неожиданно устроило переполох в соседней хижине. Хозяин спины стоял, потирая голову. Он задел ею притолоку, которая теперь болталась в дверном проеме, будто сломанная рука.

– Видите, мистер Макартур, нам крупно повезло, – сказала я веселым тоном. – Давайте-ка поскорее займем этот домик, пока тот товарищ не позавидовал нашей удаче. А то ведь сглазит еще.

Я знала, что этот довод заденет мужа за живое.

Поселение Сидней – пыльное, безобразное, пренеприятнейшее местечко – раскинулось на унылом захудалом клочке земли, на котором топталось слишком много людей, мечтавших оказаться где-нибудь в другом краю. Два года миновало с тех пор, как тысяча заключенных и двести пятьдесят морских пехотинцев Его Величества вошли на кораблях в Сиднейскую бухту и высадились на диком берегу, о котором ничего не было известно. С того самого времени они были оторваны от цивилизации: продовольствие им не поставлялось, они не имели возможности ни получать, ни передавать новости, не считая тех первых сообщений о небывальщине.

Тараканы

На первых порах на новом месте меня повергало в шок буквально все. Каторжники – и мужчины и женщины – в силу жизненных обстоятельств были люди порочные и злобные. Они вырывали хлеб прямо изо рта друг у друга, клокотали и строили планы побега или мятежа, постоянно проявляли недюжинную изобретательность и хитрость, чтобы ограбить склад или своих соседей. Некоторые морские пехотинцы были немногим лучше. Казалось, им доставляет удовольствие пороть заключенных, словно они наказывали каторжников не за совершенные ими преступления, а за то, что они,

военные, по их милости, оказались в этом забытом богом месте. Бывало, крики доносились из каждого уголка поселения.

Голод и отчаяние, гнев и страх, утраты и тоска по родине пробуждали в людях все самое дурное. Здесь процветали злословие, оговоры и клеветнические слухи; каждый выискивал слабости в другом и скрывал собственные. Узкая долина с крутыми склонами, в которой мы все обитали, была подобна щели в стене, где копошились, налезая друг на друга, тараканы.

В первые дни во сне меня посещали смутные видения мятежей и ураганов. И потому я была поражена, когда осознала, что ужасы, совершенные преступниками и навлеченные на них, больше не вызывают у меня кошмаров.

Бог и царь

В этом адском месте всем заправлял худой и кривобокий капитан военно-морского флота Артур Филлип, который два года назад привел первый флот в здешнюю гавань. Будучи капитаном Королевского флота, Филлип привык к тому, что он бог и царь в одном лице, но весь предыдущий опыт службы не подготовил его к тому, с чем пришлось столкнуться губернатору Нового Южного Уэльса: держать под контролем тысячу преступников, снedaемых отчаянным желанием совершить побег или поднять бунт, и мятежной группой недовольных конвоиров. Ему не с кем было поделиться своими невзгодами: до вышестоящего начальства, у которого он мог бы спросить совета, нужно было плыть целый год, так что положение его было незавидное: один на один со своими трудностями.

Тем не менее, власти Великобритании поступили мудро, остановив свой выбор на его кандидатуре. В колонии, где благожелательность была в дефиците, он оставался порядочным и великодушным человеком, надеясь, что его благородство станет примером для других. Незадолго до нашего прибытия запасы провизии стали истощаться, и Филлип постановил, что всем обитателям этого голодного поселения должен выделяться одинаковый паек, и значит, самый гнусный преступник имел такой же рацион, что и губернатор. Он даже отдал в общий котел муку из своих личных запасов.

Однако его бескорыстный поступок никого не вдохновил. Невзирая на конвоиров и телесные наказания, каждую морковку, каждую репу, стоило им вырасти размером с палец, тут же выдирали с грядки. Среди воров не существовало понятия чести. Вскоре после нашего прибытия один заключенный в отчаянии обменял свой единственный горшок на горстку риса, но никто не одолжил ему посуду, чтобы сварить этот самый рис, и он умер, проглотив его сырым. Что касается моряков и солдат Корпуса Нового Южного Уэльса, за спиной губернатора они кипели от негодования оттого, что им приходится голодать так же, как и каторжникам.

Губернатор понимал, что перед ним стоят непосильные задачи, которые он выполнял со всем присущим ему благоразумием, проявляя неслыханное для многих милосердие. Однако он был всего лишь человек, оказавшийся в ситуации, требовавшей нечеловеческих усилий. Ни для кого не было секретом, что Филлипа мучают боли в боку, которые врач, при всех его стараниях, никак не мог облегчить. От этого он легко уставал и переутомлялся. Все видели, что губернатор, хоть на нем и мундир с роскошными золотыми пуговицами, а на боку висит меч, в любой момент может слечь от изнурения.

Сокровище губернатора

В приглашении, предлагавшем лейтенанту и миссис Макартур почтить своим присутствием их первый званый ужин в доме губернатора, было ясно сказано, что – в силу нехватки продовольствия – все гости должны принести с собой свой кусок хлеба, поэтому мы отправились на прием с завернутыми в салфетку булками, испеченными в полковой пекарне.

– Сударыня, – воскликнул губернатор, пожимая мне руку. – Это мое упущение. Поверьте, я намеревался сделать для вас исключение. На моем столе всегда найдется хлеб для миссис Макартур!

Так уж получилось, что из всех гостей мы пришли последними. Капитан Непин холодно поклонился мне и мистеру Макарту и тотчас же отвернулся к капитану Хиллу. Заместитель военного прокурора капитан Коллинз увлеченно беседовал с врачом мистером Уайтом, и я обменялась улыбкой с корабельным врачом мистером

Урганом, который во время плавания великодушно одалживал мне свои книги. Несколько морских офицеров стояли группой у камина. Среди них был вечно улыбающийся капитан Тенч. Не прошло и часа с нашей высадки на берег, как он уже представился мистеру Макартуру и всячески старался быть ему полезным. Для меня было очевидно, что капитан Тенч, как и все остальные жители побережья Сиднейской бухты, прекрасно знал, что за человек мистер Макартур, и принял мудрое решение постараться не ссориться с ним.

– Если заметили, миссис Макартур, капитан Тенч особенно внимателен, – сказал губернатор. – Это потому, что он обязался написать книгу о нашем маленьком обществе антиподов.

Тенч с улыбкой поклонился. Он выглядел маленьким, если стоял рядом с кем-то высоким, но благодаря своему живому бойкому темпераменту, казалось, занимал больше пространства, чем это было на самом деле.

– Да, это так, мадам, – обратился он ко мне. – Не смог пренебречь возможностью составить первое описание этого места. Здесь все так необычно, что читательская аудитория моему очерку обеспечена, хоть мои писательские способности и невелики. Я ведь как тот муравей из сказки: ничего не выбрасываю, складываю в кучу все, на что натываюсь.

Капитан Тенч мог бы еще долго говорить, но губернатор двинулся дальше, представляя меня офицеру Королевского флота лейтенанту Доузу. Долговязый, нескладный мужчина, он поклонился мне, но взглядом со мной не встретился.

– Вам повезло, что вы встретили здесь мистера Доуза, – с улыбкой добавил губернатор, чтобы заполнить паузу, возникшую оттого, что мистер Доуз, по-видимому, не признавал, что обмен любезностями требует в ответ что-то вроде: «Рад знакомству, миссис Макартур» или «Приветствую вас, миссис Макартур». – Между прочим, – продолжал губернатор, – мистер Доуз – наш местный астроном. Так что после заката он редко составляет нам компанию.

Мистер Доуз снова поклонился, но для фразы «Рад знакомству, миссис Макартур» время уже миновало, и было такое чувство, что мы все хотим избавить его от мучительной неловкости, которую он испытывал, оказавшись в центре внимания.

– А теперь, миссис Макартур, пойдете-ка садиться за стол. Не будем задерживать начало пиршества!

Гости зашумели, учтиво обмениваясь шутками. Мы с мистером Макартуром, уже достаточно долго прожив на побережье Сиднейской бухты, присоединились к всеобщему оживлению. Всех присутствовавших – мужчин, женщин, детей – в этот вечер ожидали такие яства: ломтик солонины, гороховая каша, хлеб. Правда, капитан Тенч сообщил мне, что егерю губернатора иногда удается подстрелить дикую утку или кенгуру, и во мне затеплилась надежда.

Перед нами поставили тарелки с едой: гороховая каша с солониной и парой листиков растения, которое здесь называли петрушкой из Ботани-Бэй. Надежда полакомиться уткой или мясом кенгуру постепенно умирала, за столом воцарялась тишина. Я увидела, как у Тенча, сидевшего напротив, дрогнули губы в предвкушении того, что он собирался сказать.

– О, наша ежедневная дьявольская пища, – воскликнул он, и все, кто был на ужине, рассмеялись, даже губернатор.

– Благодарю вас, капитан Тенч, – произнес он. – До прибытия кораблей с продовольствием эта шутка не устареет.

Он явно слышал ее прежде и, вероятно, не один раз. Словно осознав, что в его тоне прозвучала резкость, губернатор с улыбкой обратился ко мне.

– Капитан Тенч, – объяснил он, – первый юморист Сиднейской бухты. Хотя эта местность не располагает к юмору.

Он поддался вперед за столом, глядя на Тенча.

– Уверяю вас, мой дорогой сэръ, что лично я высоко ценю ваши старания.

О званые ужины тех дней! На больших роскошных тарелках с золотым ободком скудные порции выглядели совсем крошечными, солонина пахивала. Но видимость пышного пиршества была соблюдена. Вино, пусть и по несколько глотков, разливалось в хрустальные бокалы. Ослепительно сияли комплекты столового серебра, рассчитанные на семь блюд. Дамастовые салфетки, серебряные подсвечники. Священник Джонсон торжественно прочитал молитву.

Со своего места я наблюдала за мистером Макартуром, сидевшим по другую сторону стола. Он из кожи вон лез, стараясь очаровать

губернатора, как это способен делать человек, для которого обаяние – не более чем один из тактических приемов. С самых первых дней порядочность и мягкие манеры губернатора, чей лоб был изборожден морщинами, у мистера Макартура вызывали лишь глубочайшее презрение. В узком кругу он величал его – не армейского офицера, а капитана ненавистного ему флота – «наш почитаемый морской волк», произнося это с издевательски утрированным ирландским акцентом. Но сейчас я, с чувством облегчения и презрения, отметила, что мой муж улыбается и кивает.

Губернатор уже понял, с кем он имеет дело в лице мистера Макартура. От капитана Непина он, конечно, знал о том, что произошло на борту «Нептуна». На мой взгляд, он видел, что мистер Макартур лицемерит, пытается завоевать его расположение, и не отвечал ему особой симпатией.

Как подобает богу и царю в одном лице, губернатор держал в услужении несколько человек: трех-четыре лакеев, одетых в униформу, которая могла сойти за ливреи, и двух горничных. Все они были из числа каторжников. Экономка, спокойная женщина в опрятном сером платье, внимательно следила за каждым шагом прислуги, прямо у всех на виду пересчитывала столовое серебро.

Каторжников к губернатору она и близко не подпускала, сама обслуживала его за столом. Я сидела рядом с ним и заметила кое-что интересное: в том, как она наклонялась к нему, чувствовалась не просто учтивость прислуги, а в его тихом «спасибо» слышалось нечто большее, чем обычная благодарность. Губернатор заметил, что я за ними наблюдаю.

– Миссис Брукс – настоящее сокровище, – сказал он мне, улыбаясь экономке. – Она служит мне много лет, на кораблях больших и малых, прочных и не очень. Верно, миссис Брукс?

– Да, сэр, – отвечала она. – И служить вам – большая радость. Мне очень повезло.

– Миссис Брукс – супруга боцмана с «Сириуса», – объяснил губернатор. – И прекрасно заботится о моих нуждах на суше и на море.

При словах «заботится о моих нуждах» миссис Брукс как-то испуганно улыбнулась. Они обменялись мимолетными взглядами, и

воздух между ними встрепенулся, почти неосвязаемо, будто потревоженный взмахом птичьего крыла.

Может, миссис Брукс и экономка, подумала я, а также жена боцмана, но, если не ошибаюсь, для губернатора она значит нечто большее.

Знаки внимания

По отношению ко мне губернатор всегда был сама доброта. После того первого ужина он старался облегчить мою жизнь разными способами: бывало, присылал фрукты из своего сада, яйца из своего птичника, пару раз – дикую утку. При первой же возможности своей властью он выделил для Макартуров один из лучших построенных домов, так что через несколько месяцев после нашего прибытия мы уже перебрались в кирпичный дом с деревянным полом и гонтовой крышей. Там имелись две довольно просторные комнаты. Та, что побольше, была оборудована камином. За ней находилась вполне удобная уборная.

По всей вероятности, губернатор решил сохранять добрые отношения с мистером Макартуром, угождая его жене. Но в его знаках внимания чувствовалась искренняя симпатия. Я верила тогда и склонна верить теперь, что они были продиктованы не только тактическими соображениями.

Прогулки

Энн пришлось уговаривать, чтобы она начала выходить из дома. Какой-то шутник наболтал ей, что видел – лично, собственными глазами, – как в соседней бухте стая львов растерзала и съела человека, и мне никак не удавалось убедить ее, что это все выдумки. В принципе, думаю, такое было возможно. Мои заверения о том, что в Новом Южном Уэльсе львы не водятся, сопровождались неозвученной оговоркой «насколько нам известно». Во время наших прогулок Энн

вздрагивала от малейшего шороха. В каждой палке видела змею, на каждом листике – притаившегося паука.

Но сама я старалась выбираться из дома – он во всем превосходил наше первое жилище, но все же комнаты были темные и сырые, – под любым удобным предлогом. Самый подходящий повод обеспечивал Эдвард, ибо в этом краю лишений он начал быстро крепнуть и развиваться. Когда мы высадились на берег, ему было чуть больше года, но он выглядел не старше полугодовалого малыша – болезненное молчаливое существо с огромными глазищами на сморщенном личике. А через несколько недель после высадки он уже уверенно топал, держась за руку, и непрерывно лепетал. Щечки его хоть и не совсем порозовели, но уже утратили восковую бледность.

По распоряжению мистера Макартура мы никогда не ходили дальше последней хижины с той или с другой стороны бухты.

– Не забывайте, дорогая, здесь вам не Девон, – сказал он мне, будто я сама этого не знала.

На прогулках нас всегда сопровождал рядовой Эннис с ружьем. Жизнерадостный парень, он охранял нас от агрессивных каторжников, а также от аборигенов, которые наведывались в поселение, ибо губернатор своим указом постановил, чтобы к ним относились дружелюбно и благожелательно.

Сентиментальность губернатора мистера Макартура раздражала. Он заявил мне, что аборигены – дикари самого низкого пошиба. Ему сказали, что в их языке нет таких слов, как «спасибо» и «пожалуйста»; им неведомы такие понятия, как «муж» и «жена»; они разделяются на мужчин и женщин, как животные на самцов и самок. Из достоверных источников ему известно, заверил он меня, что они убивают и едят собственных детей. Аборигенов он называл наши темнокожие собратья, что его самого всегда забавляло, потому как своими собратьями он их никогда не считал. Те дикие обитатели лесов в его восприятии были такие же собратья, как, например, попугай. Но так он скрывал свой страх, пряча его за изощренной иронией.

Аборигены-мужчины меня немного пугали. Рослые, великолепно сложенные обнаженные воины, они вышагивали с важным величавым видом, небрежно держа в руках копьё. Женщины страха не вызывали, однако их откровенная нагота, которой они ничуть не стыдились, приводила меня в смятение.

Во время своих прогулок – обычно мы шли медленно, подстраиваясь под шаг Эдварда – мы всегда следовали одним и тем же коротким круговым маршрутом, идя мимо скопления лачуг, разбросанных среди деревьев, минуя злобных каторжников, которые наблюдали, как супруга лейтенанта Макартура и ее свита дышат свежим воздухом. Каждый день я со всей серьезностью спрашивала Энн, какой путь она сегодня предпочитает выбрать: с запада на восток или с востока на запад. Подыгрывая мне, служанка сосредоточенно морщила лоб, якобы принимая решение, и затем мы отправлялись на прогулку. Рядовой Эннис поклялся ей, что львов здесь нет, а если вдруг откуда-то появится лев, он его пристрелит!

Дойдя до последней хижины с той или другой стороны долины, мы останавливались и смотрели на то, что простиралось за пределами поселения. Для путника картина была неприглядная: каменистая бугристая земля; диковинные деревья; кустарники с игольчатыми листьями; трава, острая, как нож, легко можно порезать руку – знаю по собственному опыту. Шипы, колючки. В общем, место труднопроходимое, вероятно, опасное и, безусловно, неудобное.

Например, дуб похож на все дубы, но здесь каждое дерево по форме отличалось от остальных. По ней, видимо, можно было бы определить, как именно семя упало на каменистую почву и как впоследствии рос ствол. Некоторые деревья были абсолютно прямые, другие – разлапистые. Некоторые росли строго вверх, но стволы имели скрученные, как веревка. Мистер Макартур был подобен одному из таких деревьев. Семя упало в почву как-то криво, вот и человек получился весь кривой.

Я играла с Эдвардом, кормила его однообразной пищей, что имела в наличии, купала, отсылая Энн, чтобы в одиночку получить удовольствие от этого скромного занятия. Сидя у узкого проема в стене, служившего окном, я чинила нашу одежду. Читала и перечитывала те несколько книг, что у нас были.

Но после того как прогулка была совершена, одежда починена и книги прочитаны, время будто тяжелело и останавливалось. Мои руки зудели, скучая по работе. Помнится, когда я росла в доме бабушки, у меня на ладонях вечно пузырились волдыри оттого, что я колола дрова или стригла овец. Я вспоминала запах навоза, запахи фермы, хотя

здесь не было ни фермы, ни навоза. Каторжник, что выполнял для нас грязную, тяжелую работу, уже больше часа вяло возил по земле граблями во дворе за домом. Мне так и хотелось выхватить у него эти грабли и самой взяться за дело, почувствовать, как оживают мышцы и кости, сухожилия и суставы, а в жилах начинает бурлить кровь.

«Жизнь длится долго, миссис Макартур», – сказала мне та грубая хозяйка постоянного двора. Жизнь длится долго. Она даже сама не подозревала, сколь глубокая истина кроется в ее словах, ибо в Новом Южном Уэльсе каждый день состоял из череды унылых длиннот. Однако нас окружала совершенно новая вселенная: аборигены и их язык, растения, птицы, диковинные животные. Даже звезды здесь были совсем незнакомые, так что мистер Доуз, как говорил губернатор, только и успевал отмечать их на карте, редко находя время для визитов в поселение. Этот край выплескивал свои дары. Здесь, как из рога изобилия, сыпалось все новое и удивительное, только оно находилось вне досягаемости миссис Макартур во время ее чинных ежедневных прогулок.

Мне оставалось лишь дожидаться своего часа; чего-чего, а времени у меня было вагон. Дождаться своего часа и одного из тех поворотов судьбы, про которые говорила та женщина.

Ни уму, ни сердцу

В поселении на побережье Сиднейской бухты проживали тысяча двести человек, но после того, как Эбботов отправили во второе поселение на острове Норфолк, осталась всего одна женщина, чье общество подходило для супруги офицера: Мэри Джонсон, жена священника.

Но, боже мой, до чего Мэри была скучная особа! Необразованная, ограниченная, она имела привычку к месту и не к месту поминать Всевышнего буквально в каждом своем предложении, что меня жутко раздражало. Время, проведенное в компании миссис Джонсон, не приносило радости ни уму, ни сердцу.

Однако женщина она была добродетельная, как и ее муж. Вдвоем они на свои средства выхаживали больных и никогда не оставляли

попыток обратить каторжников на путь спасения, хотя все указывало на то, что занятие это бесполезное.

В их обществе я чувствовала себя черствой, эгоистичной грешницей. Мне всегда становилось стыдно, когда я мысленно насмеялась над ними. Я сознавала, что их вера дарует им утешение, какое мне самой в жизни было неведомо, и что мое презрительное отношение к ним произрастает из сложного чувства, которое, как я теперь понимаю, было очень похоже на зависть.

Мистер Макартур вообще не находил времени на общение с многоречивым пастором. Ричард Джонсон греческого не знал, с латынью был знаком совсем чуть-чуть и изъяснялся на грубом диалекте йоркширских фермеров, из которых он происходил. В общем, никак не джентльмен, а значит не ровня моему мужу.

– Моя дорогая жена, – сказал он мне, видя, что я собираюсь с визитом к Мэри. – Вот уж воистину высокая цена за наше пребывание в Новом Южном Уэльсе. Если б я знал, что здесь нас ждет общество его преподобия и миссис Джонсон, возможно, я не стал бы переводиться в Корпус!

По его мнению, это была очень забавная шутка.

Отвлекись от бога

Однажды утром я застала Мэри за поливом двух хилых розовых кустов, что росли у двери ее дома. Должно быть, они росли там всегда, ведь никаких кораблей, которые могли бы их сюда доставить, мы не видели. Но мы прибыли в Сиднейскую бухту зимой, а сейчас была весна, и на голых стеблях стали распускаться листочки. Розы! Какое счастье! Розы в краю, где господствуют блеклые оливковые и серые цвета, где нас окружают растения с необычными жесткими листьями! Этим розам я обрадовалась как старым добрым друзьям, обещавшим, что я наконец вернусь туда, где розы цветут у каждого дома.

– Миссис Джонсон, вот это да! – воскликнула я. – Увидев ваши розы, я сразу вспомнила родной край!

– Да, розы хороши, – согласилась она. – Но должна вас поправить. Это не мои розы, миссис Макартур. Это розы Господа.

Меня отчитали, как ребенка, и, подобно ребенку, я вознегодовала. Самоуверенная Мэри с улыбкой смотрела на меня. Она была убеждена, что ее, в отличие от таких несерьезных болтушек, как Элизабет Макартур, ждет вечное блаженство в раю.

Но не навещать Мэри Джонсон я не могла. Это было бы неучтиво. А неучтивость в столь маленьком обществе, как наше, имела бы свои последствия. К тому же я научилась получать удовольствие в ее компании. Как и ее муж, она была родом из Йоркшира. Когда я жила в Девоне, Йоркшир мне казался далеким местом, почти что за границей, но из другого полушария Девон и Йоркшир виделись как две соседние округи. Воспоминания о родине сблизили нас. Мы рассуждали о вкусе малины; о грибах, стоявших, словно важные часовые под пеленой утреннего тумана; о кустарниках в полях с нанизанными на ветки ключьями шерсти, что оставили на них овцы.

Мэри меньше тосковала по дому, нежели я, но, вероятно, она страдала без женского общества и потому от случая к случаю позволяла себе отвлечься от Бога и поностальгировать по перезвону колокольчиков, которым зимним утром оглашали поля овцы.

Письма

Я писала письма матери и Брайди. Вот передо мной лежат копии тех моих писем. До чего же они скучные! Напичканы витиеватыми фразами, но совершенные пустые по содержанию. «Вот у меня и выдалась минутка заверить мою родную матушку, что я пребываю в полнейшем здравии, и, дабы еще больше обрадовать ее, добавлю, что мистер Макартур и мой маленький Эдвард тоже благоденствуют, и мы желаем лишь одного – узнать, что вы в той же мере счастливы и здоровы». Фразы будто из учебника по риторике, будто вымученные излияния человека, которому платят пословно.

В каком-то смысле так и было. Я считала своим долгом писать матери и подруге детства о том, что я абсолютно всем довольна, что у нас великолепные перспективы. Мои письма будут зачитывать соседям. Всех, кто будет приходить в гости к матери или наведываться в дом священника, станут развлекать рассказами Элизабет о

диковинном крае, где она теперь живет. Я не хотела, чтобы обо мне тревожились. Зачем?

На то была еще одна причина: моя гордость. Я не могла допустить, чтобы меня жалели.

Порой, читая свои послания и восхищаясь оптимистичными выдумками собственного сочинения, я досадовала, что мы с Брайди в свое время не разработали язык иносказаний, который был бы известен только нам двоим. На всем земном шаре она была единственным человеком, которому я хотела бы поведать правду, скрытую за красивыми словами. Но об этом не могло быть и речи.

Мистер Макартур прочитывал письма, что я писала Брайди и матери. Зная это, я старательно следила за тем, чтобы в моих посланиях не к чему было придраться. Он тоже показывал мне свои письма, адресованные брату и отцу. Как и в моих, в них наша жизнь описывалась в самых радужных красках. Он никогда не отмечал, насколько мой оптимизм далек от реальности, а я никогда не выражала сомнений по поводу его приукрашиваний. В действительности, я частенько слово в слово заимствовала некоторые из его высказываний, – чтобы угодить ему. Ведь с довольным мистером Макартом было куда приятнее общаться.

Переписывая его цветистые фразы, я обратила внимание, что слово «мы» в письмах, сочиненных мужем, отсутствует. В эгоцентрическом мировоззрении мистера Макарта не было такого понятия. Только «я», «мне», «моё».

Бдительность

Каждое утро, просыпаясь под варварский гогот смеющихся кукабар^[11], я старалась не думать о том, когда мы покинем этот дикий край. Морских пехотинцев направили сюда на три года, и полсрока они уже отслужили, однако Корпус Нового Южного Уэльса был создан для того, чтобы заменить их на постоянной основе. Длительность нашего пребывания здесь – ссылка, если угодно – зависела от того, насколько

быстро мистер Макартур сумеет добиться своей цели. Отдать долг, скопить денег и вернуться домой.

Приходилось признать, что, возможно, этого не случится никогда. Да, мой супруг был хитроумен и честолюбив. Но вместе с тем неуравновешен, задирист, неуживчив, неблагоразумен. Запросто мог погубить все наши надежды.

Каждое утро, когда я лежала рядом с мужем, стараясь его не разбудить, я предавалась раздумьям. Мое положение – женщины, супруги – не давало мне власти, и все же каким-то образом я должна была взять на себя ответственность за наши судьбы. Единственный способ – предугадывать его потребности и желания, так же, как он распознавал потребности и желания людей, которых стремился подчинить своей воле.

Чего он мог бы пожелать? Есть ли такое желание, к исполнению которого его можно склонить? Он всегда жаждал... похвалы, лести, собралась я написать, но это было бы не совсем точно. Он хотел, чтобы его замечали, чтобы с ним считались. Ему требовалось внимание окружающих: внимание и уважение. Сын торговца тканями, энсин на половинном жаловании, он так долго оставался маленьким человеком в глазах других, что ему необходимо было вырасти в своих собственных глазах. Поэтому он с такой яростью защищал свою честь – во вред себе, жертвуя собственной выгодой.

Значит, это я должна быть хладнокровной и уравновешенной. Пока мы здесь – да, по сути, до конца жизни, – мне предстоит удерживать мистера Макартура от губительных поступков, которые могли бы навлечь на нас беду, как это случилось на борту «Нептуна». А для этого я должна научиться быть такой же хитроумной, как он. Уметь перехитрить его, переждать. Определять, когда не согласиться с ним, но при этом подвести его к тому, что это его собственное решение. Или сказать: «О, мистер Макартур, какой грандиозный план!» и затем ждать, пока его энтузиазм сойдет на нет.

Если я освою это искусство, тогда еще есть шанс – от нуля до бесконечности – когда-нибудь вернуться домой. А если не освою, мы весь остаток жизни проведем в этой ссылке.

У миссис Бортвик я переняла манеру чуть приподнимать уголки губ, складывая их в безмятежную полуулыбку. Поначалу заставляла себя, потом это вошло в привычку. Лишь оставаясь одна, я могла

расслабиться, и в такие минуты беспечности на лице моем, я знала, застывало выражение сурового долготерпения.

Прислуга

Для офицеров одно из преимуществ проживания в этой далекой колонии состояло в том, что им выделялись в качестве слуг каторжники, которые полностью находились на казенном обеспечении, и, как только мы перебрались в более просторный дом, мистер Макартур не преминул воспользоваться этой привилегией.

Когда мы прибыли в Новый Южный Уэльс, к нам приставили громилу по фамилии Салливан. Он был молод, но тяготы суровой жизни оставили на нем свои отметины: лицо истрепанное, как старый башмак; половина зубов отсутствует. Мистер Макартур сказал мне, что Салливана осудили за кражу свечей: они торчали у него из кармана, когда он был пойман с поличным, хотя сам Салливан твердил, что ничего про них не знает.

Женщина, что родила его, наверное, дала ему нормальное имя, но Салливан сказал, что его зовут Потряс. Он никогда не смотрел людям в глаза. Эта привычка распространена среди преступников. Если ты смотришь в глаза хозяину, значит, считаешь себя равным ему, что можно расценить как наглость, а за наглое поведение полагалась дюжина ударов плетью. Обращаясь к мистеру Макартуру, Салливан всегда добавлял титул «сквайр» и при этом многозначительно улыбался. Улыбка у него была отвратительная.

Но, когда в бухту вошел «Атлантик» с новой партией заключенных на борту, мистер Макартур, тут как тут, ждал на причале. Офицер, дорожающий своим положением, не обойдется одним ничемным бездельником.

Уильям Ханнафорд был светловолосым великаном с честным открытым лицом. Хоть он и провел в море много месяцев, в нем сразу можно было распознать фермера. Еще было видно, что он неунывающий человек, никогда не падает духом, какие бы гадости ему ни подкидывала жизнь.

– Овцекрад, – сообщил мне мистер Макартур. – Но петли избежал. Одному Богу известно, как ему это удалось.

В тот первый день, когда Ханнафорд стоял и болтал с Салливаном, я услышала знакомый выговор, такой же, как у меня. Легко было представить, как он в Девоне, облокотившись на изгородь, точит лясы с соседом, беседуя о том о сем, как это любил делать мой дедушка. Салливан обернулся ко мне, тем самым вынудив Ханнафорда тоже взглянуть на меня. У того в лице мелькнул испуг, когда он понял, что я, миссис Джон Макартур, в приличном капоре, слушаю их треп.

– По-моему, вы из Девона, – заметила я, пытаюсь подобрать верный тон в разговоре со слугой, который к тому же был преступником. Но знакомая речь пробудила тоску. Мне захотелось вспомнить вместе с ним родные места. – Откуда именно?

Помимо моей воли эти слова прозвучали, как вопрос следователя. В лице Ханнафорда появилась настороженность. Я улыбнулась – едва заметно! – и он, расслабившись, отвечал:

– Миссис Макартур, моя ферма находилась недалеко от Брэдурси. Но в глуши. Может, вы и названия-то такого не слышали.

– В сторону Милтон-Дамеред? – уточнила я. – Или ближе к Килкхэмптону?

Я живо представляла все эти места, узкие дороги, обсаженные высокой зеленой изгородью.

– Скорее в направлении Саткома, миссис Макартур, – объяснил он. – Солден-Кросс, потом Хоникрофт, а потом моя ферма – там, где Бекеттс-Хилл образует изгиб.

Мы оба умолкли, рисуя в воображении упомянутые места. Ханнафорд плотно сжал губы, и я догадалась, что его мучает боль сожаления. Он утратил те несколько полей, что ему принадлежали, возможно, жену и детей, все планы на будущее, когда позарился на чужого барана и был пойман с поличным.

Правда, я с запозданием поняла, что, перечисляя названия мест в его родном краю, пробуждая в его памяти их картины, я проявляла скорее жестокость, нежели доброту. Миссис Макартур, если удача будет благоволить к ней, со временем вернется домой. Уильям Ханнафорд, сосланный на каторгу до конца своих дней, родных мест никогда больше не увидит.

Каково это – принять решение, которое изменит твою жизнь? Увести барана из чужого стада, зная, что с того мгновения, как ты возьмешь его за рога, ты уже не жилец на этом свете? Что им двигало:

отчаяние или безрассудная склонность к риску? Каково это – оказаться на заморской земле, стоять, избегая взгляда женщины, которая наделена властью вновь заковать тебя в кандалы, если ей будет угодно?

Я как будто задала вслух все эти вопросы, ибо Ханнафорд пустился рассказывать свою историю. Я подозревала, что он излагал ее много раз, всем, кто соглашался его выслушать. Словно надеялся, что она закончится иначе, если он будет часто ее рассказывать.

– Понимаете, миссис Макартур, мне нужен был племенной баран, – объяснял он. – Моей несчастной отаре. Я знал, как увеличить поголовье, но мне нужен был племенной баран. Всего один.

Ханнафорд удрученно хохотнул.

– У других бараны пропадали без дела, они им не были нужны. Так я думал.

Он снова глянул на меня, словно желал убедиться, что я не обратилась в мегеру, которая прикажет выпороть его за то, что он позволил себе такие вольности. И понял, что я не такая.

– Меня отец научил, – продолжал Ханнафорд. – Какой нужен баран. На ярмарке в Кроли я присмотрел отменного барана. От моего дома это было далеко, и у меня имелась повозка, а в задке я приспособил потайное место, чтобы барана никто не увидел на дороге. Для соседей я сочинил историю, печальную историю о том, как задешево купил барана у одного фермера, у которого умерла жена. О, я все продумал. Миссис Макартур, у вас когда-нибудь бывало так, что в своем воображении вы видите что-то абсолютно четко и ясно и начинаете верить, будто имеете на это право?

Это был риторический вопрос, на который он не ждал ответа, но мне было знакомо то, о чем он говорил. Тогда, у изгороди, на короткое мгновение я сочла себя вправе сделать то, на что права не имела.

– Какой же я дурак?! – с тихим удивлением в голосе произнес Ханнафорд.

Сколько бы он ни рассказывал эту свою историю, она до сих пор вызывала у него недоумение.

– Но мне повезло, повезло больше, чем того заслуживает дурак, – продолжал Ханнафорд. – Я украл животное, принадлежавшее генералу Уотсону, а тот оказался великодушным человеком. Он пришел к судье, сказал, что простил меня и не допустит, чтобы человека повесили из-за одной глупой жалкой ошибки.

Чтобы человека повесили. Рассказ Ханнафорда заставил меня взглянуть на Новый Южный Уэльс в ином свете. Уильяма Ханнафорда должны были казнить, а он жив. Но только здесь. Добродетельная Англия не желала, чтобы на ее целомудренном теле гнила такая язва, как овцекрад, и, если бы не появилась возможность выслать Ханнафорда из страны, просьбы генерала Уотсона не были бы услышаны. Новый Южный Уэльс был тюрьмой, из которой Ханнафорд никогда не вернется на родину. Но сама удаленность этого места, его неизведанная необычность, даже неутешительные перспективы, что оно сулило, могли обернуться не стеной, а дверью, открывающей перед Ханнафордом некое будущее.

Он сделал мне предложение

Спустя несколько месяцев после нашего прибытия в Новый Южный Уэльс Энн как-то днем подошла ко мне с опечаленным видом.

– Энн, почему ты не в настроении? – осведомилась я, полагая, что сейчас она пожалуется на Салливана, скажет, что ей неприятно работать рядом с ним. Я замечала, что он поглядывает на нее с вожделением, ухмыляясь полубеззубым ртом. Если он ее донимает, я с готовностью отошлю его на каторжные работы. Я надеялась, что именно об этом Энн хотела меня попросить.

– Я очень сожалею, мэм, – сказала она.

– Сожалеешь? О чем, Энн? Ты несчастна?

– Нет, что вы, мэм. Мне жаль покидать вас, оставляя в тяжелом положении.

Теперь она покраснела.

– Понимаете, он сделал мне предложение, – объяснила девушка. – Рядовой Эннис. И я ответила согласием.

Мы с Энн вместе многое пережили, и я привыкла полагаться на нее. Она была единственной надежной ниточкой среди множества тех, на кого нельзя опереться. К тому же, как и обещала миссис Кингдон, Энн стала для меня частичкой дома в этом чуждом краю. На секунду выдержка оставила меня. Вы только представьте, стойкая миссис Макартур рыдает, умоляет: «Не бросай меня!».

– Энн, я очень рада за тебя, – заверила я служанку. – А ты у нас, оказывается, темная лошадка! Я ведь ничего не замечала!

Но я знала: не замечала я потому, что не присматривалась. Подобно своему супругу, я не видела дальше собственного носа, признавая только «я», «мне», «мое». Сейчас Энн не бросала меня. Она просто использовала шанс, что подкинула ей судьба: дошла до поворота и не побоялась свернуть. Энн служила мне ровно два года: я уехала из Бриджрула в октябре, а теперь снова октябрь. Я смотрела на нее и видела то, что прежде не удосуживалась замечать: из неуклюжей девочки она превратилась в молодую женщину, в рыжеволосую веснушчатую красавицу, наделенную спокойствием и жизнерадостностью человека, который много что умеет. Рядовой Эннис, добросердечный парень, выбрал себе прекрасную жену.

– Милая Энн, я очень, очень рада за тебя, – повторила я.

Мы обнялись, так же, как когда-то в прошлом, но, когда разжали объятия и Энн посмотрела на меня, я догадалась: она понимает, что скрывается за моей радостью.

– Я очень сожалею, мэм, – снова сказала она и замешкалась.

Энн, я видела, пыталась подобрать слова, чтобы дать мне понять: она знает, что я несчастна в браке и хотела бы выразить сочувствие. Но какие уж тут слова, сочувствуй не сочувствуй! Все, что она могла – это взять мою руку и на мгновение сжать ее в своих ладонях.

С уходом Энн я оказалась в затруднительном положении, понятия не имела, как найти новую служанку, которую я хотела бы иметь подле себя. Мне претила сама мысль, что я должна буду вверить Эдварда заботам грубой каторжницы.

Мэри Джонсон всегда была в курсе того, что происходит в нашем маленьком мирке. Не прошло и часа после моего разговора с Энн, как она прислала весточку с просьбой зайти к ней. Она провела меня в дом. В передней комнате ее супруг сочинял проповедь, в муках творчества горбясь над столом, на котором перед ним лежала его Библия. Мы прошли в другую комнату, где чадил огонь в очаге; там сидела и шила какая-то женщина – судя по одежде, каторжанка. При моем появлении она привстала, прижимая к себе шитье.

– Агнес, ты почти закончила? – спросила миссис Джонсон. – Поторопись, закончи поскорей.

– Слушаюсь, миссис Джонсон, – ответила женщина, не поднимая на нас глаза. Она снова села и продолжала шить.

Агнес была не первой молодости, тощая, с серым лицом, – словом, не красавица. И это сослужило ей добрую службу, ибо Мэри Джонсон ни за что не доверила бы заботу о своем муже и ребенке симпатичной каторжанке, не допустила бы такую в свой дом. При всей своей набожности она была женщиной проницательной.

– Во время путешествия ее настигло ужасное несчастье, – сообщила мне миссис Джонсон шепотом, который был слышен во всех углах комнаты. – В дороге у нее умер ребенок.

Я старалась не смотреть на эту женщину. Та низко склонилась над шитьем, будто хотела раствориться в нем.

– Я сказала ей, – продолжала миссис Джонсон, – и вы, миссис Макартур, уверена, со мной согласитесь, что ее младенца прибрал к себе Господь, а потому она должна не скорбеть о своем малыше, а радоваться, что он умер раньше, чем она.

Агнес издала некий странный звук – охнула то ли в знак протеста, то ли от ужаса. На ее лице застыло неизбывное горе, так что хотелось опустить глаза, будто я вторглась в чужую душу. Я ведь тоже знала, что значит потерять ребенка на каторжном судне. Но я не разделяла убежденности миссис Джонсон в том, что утрата ребенка – это благо.

– Миссис Макартур, я вполне могла бы обойтись без Агнес, – сказала Мэри. – Вместо нее готова взять одну достойную женщину, которая есть у меня на примете. Если она вам подойдет.

Я уже предвидела, как мне придется вечно рассыпаться в теплых благодарностях перед Мэри Джонсон за услуги этой женщины. Но это решало мою проблему.

Тем более что она сама предложила.

– Мистер Джонсон навел о ней справки, – добавила Мэри, – она вполне удовлетворяет требованиям. Воровка, конечно, но не из самых опасных. И она чистоплотная.

Агнес не поднимала головы.

– Значит, я пришлю ее к вам в субботу, – подытожила миссис Джонсон. – После обеда, это удобно, миссис Макартур?

Миссис Браун

В облике и характере Агнес Браун чувствовалась некая солидность, и у меня язык не поворачивался называть ее Агнес. Так что я всегда называла ее «миссис Браун», хотя удостаивать каторжанку такой учтивости, как «миссис», было по меньшей мере странно. А миссис ли она вообще? Да и Браун ли? Возможно, не миссис и не Браун. Впрочем, какая разница.

Рот она без дела не открывала, но в ее речи, как и в речи Ханнафорда, прослеживался выговор обитателей западной части Англии. Улыбалась она редко, машинально исполняя свои обязанности, словно здесь присутствовала только ее внешняя оболочка, а внутреннее «я» находилось где-то далеко. С лица ее не сходило безучастное выражение. Должно быть, после смерти ребенка что-то другое заняло его место в душе Агнес Браун. Утрата ребенка, преступление, из-за которого она оказалась здесь, каторга – все это выхолостило ее. Теперь жизнь текла и плескалась вокруг этой женщины, как вода.

В другом мире нас с миссис Браун не связывали бы отношения госпожи и служанки; она считалась бы мне ровней. К развязным падшим женщинам она явно не относилась. Мне было любопытно, из-за какого же преступления она оказалась здесь, и я легко могла бы это выяснить. Не выясняю, твердила я себе, лишь потому, что для меня это неважно. На самом деле мне было неловко оттого, что в моей власти выведать у миссис Браун ее историю, а она сама не вправе потребовать от меня ответной откровенности.

Через несколько недель после того, как она стала служить у нас, я неожиданно застала ее с открытой книгой в руке. Это был томик Горация, принадлежавший мистеру Макатуру. Обычно он лежал на каминной полке – но больше напоказ, муж редко его читал. Миссис Браун поспешила положить книгу на место.

– Простите, миссис Макатур, – извинилась она. – Просто я очень давно в книгу не заглядывала. Но вижу, она написана не по-английски. Ради бога, простите, миссис Макатур.

Ее волнение можно было расценить как смятение бесхитростной натуры или, напротив, как доказательство вины. Я поинтересовалась, умеет ли она читать. Получив утвердительный ответ, я взяла одну из своих книг, открыла ее наугад и попросила:

– Миссис Браун, прочтите, пожалуйста, пару предложений.

– «В философии, где правда кажется двуликой, нет человека более парадоксального, чем я»^[12], – прочитала она. Да, читать миссис Браун умела. Мне стало стыдно.

Тоскующая птица

За пределы поселения – ни шагу, наказывал мистер Макартур, но мне надоело наматывать скучные круги по истоптанной земле между сырыми хижинами. После ухода Энн я позволила себе пересмотреть пределы поселения. Во время моих ежедневных прогулок меня теперь сопровождали миссис Браун и Ханнафорд, поскольку мистер Макартур решил, что в вооруженном охраннике больше нет необходимости. Никто из них двоих не знал границ, обозначенных моим мужем.

На горном кряже с западной стороны долины обосновались каторжане – кто в хижинах и лачугах, кто в пещерах, коими был издырявлен крутой каменистый склон. Между этими импровизированными жилищами пролегла путаная сеть крутых тропок. У самой вершины находилось последнее обиталище – пещера с занавешенным парусиной входом. Там мы с Энн обычно разворачивались и тем же путем возвращались. На первой же прогулке с миссис Браун и Ханнафордом, когда мы дошли до этой последней пещеры, я, не разворачиваясь, продолжала идти вперед, как будто это был наш обычный маршрут. Каторжанка, что жила там, откинула парусиновый полог, глядя нам вслед.

– Миссис Макартур, – окликнул меня Ханнафорд. Я обернулась. А-а, значит, он в курсе, догадалась я. Должно быть, Салливан его просветил. А на лице миссис Браун, прежде чем она спрятала его за капором, не промелькнуло ли удивление, вызванное тем, что миссис Макартур вышла за пределы дозволенного пространства?

– Слушаю тебя, Ханнафорд, – отозвалась я. Он замешкался.

– Прошу прощения, миссис Макартур, – извинился Ханнафорд. – Это я так. Пустяки.

Я повернулась и продолжала путь по тропе с невинным выражением лица, будто мне и в голову не приходило, что я ослушалась мужа.

Мы поднялись на вершину кряжа, представлявшую собой широкую каменную платформу. За спинами у нас раскинулась внизу поврежденная человеком долина. С этой высоты открывалась широкая панорама на много миль окрест; из поселения такого никогда не увидишь. На востоке за тропой, ведущей к океану, тянулись, словно огромные пальцы, поросшие лесом участки земли. На западе лежали неизведанные полуострова, острова, холмы и долины. Кое-где виднелся дым костров – свидетельство присутствия других людей, для которых эта земля была родиной, а не тюрьмой. В Девоне никогда не бывало такого солнца, как здесь. Оно косыми лучами пронизывало деревья, отбрасывавшие тени на крутой склон. В Девоне никогда не бывало такого вольного воздуха, трепавшего кустарники и вынуждавшего чаек с криком описывать круги.

– О! – охнула миссис Браун. – Подумать только! Это же...

Она и не пыталась закончить свою мысль. Сомневаюсь, что в английском языке есть слово, которое могло бы описать такую красоту.

От огромной открытой платформы, на которой мы стояли, земля уходила к воде, между камнями и деревьями вилась узенькая тропа. Где-то там находилась обсерватория – место обитания астронома мистера Доуза.

У меня не было желания спускаться по той тропе, и я села на камень удобной высоты с выемкой, идеально повторявшей форму человеческого зада. Миссис Браун тоже нашла для себя место, а Ханнафорд усадил Эдварда, и вдвоем они принялись играть в какую-то свою игру с ветками и листьями.

Здесь, я знала, как нигде в поселении, между мной и родиной нет никакой вещественной преграды – только воздух. Англия находилась там, на северо-северо-западе. За пределами этого неисследованного континента, за океаном, что мы пересекли, над Девоном, должно быть, светили те же солнце и луна, что озаряли нас и здесь, как выражался мистер Макартур, с той лишь разницей, что сейчас там ударили первые морозы, инеем посеребрившие траву, а здесь теплые деньки предвещали в скором времени жаркую погоду.

Будь я птицей, как одна из тех чаек, я воспарила бы в поднебесье, пролетела бы над той девственной землей, над бушующими океанами и наконец опустилась бы на ворота дедушкиной фермы, на которых в детстве я оставляла комки грязи, счищенной с башмаков. Подобно

мусульманину, обращающему лицо к Мекке, я повернулась в сторону родного края, который хранил все мои добрые воспоминания о прошлом и надежды на будущее. Под шорох чужеземных листьев и крики чужеземных чаек я заставляла себя вспоминать ласковый ветерок Девона, шелест листвы дубов и берез, щебет и трели боязливых птиц, прячущихся в живой изгороди.

Меня не покидало суеверное чувство, что, если я снова и снова буду во всех подробностях вспоминать родные края – изгибы дороги у фермы Бондов, журчание тихой серебристой реки, что протекала через луга в низине у Лоджуорси, запах плодородной девонской земли на пашне, – то в награду я когда-нибудь опять туда вернусь. А если стану пренебрегать теми воспоминаниями, позволю им потускнеть, в наказание я никогда больше не увижу то, что мило моему сердцу.

Я словно заново формулировала идею молитвы, утешения и потребности в нем.

Очнувшись от своих мыслей, я испытала потрясение, будто меня окатили холодной водой. Я же сейчас здесь, в Новом Южном Уэльсе, сижу на холодном камне, который, оказывается, все же не был сотворен для удобства людей.

В стенах дома, казалось мне, невозможно завести беседу с миссис Браун, но здесь, повинувшись порыву, я повернулась к ней с намерением поговорить как женщина с женщиной. Свой капор она сняла, держала его в руках, и ветер лохматил ей волосы. Она стояла, любуясь открывавшимся ее взору великолепием. Черты ее смягчились, на губах появилось нечто вроде улыбки. Такого выражения у нее на лице я еще не видела. Здесь, в этом ветреном месте, она совершенно не была похожа на ту съезжившуюся женщину, какую я привыкла видеть дома.

– Чудесная перспектива... Красота..., – с запинкой произнесла я, испытывая неловкость. – Здесь и дышится по-другому.

– О, да, – согласилась она, затем, опомнившись, добавила: – Миссис Макартур.

Миссис Браун снова надела капор, убрала под него выбившиеся пряди. Я осознала, что моя реплика, возможно, прозвучала как упрек в бездельничанье. Она морщила лоб в вечной тревоге, как это свойственно человеку, который знает, что он не вправе распоряжаться

собственным временем. Так было и со мной много лет назад, когда я жила в доме священника, с болью вспомнила я.

Мне хотелось объясниться, изменить наш разговор, придать ему другой характер.

– Мы находимся далеко от дома, миссис Браун. Обе. И вы, и я.

Сказав это, я сообразила, что мою фразу можно расценить как прелюдию к вопросу о том, из-за какого преступления она оказалась здесь, за тридевять земель от дома. У меня не было желания принуждать ее идти по этому пути, и я поспешила продолжить:

– Я выросла близ реки Теймар, и в детстве, если отцу случалось куда-то поехать, не дальше Эксетера, думала, что он отправился чуть ли не в кругосветное путешествие.

Видя, что не развеяла ее подозрений, я повторила попытку.

– Он был фермером. Умер, когда я была совсем малышкой.

– О, – выдохнула миссис Браун. – Миссис Макартур, позвольте спросить, а где находилась ваша ферма? Мой отец тоже был фермером, мелким, конечно. Он тоже умер, как и ваш. Мы жили в двух милях от Витстона.

– Витстон! – воскликнула я. – Я ездила туда с дедушкой. Он прикупил там свинью. Мы жили в Бриджруле, не так далеко.

Мы обе умолкли. Вероятно, она, как и я подумала, что мы, девочки в фартучках, возможно, сталкивались на улицах Витстона.

Должно быть, после кончины отца она была брошена на произвол судьбы. Та же участь со смертью моего отца могла бы постигнуть и меня. Мне просто повезло, что у меня был любящий дедушка, который позаботился обо мне, что у меня была подруга, дочь священника, а этот священник оказался настолько великодушен, что устроил мой брак после того, как я согрешила в ночь накануне дня летнего солнцестояния. Видимо, у миссис Браун таких покровителей не было, и после нескольких жестоких ударов злосчастной судьбы она оказалась арестанткой и была сослана за моря-океаны.

Незаданный вопрос витал в воздухе между нами.

– Миссис Макартур, я не воровка, – промолвила она.

Потом нахмурилась.

– Нет, воровка. То есть была...

Она помедлила.

– Да, я совершила кражу, – наконец призналась миссис Браун.

Говорила она как человек, который во мраке бессонных ночей снова и снова признавал свою вину, надеясь, что от повторения рана в душе зарубцуется.

– Я совершила кражу, значит, я воровка.

Она была неумолима, как судья.

– Но здесь я воровством не занимаюсь, – заверила она меня. – Клянусь вам, миссис Макартур.

От волнения у нее участилось дыхание, и я поняла, что она сдерживает слезы. Мне хотелось прикоснуться к ней, но я не решалась.

– Миссис Браун, скажем так: когда-то вы были воровкой, – сказала я. – Но теперь вы просто женщина на далеком берегу, где Рождество наступает летом, а также могут происходить другие неожиданности.

Пытаясь ее успокоить, я говорила непринужденным тоном, но меня саму удивили собственные слова, вырвавшиеся из самой глубины моего существа, где, должно быть, жила надежда. Я запретила себе думать о той шокирующей глупости, что привела меня сюда – о ночи костров, о темноте, давшей толчок всему остальному. Я ужала свои мысли до настоящего мгновения, проживала свою жизнь поминутно, – чтобы не видеть ее общей картины. И все же с губ само собой слетело «могут происходить другие неожиданности».

Миссис Браун услышала в моих словах трепет чего-то более значимого и встретила мой взгляд. Какое-то время мы, две женщины, просто стояли посреди огромного пространства, по которому гулял чистый ветер, и смотрели друг на друга, думая о том, что невозможно было облечь в слова.

В ту первую весну у нас вошло в обычай во время прогулок подниматься на широкую каменную площадку на вершине кряжа, взиравшую на небо, как открытый глаз. Как-то получилось, что не возникало необходимости объяснять мистеру Макартуру, куда именно его жена вместе с сыном и прислугой ежедневно направляют свои стопы, когда покидают дом после обеда.

Под контролем отца

Эдварду, как и мне, наши прогулки доставляли огромное удовольствие: Ханнафорд знал, какие игры увлекут полуторагодовалого мальчика. Особенно ему нравилось сидеть на плечах у Ханнафорда, пока мы шли. И как же заливисто он хохотал, когда на вершине Ханнафорд приподнимал его, раскачивал за руки и ставил на землю.

Дома Эдвард страдал под контролем отца. Мистер Макартур не признавал снисходительности. При нем нельзя было выказывать слабость и жаловаться. «Не смей!» – только и слышал Эдвард от отца, стоило ему захныкать, если он падал или хотел, чтобы его взяли на руки. «Не смей, мой мальчик!». Хлесткие резкие слова, как удар хлыста.

Тем не менее сына он любил, по-своему. Придумал для него уменьшительно-ласкательное имя – Нед. И, когда смотрел на спящего малыша, лицо его дышало печальной нежностью. В другое время такое выражение на нем никогда не появлялось.

Да, это была нежность, ведь мистер Макартур не был чудовищем. Как и для всякого живого существа, любовь к детям была для него неотъемлема, как дыхание. Это была печальная нежность, потому что в раннем детстве его отправили прочь из дома, и он так и не узнал, что отец может быть строгим, когда это необходимо, и в то же время ласковым.

Меня и саму удивляло, что я испытываю умиление, почти жалость к этому очерствелому человеку, когда наблюдаю, как он склоняется над детской кроваткой.

Лучше брата не найти

Спустя три года после высадки капитана Филлипа и его матросов, в силу обстоятельств ставших колонистами, на побережье Нового Южного Уэльса на всех его бескрайних просторах было всего два крошечных британских поселения. Одно – в Сиднейской бухте; второе – носившее местное название Парраматта – на удалении пятнадцати миль вглубь суши. Почва там была более плодородная, и эта территория стала районом, так сказать, сельского хозяйства. Заключение туда послали возделывать землю, а к ним, разумеется,

приставили солдат, для которых соорудили казармы. Для губернатора построили второй дом, составили план прокладки улиц.

Нам повезло, что капитана Непина на время отправили в Паррамагту управлять поселением. Первые недели пребывания в Сиднее мы с ним нередко сталкивались, и это были неловкие встречи, так что мы вздохнули с облегчением, когда его отослали за пятнадцать миль от нас. За пятнадцать миль от меня и, что более важно, от мистера Макартура. Я прекрасно помнила, что мой муж исписал гору бумаги на «Нептуне», собирая компромат на Непина, но надеялась, что сам мистер Макартур забыл про свои записи.

Как же он ликовал, узнав, что Непина откомандировали в Паррамагту. Мистер Макартур тоже подлежал командированию в этот район в порядке очередности, но он заявил, что нужен своей семье в Сиднее, и потому его пребывание в Паррамагте было недолгим. Среди офицеров считалось позором нести службу в глубинном поселении, которое называли провинцией провинции. Там прозябали люди, лишенные честолюбия и всякого желания чего-то добиться в жизни. В общем, это был тот же Гибралтар, только в другом полушарии.

Но как-то вечером той весной мой муж ворвался в комнату, где я сидела у камина, в котором пылал небольшой огонь, разожженный больше для уюта, чем для тепла. Едва войдя в дверь, он тут же стал изливать свой яростный гнев. Голова и плечи его были напряжены и как-то странно перекошены, словно он силился устоять на ногах под ураганным ветром.

– Теперь этот мерзавец клеветает на меня! – воскликнул мистер Макартур. – Вернулся в Сидней и распускает слух, что якобы я шпионил за ним и Трейлом – в буквальном смысле стоял под дверью и подслушивал, как какой-то там коридорный!

Он порылся в бумагах, что лежали на столе в углу, и со стопкой в руках повернулся ко мне.

– Вот, смотрите! Смотрите, видите?! У меня здесь все записано, каждое лживое слово!

Записи, сделанные на «Нептуне», не были позабыты, как я надеялась. О, почему я их не сожгла? Упущенный шанс второй раз не представится. Десять месяцев миновало с тех событий на борту корабля, однако огонь ненависти, раздутый каким-то смутьяном,

который передал мужу порочащие слова Непина, запыхал с новой силой.

– Но, сэр, – заметила я, – те события давно в прошлом. Страница перевернута. С тех пор много воды утекло. Чего ради ворошить старое, то, что ушло и похоронено?

Я разными словами говорила одно и то же, надеясь повторением избитых выражений утихомирить гнев мужа.

– Чего ради? Вы спрашиваете, чего ради?

Своим испепеляющим взглядом он мог бы прожечь кирпич.

– Да уж конечно, дорогая, чего ради?! Всего лишь ради защиты моего доброго имени. Моей чести. Всего лишь ради такой вот ерунды, дорогая моя жена!

Мистера Макартура я никогда не боялась, но сейчас его свирепый тон отбил у меня всякую охоту отвечать.

– Он должен предстать перед судом, – заорал мой муж. – Пусть Его Величество узнает, что он тратит деньги на лживого пса!

Мистер Макартур потрясал передо мной своими записями.

– Вот, смотрите, все это здесь! Все, что он говорил, что делал! Неопровержимые доказательства!

Он сунул мне под нос один листок. Я успела прочесть лишь пару слов: «чудовищные и неспровоцированные». В следующую секунду он отдернул руку и сунул другой листок.

– Вот! Смотрите, что он сказал мне, и смотрите, что я ответил, вот здесь! Слово в слово! Записано прямо тогда! Вы, дорогая, подтвердите, что я это прямо тогда зафиксировал. Вы же помните! Поклянетесь на суде, если вас спросят!

Я на миг оцепенела. Промолвила:

– Подтвердить на суде? – Потом: – Мистер Макартур, но меня ведь там не было, я ничего не видела.

Неверный ход.

– Значит, вы встанете на его сторону! Моя собственная жена предает меня!

– Нет, я вас не предаю!

Однако не велика радость пытаться отрицать то, что я никогда не говорила.

– На суде, – произнесла я. – А состав суда будет сформирован... из здешних офицеров?

– Нет! Нет!

Мистер Макартур заулыбался, просто весь засветился ликованием.

– Не из здешних, моя дорогая. Судить Непина здесь не имеет смысла. Никто из этих слабаков не признает его виновным, даже при самых бесспорных доказательствах.

Он уже успокоился: четко увидел перед собой путь и в конце него – цель, к которой стремился.

– Суд надо проводить не здесь. Только в Англии.

Проехать половину земного шара, вытерпеть столько мучений, чтобы почти сразу же отправиться назад? И ради чего? Мистера Макартура засмеют, заставив отказаться от суда. А потом куда? Куда мы все подадимся, когда все его перспективы пойдут прахом?

Не теряй головы, напомнила я себе. Спокойней.

– Мистер Макартур, – обратилась я к мужу, ровным, хладнокровным тоном, – а вы не забыли, что брат мистера Непина способен уничтожить вас одним росчерком пера?

Он промолчал. Ага, попала в точку.

– Кроме того, – продолжала я, – возможно, Непин тоже изложил происшедшее в письменном виде. Он может тоже привести свидетеля. Мистера Трейла, например.

Отлично, мысленно похвалила я себя и глубоко вздохнула, намереваясь выдвинуть свой следующий довод, но мистер Макартур меня опередил.

– Лжец, будь он проклят, – заорал мой муж. – И доказательства его лживые! Я буду самым последним трусом, если оставлю их происки без ответа!

Его слова звонким эхом прокатились по комнате. Побагровев, он ударил кулаком в ладонь другой руки и забегал от камина к столу, от стола к камину. Салливан и Ханнафорд отдыхали под навесом с задней стороны дома, миссис Браун – на тюфяке в кухне. Я представила, как они прислушиваются к нашему разговору. Возможно, посмеиваются. С Салливана станется. Позже он, наверное, будет в лицах изображать, как гневался лейтенант Макартур.

Вечер выдался шумным. Скандал вырвался за пределы комнаты, где громогласные угрозы мужа могла слышать только жена. В

звнящей тишине, возникшей после криков, казалось, что ситуация становится необратимой.

Не из хитрости, а от отчаяния я в ответ на его ярость дала выход своему негодованию. Произнесла с беспощадным сарказмом:

– Золотые слова, мистер Макартур! Вы абсолютно правы!

Как же приятно уступить, поддаться неистовству, затмевающему разум.

– Естественно, человек чести не может поступить иначе!

Я тоже перешла на крик. Пусть слышат! Раз мы так рьяно взялись губить себя, хуже теперь не будет.

Муж метнул в меня злобный взгляд, и я подумала, что сейчас он набросится на меня с кулаками. И в своем бесшабашном иступлении почти желала этого. Лучше уж побои, чем это бессмысленное словоблудие. Но мистер Макартур не распознал насмешки в моих словах. Затих, глядя на огонь. Сидя в кресле, подался вперед всем телом, переставил ногу, поджал губы.

Атмосфера в комнате изменилась. Ответив на его буйство столь же необузданной невоздержанностью, я случайно нашла способ приостановить его опрометчивый порыв.

Перехитри, выжди, обрати его коварство против него самого.

– И откладывать не надо, мистер Макартур, – сказала я. – Прямо завтра же утром идите к губернатору.

Муж заморгал от неожиданности. Еще бы! Как тут не удивиться!

– Правда, он дружен с братом Непина, но присущее ему чувство справедливости, разумеется, возобладает над личными симпатиями!

Мистер Макартур прочистил горло, словно собираясь что-то сказать, но вместо этого взял кочергу и принялся ворошить дрова в пылающем камине. Одно полено вспыхнуло, озаряя его лицо. Я увидела, что нижняя губа мужа выпячена: значит, он раздумывал над моими словами. Теперь уймись, велела я себе. Тишину нарушал лишь треск огня в камине, запылавшего ярче и сильнее.

Безмолвие начинала действовать мне на нервы. Я встрепелулась, будто якобы услышала зов Эдварда. Пошла к сыну. Тот крепко спал, подняв ручки к ушам. Я постояла у его кровати, наблюдая, как он спит, и прислушиваясь. Дом затаил дыхание: комнаты, слуги, жена, ребенок – все ждали.

Наконец я вернулась к мужу. Мистер Макартур грел спину у камина.

– Что ж, дорогая, пора спать, – произнес он, непринужденно и спокойно, будто десять минут назад вовсе и не орал как резанный на весь дом.

Он пошел из комнаты. Следуя за мужем, я бросила взгляд на стол. Бумаги с записями, в которых он перечислял провокационные подробности всего, что имело место на «Нептуне», были собраны в стопку и придавлены книгой. Не убраны, не спрятаны, но отложены в сторону.

Дневник леди

Капитан Тенч был не единственным офицером, который планировал опубликовать очерки о своем пребывании в колонии. Капитан Коллинз и мистер Уайт тоже вели дневники, хотя, зная этих джентльменов, я полагала, что опусы Тенча окажутся наиболее занимательными. Но своим примером они навели мистера Макаркура на мысль, что я тоже должна сочинить нечто подобное. Он имел в виду повествование под названием «Записки о путешествии дамы в Новый Южный Уэльс в 1790 году, составленные супругой Джона Макаркура», как-то так. Он воображал, я видела, как влиятельные мужи в Уайтхолле читают мое сочинение, восклицая: «О, этот молодой Джон Макаркур – образец для подражания. И какая у него талантливая жена! Какой у нее изящный слог. Немедленно повесить его до капитана!».

Разумеется, это будут не оригинальные путевые заметки, поскольку их составят спустя долгое время после описанных событий. Наш вояж начался в ноябре 1789 года, год назад. Но мистер Макаркур не усматривал в том препятствия: он велел нашпиговать заметки датами, чтобы придать им видимость достоверности.

– Моя дорогая жена, – заявил он, – кто станет проверять, тринадцатого или четырнадцатого числа вы сели на борт «Нептуна»?

Я плохо представляла себя в роли писателя и не имела ни малейшего желания переживать то ужасное путешествие вновь. Я пыталась отговориться от этой затеи, ссылаясь на то, что в пути мне нездоровилось и т. д. и т. п., что у меня остались лишь смутные

воспоминания о том, как мне было плохо. Тогда он принес свои записи, ту маленькую связанную стопку, и дал мне в качестве *aide-mémoire*.^[13]

– Дорогая моя, – беспечным тоном произнес мой муж, – поверьте, я не позволю вам увильнуть от выполнения этой задачи!

Теперь мне стал понятен его истинный мотив. Он не забыл про свой план наказать Непина. «Записки» миссис Макартур явятся официальным документом, подтверждающим, что он стал жертвой несправедливости. Составленные не им самим, они будут претендовать на объективность. Мистер Макартур затеял игру «вдолгую», как раз такую, какая ему больше всего нравилась.

Я видела, что он бульдожьей хваткой вцепился в идею путевого дневника и не отстанет от меня, пока я не уступлю. Мой отказ только подхлестнет его: он лишь глубже вонзит клыки. Выход был один: сделать повествование «Путевые заметки дамы» настолько пресным, чтобы бульдог принялся искать что-то более аппетитное.

Первые страницы, как я того и хотела, навевали тоску. Кому любопытно читать о том, что мы наняли судно в Биллингсгейте или что корабль стоял в Лонгриче? Или что, выражая восхищение Дуврскими скалами, я не сумела подобрать для них более оригинальных выражений, нежели «грозные и романтические»? Во всех нудных подробностях я описывала беленые голландские домики на мысе Доброй Надежды и величественную Столовую гору^[14], а также не забыла упомянуть, сколько я заплатила за капусту в заливе Фолс-Бэй.

Но, даже вознамерившись сделать свой рассказ скучным, я не могла лишиться наше путешествие увлекательности. Дуэль, заколоченный проход на борту корабля, пересадка с одного судна на другое посреди Атлантического океана – все это должно было составить часть повествования. Пару раз я ловила себя на том, что пишу с юмором, иронично. При описании свирепого шторма в Бискайском заливе я скромно указала, что «начала трусить». На самом деле я забила в угол каюты и скулила, как перепуганный насмерть зверек.

О противостоянии мистера Макартура с капитаном Непином и мистером Трейлом я написала в самых общих выражениях. Дала ясно

понять внимательному читателю, что я не присутствовала при инцидентах, когда ударили солдата, оскорбили сержанта или выяснили, что солдат кормят впроголодь. Только со слов мистера Макартура мне известно, по какой причине заколотили наш проход на палубу, и я никогда не узнаю правду о том, как капитана Непина убедили спровадить нас на «Скарборо».

То, что произошло между теми тремя несговорчивыми мужчинами, письменно не зафиксировано и должно остаться тайной. Наверняка я знаю лишь одно: та жуткая ситуация – если и спровоцированная не мистером Макартом, то определенно не без его участия раздутая до размеров кошмара – ему, вероятно, доставила удовлетворение. Сидевшая глубоко в нем некая пружина расслабилась, ведь теперь он мог бы сам рассказать историю о благородном человеке, который, высоко держа голову, в одиночку бросил вызов всему миру.

Описав в своих мемуарах весь начальный этап путешествия вплоть до прибытия в залив Фолс-Бэй и покупки там капусты, я показала заметки мистеру Макартуру. Он ознакомился с ними, одобрительно отозвался о моем творчестве и выразил желание оставить записки у себя, но я настояла, чтобы он их вернул, сказав, что мне еще предстоит рассказать о том, как мы добирались до Сиднейской бухты.

Теперь передо мной стояла задача сделать так, чтобы мемуары никогда не были закончены и не стали дополнением к компромату, собранному мистером Макартом. Подобно Пенелопе, ткавшей и распускавшей саван, я твердо решила не допустить, чтобы «Путевые заметки дамы» когда-либо были завершены.

Но, когда я начала рассказ о болезни мистера Макартура и утрате Джейн, слова сами полились из меня, вырываясь из некой сердцевины моего существа, которая доселе молчала. Со страниц дневника ко мне обращался мой собственный голос, голос, которого я прежде не слышала. Он говорил о чувствах, что владели мной, но я их старалась не замечать. О горе и отчаянии я, конечно, знала. А вот гнев, неистовый гнев, стал для меня откровением. Гнев на мистера Макартура, конечно. Но не только. Гнев на жестокую машину, состоящую из законов, установлений, обычаев, выработанных

поколениями, которые лишали женщину права распоряжаться своей судьбой.

Целую неделю, опасную неделю, я хранила те записи на дне своей корзины для шитья, прятала от чужих глаз это дикое существо. Дикое существо, которое я любила, которое стало для меня самой близкой подругой. Каждое утро я просыпалась с теплотой в душе при мысли, что оно ждет меня в своем тайнике.

Потом я образумилась. Первую часть заметок, приглаженную, безнадежно скучную, я сохранила, но сожгла все записи о событиях, происходивших после того, как мы миновали мыс Доброй Надежды. Пообещала себе, что проживу достаточно долго, сохраню ясность ума и свободу и однажды наконец все те воспоминания облечу в письменную форму.

И все равно, сердце болезненно сжималось, когда я рвала те заметки и бросала их в огонь. Благодаря им я поняла, как можно создать для себя подругу, если в жизни найти ее не удалось, и услышала – пожалуй, впервые – голос своего истинного «я».

Как всякая жаба и всякая муха, скучная проза имеет свое предназначение в общем устройстве мироздания. Прочитав нудную первую часть моих мемуаров, мистер Макартур о «Путевых заметках дамы» больше не спрашивал. Сохранившиеся записи, сложенные в аккуратную стопку, многие годы пролежали без дела, пока я час назад не развязала перетягивавшую их ленточку. Читая их, я оплакивала те, что исчезли навсегда, – правдивые воспоминания, которые я побоялась сберечь.

Увлекательная задача

Корабельный врач мистер Урган стал для меня библиотекой. В колонии он был единственным человеком, кто, отправляясь на другой конец света, заполнил свои сундуки не мукой, табаком и спиртным, а книгами. И, хотя над ним за это насмехались, он, живя в поселении, где, куда ни ткни, все дефицит, все равно считал, что не прогадал, и великодушно одалживал мне привезенную литературу.

– Пища для души, миссис Макартур, – говорил мистер Урган. – Тело без книг проживет, а вот дух зачахнет. Что мы и наблюдаем вокруг нас.

Для него не только книги были важнее табака и рома. Он привез с собой и пианино. Но в его убогом обиталище для громоздкого музыкального инструмента места не находилось, и потому, когда мы переселились в дом побольше, с более просторными комнатами, мистер Урган попросил, чтобы мы взяли пианино к себе на хранение. В благодарность он вызвался научить меня играть на нем.

Человек он был нервный, дерганый. Его неловкость передавалась мне, и я как-то не горела желанием ломать пальцы, сидя подле него на табурете. Но я не знала, как отказаться, чтобы его не обидеть, а вскоре стала ждать занятий, потому что, едва пальцы мистера Ургана касались клавиш, всякое напряжение уходило из него, и я тоже расслаблялась.

Я видела, что он – несчастный одинокий человек, как и я, изголодавшийся по общению. Он на все лады расхваливал мои музыкальные потуги. Честно говоря, особых способностей я не демонстрировала, но задача постижения нот была хорошим стимулом, равно как и его похвалы. Уроки нам обоим доставляли удовольствие, мы нередко смеялись над звуками, что я извлекала. Я занималась усердно, но не из стремления стать виртуозной пианисткой. Просто старательное заучивание мелодий «Менуэта» и «Боже храни короля» помогало коротать время.

Странно было слышать треньканье пианино мистера Ургана в этом варварском месте. Далеко разнестись оно не успевало; его поглощала зычная музыка жизнедеятельности, окружавшей нас: шум ветра в листве, щебет птиц, крики людей, отдававших приказание. Кроткая мелодия «Менуэта» происходила из другого мира, и то, что услаждало слух в гостиной дома в Девоне, здесь воспринималось как нелепость.

Мистери Макартуру импонировала идея, что его жена может пополнить свой арсенал достоинств еще и игрой на фортепиано, посему он поощрял наши уроки. Однако табурет, на котором мы сидели за инструментом, был довольно узок, да и игра в четыре руки создавала некую ауру интимности. Я никогда не давала мужу повода не доверять мне. Всегда вела себя осмотрительно, не проявляя явного

интереса к другим мужчинам, не стараясь быть слишком интересной для них. Я восхищалась Силией Бортвик, ее умением создать в рамках супружеской жизни свою другую жизнь с мужчиной, который не являлся ее супругом. Однако мистер Макартур был не инертный Джордж Бортвик. При малейшем подозрении на волю будет спущена свора ужасов. На уроках с мистером Урганом я начала испытывать дискомфорт, представляя, что кто-то за дверью слышит наш смех и похвалы в мой адрес. Что о нас могут подумать?

Словно видя в своем воображении такую же картину, как-то раз на очередном занятии мистер Урган без предисловий вдруг заявил мне:

– Миссис Макартур, я отказывался принимать себя таким, какой я есть. На протяжении очень долгого времени.

Я кивнула, не понимая, к чему он клонит.

– Но потом познакомился с одним человеком.

Он разразился радостным смехом.

– С мужчиной! И куда деваться?! Пришлось посмотреть правде в лицо. Признать, кто я такой на самом деле. Свои наклонности. А у него по поводу себя сомнений было; про себя он всегда это знал. По профессии он был учитель танцев. В кармане сюртука носил блокнот с ручкой, иногда записывал в нем какую-нибудь мелодию для своих учеников. А по поводу своих наклонностей никогда не переживал, и меня научил не переживать.

Мистер Урган глянул на меня, проверяя, поняла ли я. Да, поняла. На своем веку я повидала достаточно, знала, о чем он говорит.

– А потом? – непринужденным тоном любопытствовала я. – Что было потом, мистер Урган?

И тут же пожалела, что спросила. Было что-то такое в этой истории, в том, как мистер Урган рассказывал ее, что наводило на мысль: никакого «потом» не было.

– Простите мое любопытство. Не надо, не отвечайте, – сказала я.

Но он все равно ответил:

– На него напали. Где-то в Ливерпуле. Типичная история. Он погиб. Умер быстро. Мне об этом сообщил парень, что был с ним. Его сбили с ног, он упал, ударился головой о дверной порог и сразу скончался. Повезло, что долго не мучился. За это я возблагодарил бы Господа, если б был уверен, что Господь печется о таких людях, как он и я.

Мистер Урган тронул клавишу, пальцем поглаживая слоновую кость.

Я не собиралась пересказывать эту историю мистеру Макартуру, но, во избежание скандала, невзначай обронила, что во время наших занятий в комнате с нами всегда находится миссис Браун. Сообразив, на что я намекаю, мистер Макартур громко расхохотался.

– О, с этим парнем вам ничто не грозит, уж поверьте. Нашему дорогу мистеру Ургану можно доверить целый гарем!

Мистер Урган больше никогда не упоминал учителя танцев с блокнотом в кармане сюртука, но тот его приятель незримо присутствовал на наших занятиях, когда он терпеливо корректировал мое исполнение и расхваливал мои музыкальные способности. А, когда у меня закончился цейлонский чай, а купить его было негде, принес мне листья какого-то растения, который называл душистый чай. В общем, в этом краю, где не находилось места любви, у меня с мистером Урганом сложились на редкость крепкие дружеские отношения.

Дом с пианино

Все офицеры в Сиднее были худые, ходили в изношенной форме, но выглядели довольными, глаза у всех блестели, как свидетельство удовлетворенных appetitов. Они находились на привилегированном положении и, по негласному закону, имели право выбирать себе для плотских утех любых женщин из числа каторжанок. Не раз мне случалось видеть, как мужчина в офицерской форме прижимает к дереву женщину с задранной юбкой. Равно как неограниченное количество слуг из числа осужденных, так и неограниченное количество женщин, которым не позволялось отказывать офицерам, было своеобразной компенсацией за службу в столь гиблом месте.

Но, видимо, офицеры тосковали и по более степенным развлечениям, и, как только мы переселились в жилище попросторнее и поставили в одной из комнат пианино, дом Макартуров стал для них своего рода клубом. Мистер Урган всегда приходил, обычно в

сопровождении капитана Тенча и лейтенанта Пулдена, а также с полдюжины других офицеров в свободное от службы время. Иногда навещался капитан Коллинз. От случая к случаю визит вежливости наносил губернатор, но, не желая смущать офицеров своим присутствием, он не слишком часто составлял им компанию.

Возможно, их притягивал уют домашнего очага: мать с маленьким сыном, который бегает среди гостей, чашки и серебряный чайник, песни. Может, что-то еще. Всем была известна история капитана Гилберта, чья карьера была загублена из-за стычки с Макартуром: больше ему не суждено командовать судном более крупным, нежели гребная лодка. И история капитана Трейла: его командиры то и дело получали письма, в которых очернялось его имя. Все знали, что с Джоном Макартом лучше не ссориться.

Каковы бы ни были причины, меня радовало, что собрания офицеров в нашем доме стали доброй традицией, и я охотно исполняла роль хозяйки, стараясь не думать о том, что эти самые мужчины проявляют животные инстинкты, чему я бывала свидетельницей.

Своим гостям я не всегда могла предложить цейлонский чай или бокал мадеры, но угрозы голода уже не существовало. Из Англии наконец прибыли два правительственных транспортных судна с продовольствием, да и частные корабли нет-нет да и заплывали в Сиднейскую бухту, доставляя товары на продажу тем, у кого имелись деньги покупать их по бешеным ценам. В любом случае, офицеры вроде бы не возражали, когда за неимением цейлонского чая им приходилось довольствоваться местным. Урган играл на пианино разные мелодии по просьбам гостей. В общем, в ту первую весну чаепитие с музыкой в послеобеденные часы было довольно типичной картиной в нашем доме. Бывало, офицеров приходило так много, что я посылала Салливана за стульями к соседям, а один раз – это был знаменательный случай – даже чашек не хватило, так что гости были вынуждены пить чай по очереди.

Кто-то – кажется, капитан Тенч – ввел традицию произносить тосты, поднимая чашки с чаем. Первый тост, разумеется, предлагался «За Его Величество короля». Второй – «За наше возвращение» или «За родину». В тишине, когда мы осушали наши чашки, думаю, что каждый в той комнате представлял себе свою собственную «родину».

Глядя на подернутые блеском глаза гостей, я знала, что у меня тоже сверкают слезы.

Мне воображение рисовало аккуратненький фермерский дом, примостившийся на окраине долины где-нибудь в Девоне. На зеленых пастбищах щиплют траву упитанные овцы, через поля извивается серебристая лента узкой речки, в которой неумолчно журчит вода. Вот и Эдвард, и я сама, в меру пополневшая, в полосатом переднике с карманами, набитыми колышками. А вот мистера Макартура почему-то на этой картине нигде нет. Я силилась представить ее более отчетливо, но видение расплывалось как призрачная греза.

Мистер Макартур приветствовал послеполуденные чаепития в нашем доме. Меня это удивляло, пока я не поняла, что для него они важны не с точки зрения светского общения, а для выработки стратегии, которая поможет ему добиться намеченной цели. На этих собраниях он изучал характеры своих сослуживцев, определял их слабые и сильные стороны, чтобы знать, как манипулировать людьми, которые его окружают. Когда настанет час, он использует свои наблюдения к собственной выгоде.

С некоторыми из наивных юнцов вопрос решался просто: мой муж вызывался избавить их от временных финансовых затруднений.

– Дружище, – говорил мистер Макартур, – как товарищ и брат-масон заявляю совершенно искренне: никто не будет настаивать на немедленном возврате долга – отдадите, когда сможете!

А после уж дергал беднягу за ниточки, когда ему было угодно.

Другие офицеры были падки на лесть: сколько их ни нахваливай, им все мало, замечал мистер Макартур. Кто-то не выносил одиночества, готов был участвовать в любой пакости, помогать плести любые интриги, лишь бы оказаться в приятной компании.

Что до капитана Тенча, чтобы завоевать его расположение, нужно было потешить его писательское самолюбие. Он обожал сплетни, всякие диковинные курьезы, гротескные подробности. Развлекая нас забавными историями, он оттачивал каждую фразу, старательно подбирая слова. Мы были его первыми слушателями; рассказы, коими он нас потчевал, – его первыми набросками.

Мы слушали его с благодарностью. Всем нравилось его общество, кроме того, каждый хотел, чтобы в своих очерках он представил его с

самой лучшей стороны.

На первых порах скромную комнату, где у стены стояло пианино, ему нравилось величать балльным залом, однако со временем эта шутка несколько поблекла. В тот день, когда не хватило чашек, он придумал идею получше, провозгласив ироничный тост.

– Дорогая миссис М., – вскричал Тенч, – примите наши поздравления!

Мы знали, что он намерен опробовать на нас некое новое остроумное изречение, которое в будущем будет напечатано в его книге.

– В этом отдаленном уголке вселенной, моя дорогая леди, вы создали нечто выдающееся, – то, что в этой части света никому не могло бы даже пригрезиться. Салон антиподов, достойный лучших аристократических салонов в Мейфэре или в пятнадцатом округе Парижа!

Черты мистера Макартура не были приспособлены изображать смех. Лицо его сморщилось, будто он собирался заплакать. Однако мой муж разразился хохотом и хлопнул Тенча по спине.

Астроном мистер Доуз был одним из немногих офицеров, кто никогда не посещал мой блистательный салон.

– Он из породы гениев, – заверил меня Тенч. – Хотя живет отшельником, как монах. Время от времени я нарушаю его одиночество – навещаю его в обсерваторию. И он не возражает, потому как ему нравится обыгрывать меня в шахматы. Он необычайно одаренный математик, бегло изъясняется на столь полезных языках, как греческий и латынь, а ботаника во всех ее хитросплетениях для него просто открытая книга.

Дружба Тенча с Доузом была явлением поразительным: людей более несхожих буквально во всем невозможно было вообразить. Тенч – обходительный светский человек, Доуз – абсолютно асоциальный тип. Но при всей своей симпатии к астроному Тенч не прочь был вместе со всеми позабавиться над ним, когда офицеры величали Доуза «Его Святейшество», насмехаясь над его ученостью и тем, что он ходил удить рыбу в гавань в компании священника.

Но я в дружбе Тенча с Доузом увидела возможность выбираться из маленького поселения, где я просто с ума сходила от скуки.

– Не согласится ли мистер Доуз дать мне несколько уроков? – спросила я у Тенча. – Как вы думаете, найдется у него время на то, чтобы преподать мне азы астрономии или ботаники?

– Вам, миссис Макатур, он будет несказанно рад, – заверил меня Тенч. – Он любит делиться своими знаниями. Ничто не доставляет ему большего удовольствия.

Я помнила, каким мне предстал мистер Доуз в тот вечер на приеме у губернатора. Он был близок к агонии оттого, что вынужден соблюдать этикет на светском мероприятии. Мне подумалось, что Тенч, как всякий писатель, возможно, преувеличивает.

Близко к истине

Опасность того, что мой муж раздует пожар конфликта с капитаном Непином, вроде бы отступила. Но в противостоянии участвовали два вспыльчивых человека, и теперь, когда капитан вернулся в Сидней, Макатурам не стоило питать особых надежд на успех, пока пламя не будет залито.

Я сожалела, что на борту «Нептуна» не общалась лично с мистером Трейлом и капитаном Непином. Будь у меня более точное представление о сложившейся ситуации, возможно, я могла бы содействовать ее улучшению. Несколько верно подобранных слов, сказанных в нужный момент, и мир восстановлен.

В таком крошечном поселении, как Сидней, просто невозможно избегать встреч с теми или иными людьми, и наши пути с капитаном Непином частенько пересекались. Он сдержанно кланялся, глядя куда-то поверх моей головы, и шел дальше. Я тепло приветствовала его, нередко его уже удаляющуюся спину, а сама каждый раз думала, как бы найти удобный предлог, чтобы вынудить его остановиться и обменяться со мной парой слов. Повод появился, когда возник мой салон.

– Кого я вижу, капитан Непин! – воскликнула я, сама невинность, в следующий раз, как мы с ним встретились на улице. – В среду в моей гостиной соберутся несколько офицеров, а мистер Урган любезно взял на себя обязательство развлекать нас музыкальными номерами. Сэр, не желаете вместе с нами приятно провести вечер?

Непин был вынужден остановиться и, как того требовала учтивость, – ведь я к нему обращалась, – посмотрел мне в лицо. Я нервничала и потому говорила торопливо, пытаюсь удержать его внимание. Он, конечно, насторожился, но я постаралась милой улыбкой развеять его опасения. Я видела, что Непин раздумывает над моим приглашением, оценивает его со всех сторон, поджав свои в чем-то по-женски выразительные губы.

– Мистер Макартур настоятельно попросил, чтобы я пригласила вас, сэр. Это его искреннее желание.

Наглая ложь, которую мистер Макартур не мог опровергнуть, поскольку не присутствовал при нашем разговоре.

– Как-никак, сэр, мы с вами оба родились на берегах одной и той же чудесной реки. И, когда бы офицеры ни собрались в нашем доме, мы всегда провозглашаем тост за Теймар.

Мы с капитаном Непином действительно были земляки, равно как и мистер Макартур. Но в моем салоне реку Теймар никто никогда не чествовал. Это была моя изящная выдумка.

– Вы окажете нам честь, сэр, если вместе с нами провозгласите тост за родные края.

Капитан Непин был малый не промах. Пока я произносила свою элегантную речь, он производил в уме собственные расчеты и пришел к выводу, что пусть уж лучше мистер Макартур льстит, чем обвиняет. Умный человек, он сделал вид, будто мои чары на него подействовали. Его выразительные губы наконец-то раздвинулись в улыбке.

В тот же вечер я уведомила мистера Макартура о встрече на мосту.

– Капитан Непин справлялся о вашем здоровье, – сказала я. – Весьма искренне и с большим уважением.

С тех пор, как мистер Макартур переболел африканской лихорадкой, его периодически мучили боли в суставах и он страдал от расстройства пищеварения, так что моя красивая ложь задела чувствительную струнку в его душе.

– Он порекомендовал душистый чай, – добавила я, – и выразил надежду, что вы скоро восстановите силы.

Поверил мне мистер Макартур или нет, но он узрел рациональное зерно в моем вымысле. В следующую среду, когда капитан Непин

посетил мой салон, я постаралась хотя бы одну выдумку приблизить к истине.

– За берега реки Теймар, – провозгласила я и, приподняв свою чашку, поймала взгляд капитана Непина. Ему ничего не оставалось, как поддержать мой тост.

– За берега реки Теймар, – зычным хором вторили собравшиеся, в том числе капитан Непин. Он повернулся к своему соседу, коим оказался мистер Макартур, и они с шуточной церемонностью чокнулись своими чашками.

Я перехватила взгляд капитана Тенча, находившегося у противоположной стены. Он на мгновение приспустил веки и во всеобщем шуме что-то сказал мне одними губами. Возможно, «Умница».

С той поры, по крайней мере, внешне все выглядело так, будто тех ужасных событий на борту «Нептуна» никогда не было. Наблюдая, как муж и Непин хохочут, делаясь друг с другом остроумными замечаниями, я напомнила себе, что внешняя видимость – это все, что требуется. Если она будет сохраняться, подобно тому, как вода не переливается из наполненного до краев бокала, возможно, мистер Макартур наконец-то забудет про трибунал, и у нас появится шанс преуспеть.

Маме я написала, в весьма правдоподобных выражениях, что капитан Непин «воистину добросердечный человек». О, опасайтесь слова «воистину»! Без зазрения совести я добавила: «Мне кажется, он сдружился с мистером Макартомуром». Можно ли это утверждение назвать лживым, если оно сопровождается фразой «мне кажется»?

В моих словах крылся тонкий расчет. Девон и Корнуолл испокон веков связывали тесные взаимоотношения. Если мою маму убедить, что капитан Непин сдружился с ее зятем, слух об этом расползется по обоим берегам Теймара в ту и другую сторону. Возможно, достигнет ушей старого мистера Непина из Солтэша, а тот доведет это до сведения своего сына Эвана, занимающего роскошный кабинет с мебелью из красного дерева в Уайтхолле. Эван Непин примет эту сплетню за чистую монету и, возможно, отметит про себя, что этот Макартур – отличный парень и его надо бы повесить. Чтобы придать крылья молве, в письме к маме я упомянула, что, если мистер

Макартур получит повышение, «мы снова обратим свои мысли, в какой-то степени, в сторону «старой доброй Англии»».

Однако к чему такой усложненный синтаксис, к чему эти скромные кавычки? Сегодня, глядя на эту страницу, я понимаю, что Англия мне начинала видаться как некая знакомая история: я могла бы пересказать ее по частям, она мне нравилась, но в ее правдивость я не очень верила. И кавычки использовала, чтобы отстраниться от родной страны. Кавычки придавали идее возвращения в Англию шуточный характер. Даже ироничный.

Секрет на вес золота

Капитан Тенч любил выведывать факты, которые не были очевидны на первый взгляд. Вне сомнения, со временем добытыми сведениями он собирался украсить свою книгу, но в настоящем находил им и более непосредственное применение: использовал в качестве разменной монеты, которой расплачивался с теми, чьим доверием хотел заручиться. Он хорошо изучил характер моего мужа и знал, чем можно купить его дружбу.

Однажды на одном из моих салонов, что я устроила перед нашим первым Рождеством на новом месте, втроем – он, я и мой муж – сидели в тихом уголке комнаты. Недавно прибыл корабль с продовольствием, и теперь, до тех пор, пока в колонии снова не возникнет дефицит, в наши чашки был налит настоящий цейлонский чай, и даже стояло блюдо с булочками – без сливочного масла, но с джемом. Голод на время отступил, что привносило в атмосферу салона праздничное настроение. Капитан Тенч огляделся, намекая, что намерен поделиться неким секретом. Мистер Макартур склонился к нему.

– Вчера мне довелось встретиться с губернатором, – сообщил Тенч.

– Вот как? – отозвался мой муж.

Как и всякий хороший рассказчик, Тенч не спешил выкладывать главную новость.

– Мы поговорили о том о сем. – Он улыбнулся и жестом поприветствовал кого-то в другой стороне комнаты. Нравится ему

испытывать терпение мистера Макартура? Он встретился со мной взглядом. Дразнитесь, капитан Тенч!

– Губернатору нездоровилось, – доложил он. – Но вы ведь знаете, как героически он скрывает свою слабость.

– Да уж, – согласился мистер Макатур. – Ну а ваше дело, с которым вы обращались к нему? Решилось удовлетворительно?

– Да, конечно, – равнодушно бросил Тенч.

Мистер Макатур кашлянул, и Тенч понял, что больше тянуть не стоит.

– Полагаю, вы слышали про миссис Брукс, – произнес он, понизив голос.

– Про миссис Брукс?! Нет. А что же я должен был слышать про миссис Брукс?

Мистер Макатур досадовал, что ему неизвестно то, о чем, судя по тону Тенча, знала вся колония, и в то же время его раздирало любопытство.

– О, только то... как бы это сказать... что она...

– Что «она»? Выкладывайте же, не тяните kota за хвост!

– Миссис М., – с улыбкой обратился ко мне Тенч, – нижайше прошу извинить меня. Кажется, я затронул тему, которая леди может не...

– Капитан Тенч, – перебила его я, как и мой муж, сгорая от любопытства. – Пусть это вас не смущает! Всем известно, что у меня периодически случаются внезапные приступы глухоты. Вот, кажется, как раз наступает такой приступ.

Мы заулыбались. Тенч смотрел на меня с признательностью.

– Ну, я только хотел сказать, что миссис Брукс – подруга нашего губернатора, – сообщил он. – И, поскольку у миссис М. сейчас разыгрался приступ глухоты, могу смело добавить: вот уже семь-восемь лет она является *inamorata*^[15] губернатора.

Мистер Макатур жаждал подробностей.

– У него есть жена, – продолжал Тенч. – В Гемпшире. Но, по-видимому, она его не устраивает.

Мне показалось, или он умышленно отводит от меня глаза?

– Миссис Брукс – супруга боцмана, что служит на судне губернатора. Так что нет ничего странного в том, что она бывает почти везде, куда ездит губернатор.

– О, наш святой губернатор! – воскликнул мистер Макартур. – Я, конечно, задавался вопросом. Думал, может, он прибегает к услугам кого-то из осужденных женщин.

– Разумеется, – отозвался Тенч. – Вполне логичный вопрос для любого мыслящего человека. – К услугам губернатора любая каторжанка, только пальцем ткни, но это было бы чревато скандалом. Согласитесь, он поступил мудро, ища удовольствий в объятиях той, кто может открыто путешествовать с ним, у всех на виду?

– Ловко придумано! – заметил мистер Макартур. – Хитроумный человек наш губернатор. А что же боцман Брукс? Как с ним это дело уладили? Как обычно?

Он жестом изобразил деньги: большим пальцем потер об остальные.

– Этого я вам сказать не могу, – ответил Тенч. Трудно было определить, что он имел в виду: то ли не знает, то ли не хочет говорить. – Но Уайтхолл явно не ведает об этой стороне быта Его Высокопревосходительства.

Тенч хорошо изучил моего мужа. Знал: чтобы тот стал его союзником, нужно сделать ему подарок, который он ценил бы больше любых других – открыть секрет, который может погубить другого человека. Мужчины довольно захмыкали, насмехаясь над обстоятельствами губернатора, словно ничего забавнее в жизни не слышали.

Как смеют они ухмыляться?! Любой в положении губернатора без компаньонки сломался бы от напряжения и одиночества. Может, политикам из Уайтхолла и неизвестно имя его любовницы, но они наверняка догадываются, что она существует. Эти мастера закрывать глаза на то, на что до определенного момента можно смотреть сквозь пальцы, составляют горы документов, в которых Новый Южный Уэльс представлен в мельчайших подробностях, однако в этих самых документах Дебора Брукс фигурирует просто как жена боцмана с «Сириуса». Имя миссис Брукс не войдет в историю; о ней будет известно лишь то, что я сейчас вам рассказываю.

Положение ее было незавидным. Роль любовницы влиятельного господина обрекало ее на одинокое существование на задворках общества в статусе дамы полусвета. Но, возможно, это чем-то компенсировалось. Она и губернатор были вынуждены вести двойную

жизнь, что, конечно же, сопровождалось волнениями, и это, вероятно, поддерживало огонь их страсти. Меня кольнула зависть. Я вспомнила тот момент на приеме у губернатора, когда он взглянул на обслуживавшую его миссис Брукс. Вспомнила, как при этом едва заметно смягчились его черты и просияло худощавое лицо.

О, какое это, должно быть, блаженство, когда мужчина смотрит на тебя с теплотой и любовью, не в силах скрыть своих чувств, как ни старается!

Искра влечения

Как и мой муж, Тенч всеми силами держался за статус джентльмена, благо он имел офицерское звание, довольно приличное образование и галантные манеры, хотя молва гласила, что он – сын учителя танцев. Только Тенчу, в отличие от моего мужа, в этом уголке вселенной, где правили низость и злоба, удавалось со всеми оставаться в дружеских отношениях. Даже мистер Макартур хорошо отзывался о нем. Мне Тенч представлялся таким вкрадчивым зверьком наподобие хорька или выдры, который умеет втереться в доверие, доволен своей изворотливостью и способен выкрутиться из любого положения. Мне импонировали его задорная натура, его лукавство, готовность на какую-нибудь выходку, томные дразнящие взгляды и фразы. В его обществе я чувствовала себя вдохновенной, веселой, ощущала бурление живой теплой крови.

Мы отмечали наше первое Рождество в Новом Южном Уэльсе. Урган наяривал на пианино с такой страстностью, что два человека в уголке у камина могли спокойно беседовать, не опасаясь быть услышанными. Я искренне, непринужденно, радостно смеялась над какой-то остроумной чепухой, которой развлекал меня Тенч. Наши взгляды встретились. Его карие глаза наполнились теплотой и весельем, и мне подумалось: каково это быть с ним, как с мужчиной?

Красотой Тенч не отличался: лицо слишком вытянутое, подбородок с темнеющей щетиной какой-то безвольный, глаза посажены чересчур близко. Но меня влекли его искрометность и энергичность. Я знала, что с таким, как он, я была бы другой женщиной: не такой осторожной и отдающей отчет каждому своему

слово или жесту, а более беспечной, склонной наслаждаться каждым мгновением.

Тенч перехватил мой откровенный взгляд. Я увидела, что в его глазах застыл тот же вопрос. Каково это было бы?

Я репетировала про себя остроумный ответ на добродушное подшучивание Тенча, и вдруг к нам подскочил взволнованный Урган. Он тронул меня за локоть. Умолкнув на полуслове, я посмотрела на него – с раздражением, надо признать – и увидела в его взгляде настойчивость.

– Миссис Макартур, – обратился он ко мне, – могу я попросить вас переворачивать страницы нот? Не откажите, будьте любезны? Капитан Коллинз попросил, чтобы я исполнил «Венок для влюбленных», но боюсь, без вашей помощи я не сумею воздать должное этой балладе.

В тот момент вид у меня, должно быть, был расстроенный. Дура она и есть дура, что с нее взять. Но, хвала Господу, я не до конца утратила бдительность и сумела заметить движение его глаз. И поняла, о чем он меня предупреждал: за мной и Тенчем наблюдал мистер Макартур.

– С превеликим удовольствием, мистер Урган! – Пренебрегая учтивостью, я молча покинула Тенча, встала у пианино и принялась переворачивать ноты для мистера Ургана, хотя он прекрасно справился бы и без меня, а потом, по его настоянию, сама села за инструмент и, демонстрируя собственные музыкальные достижения, исполнила «Менуэт» австралийских колонистов.

Весь остаток вечера я старательно следила за тем, чтобы меня от капитана Тенча отделяла целая комната гостей. Тем не менее я остро чувствовала, что он где-то рядом, точно знала, в каком углу он стоит, и знала, что он не сводит с меня глаз.

Джеск корсет

На первом салоне, что состоялся в новом наступившем году, капитан Тенч спросил моего совета относительно починки его шелкового галстука. Мы вдвоем встали рядом у окна, якобы рассматривая на свету поистрепанную вещь.

– Миссис М, – произнес Тенч, – я должен вам кое-что сказать.

Он положил галстук на подоконник и пальцем разгладил атласную ткань, послушно заструившуюся от его прикосновения.

– Вы должны мне что-то сказать, капитан Тенч? И что же?

Неужели он попытается соблазнить меня прямо здесь и сейчас? На глазах у моего мужа, который находится в этой же комнате? И как мне реагировать, если он предложит то, что мог бы предложить мужчина, заметивший, что объект его внимания отвечает ему взаимностью?

– То, что вам следует знать, миссис М. Нечто очень важное. Для вас.

Я почувствовала, как мои щеки опалил жар. Боялась, что он продолжит и в то же время жаждала продолжения. Каково это было бы? Возможно, так же, как с Брайди, сто лет назад: два человека услаждают друг друга, весело и с любовью.

Тенч наблюдал за мной, видел, что я разволновалась, и в его взгляде засветилась насмешка. И тут меня озарило: именно такой реакции он добивался. Забавлялся со мной, как играл – я это замечала – с мистером Макартуром.

Мое смятение и влечение как рукой сняло. Тенч не испытывал ко мне ни симпатии, ни вообще каких-либо теплых чувств. Он просто флиртовал.

– Так что вы хотели довести до моего сведения, сэр?

Тенч уловил перемену в моем тоне.

– Хотел назвать прозвище, что дали вашему мужу, миссис М., – отвечал он. – Которое, если на то будет воля Божья, он никогда не узнает.

– Прозвище? Прозвище моего мужа?

– Джек Корсет, – свистящим шепотом сообщил Тенч. – За глаза его называют Джек Корсет.

Я заранее настроилась на то, чтобы ни в коем случае не выказать удивления, но не сумела справиться с мышцами лица: они расслабились, черты сложились в отвратительную маску злорадства. Те люди, что наблюдали за нами, были не дураки. Подмастерье у изготовителя корсетов. Я никогда особо не верила в ту старую сплетню, но, правду говорили или нет, нельзя было бы придумать

более обидной колкости, чтобы уязвить гордость сына торговца мануфактурными товарами.

Мое злорадство было мимолетным, угасло сразу же, как вспыхнуло; я понимала: Тенч устроил мне проверку. Преданна ли я мужу? Судя по тому, как заблестели его глаза – «Ага!», – миг моей несдержанности не ускользнул от его внимания. Если его интересовал именно этот вопрос, ответ на него он получил.

Капитан Тенч был не просто любителем пофлиртовать. Он был опасным человеком.

– Безобразие, – возмутилась я. – Какая низость!

Говоря это, я имела в виду не только тех, кто придумал для моего мужа столь остроумное прозвище. Тенча я считала другом. В минуту слабости позволила себе даже задаться сокровенным вопросом. Каково это было бы? Теперь то место в душе, где зрело теплое чувство, заполнила тошнотворная пустота.

– Да, низость, вы правы, миссис М. – Тенч внимательно наблюдал за мной, ожидая от меня новых откровений. Я поспешила отпрянуть, отойти подальше от опасного мгновения, когда я невольно выдала себя.

– А я, значит, миссис Корсет? Или у меня есть свое прозвище? А у вас, сэр? Как прозвали вас?

– Да кто их знает, – рассмеялся Тенч. – Кто знает, как мы с вами представляемся им?

Мы с вами. Сказал так, будто мы с ним пара. Как бы невзначай брошенная им эта фраза подразумевала интимную связь. Тенч устроил мне очередную проверку.

И миссис Макартур срочно вспомнила про свои обязанности хозяйки салона. Она поспешила к столу, крикнула прислуге, чтобы принесли еще кипятку, стала разливать чай по чашкам, похвалила игру мистера Уоргана, вызвала его на бис.

Джек Корсет. Лучше б Тенч ничего мне об этом не говорил. Прозвище мужа теперь засело в голове. Оно встряхнуло мое сознание, заставляя дать слабину, а ведь я должна оставаться сильной. Эту слабую струнку нащупал во мне Тенч и умышленно затронул ее.

Я сидела и улыбалась, слушая игру Уоргана, похлопывала себя по коленке в такт мелодии, и при этом смотрела куда угодно, только не на Тенча. Каково это было бы? Мне и самой теперь было удивительно,

как эта мысль вообще могла у меня возникнуть. Она сверкнула, как молния, прорезающая облака. Сверкнула и исчезла. К Тенчу меня больше не влекло.

Но ведь сверкнула же. Много умерло во мне с того времени, когда мы познакомились с мистером Макартуром в приходе Бриджрула. Теперь я с изумлением осознала, что та искорка никуда не делась – просто спряталась.

Насмешка не для чужих ушей

Капитан Непин был командующим Корпусом Нового Южного Уэльса лишь временно. Майор Гроуз, имевший более высокое офицерское звание, задержался в Англии, но в наступившем году его корабль прибыл в Сиднейскую бухту, и Корпус возглавил он.

Мистер Макартур, не теряя времени, пригласил нового командующего посетить салон его жены. Миссис Браун и Ханнафорду поручили начистить до блеска все, что могло сиять, привести в порядок все, чему можно было придать опрятный вид, и спрятать все то, что нельзя было исправить и починить. Салливан, демонстративно охая и держась за поясицу, подмел дорожку перед домом и граблями разровнял землю на заднем дворе, – на тот случай, если новый командующий захочет воспользоваться уборной.

Майор Гроуз оказался крупным обрюзгшим джентльменом с тонкими губами и отсутствующим взглядом. Поначалу такое выражение его глаз я приняла за предосторожность мудрого человека, недавно прибывшего в новое место, но потом поняла, что он просто прислушивается к болям своих ноющих ран, полученных в ходе боевых действий во время Войны за независимость в Северной Америке и еще не окончательно заживших. Человек он был обходительный, но я пришла к выводу, что в его широкой груди прячется мелкая нерешительная душонка и его легко может склонить на свою сторону любой, за кем будет последнее слово. Мне он представлялся идеальным продуктом длинной иерархии военных чинов, из тех людей, что охотно подчиняются тем, кто стоит выше них, и подавляют тех, кто стоял ниже. Человек, рожденный для заурядных дел, он вполне подходил для них.

Гроуз с готовностью уселся в кресло, которое пододвинул ему мистер Макартур, и за весь вечер ни разу с него не встал.

– У меня упадок сил, миссис Макартур, – посетовал он. – И, если честно, в любое время дня я был бы счастлив принять горизонтальное положение.

Как командующий Корпусом Нового Южного Уэльса он являлся вице-губернатором и должен был замещать Артура Филлипа, если тот по какой-то причине не смог бы исполнять свои обязанности. В тот день у нас дома мистер Макартур из кожи вон лез, старательно обхаживая командующего. На прощание майор Гроуз со всей церемонностью, как галантный кавалер старой школы, взял мою руку и поднес ее к губам. После его ухода я поздравила себя. Вроде бы все в порядке.

– Отлично! – воскликнул мистер Макартур, когда за последним гостем закрылась дверь. – Клянусь, он ел у меня с руки!

– А поцеловал мою, – заметила я, напоминая, что я тоже способствовала нашему успеху, но мистер Макартур пропустил мои слова мимо ушей. Я не настаивала. Пусть думает, что благоволение Гроуза – исключительно его заслуга. Тем больше командующий будет ему нравиться.

– Особенно его поразили ваша проницательность, ясное видение ситуации, – сказала я, вспомнив полезную фразу, которой научил меня мистер Урган: *ad libitum*^[16]. – Он очень обрадовался, признался он мне, что под его началом служит столь энергичный офицер, прекрасно разбирающийся в делах колонии.

Майор, конечно, выразился не совсем так. Он не был столь многословен. Да и вообще на этот счет ничего не говорил. Но порой бывает так, что озвученная мысль материализуется, и я надеялась, что это как раз и произойдет.

Мистер Макартур стелился перед майором, предлагая ему всяческую помощь, и тот вскоре всем и каждому расхваливал моего мужа. Уравновешенный, трудолюбивый и преданный офицер, отзывался о нем Гроуз. Голова мудрого старца на молодых плечах! Правая рука майора! Мистер Макартур незамедлительно был произведен в капитаны и назначен на должность казначея полка.

Повышение, по мнению мистера Макартура, ему дали с большим запозданием: безусловно, желанное событие, но малопримечательное. Однако должность казначея была местом вожделенным. У того, кто ее занимал, имелось много возможностей пополнить собственный карман. Впервые со времени нашего прибытия в Новый Южный Уэльс я поверила в то, что мы приехали сюда не зря. Если удастся обуздать вздорный нрав мистера Макартура, тогда у нас есть шанс за несколько лет скопить денег и вернуться в Англию относительно состоятельными людьми.

В благодарность мистер Макатур окрестил майора Дураком Законченным. Так он его называл, разумеется, только дома, а на людях величал ДЗ, и, если его спрашивали, что это значит, «Деятельный Зам», объяснял он.

Земельные угодья

В избытке в Новом Южном Уэльсе имелся только один товар – земля. Целый континент земли. И вся бесхозная. Нигде не увидишь ни одного столба с вывеской, на которой указывалось бы имя владельца. Равно как нет опознавательных знаков на отарах овец, что пасутся на вересковых пустошах в Англии. Губернатор, поддерживаемый расчетливыми джентльменами из Уайтхолла, стремился организовать в колонии собственное производство продуктов питания. Часть площадей на этих бескрайних просторах занимали посевы сельскохозяйственных культур, но урожай они давали скудный и нестабильный, что не позволяло обойтись без поставок продовольствия из Англии, а эти поставки осуществлялись от случая к случаю. Вероятность голода всегда сохранялась.

Губернатор был вправе своей властью даровать землю, и он выделял скромные участки бывшим заключенным, которые могли бы стать успешными фермерами, а также морякам, пожелавшим осесть в колонии, и даже кое-кому из солдат, предпочитавших возделывание земли военной службе. Энн поведала мне, что они с Эннисом надеются получить клочок земли близ Земли Кенгуру. Его преподобию Джонсону даровали участок сразу же по его прибытии в Новый Южный Уэльс. По словам Тенча, священник слыл лучшим фермером в

колонии – можно сказать, ошибся с выбором профессии, поскольку картофель он выращивал лучше, нежели сочинял проповеди.

А вот офицерам Корпуса Нового Южного Уэльса земли не полагались: губернатор считал, что их долг – следить за порядком, а не заниматься сельским хозяйством. По мнению мистера Макартура, это был полнейший абсурд. Давать землю – бесплатно! – обычным вора́м и обделять офицеров Его Величества! Деспотизм в чистом виде! Это – опасное слово – оскорбление!

Все это он высказал однажды вечером, когда мы сидели у камина. Я склонилась над шитьем, а он снова и снова выплескивал свое негодование. Наконец я попыталась разрядить атмосферу.

– Мистер Макартур, значит, вы намерены стать фермером? Будете соревноваться с его преподобием, у кого крупнее картошка?

– Не надо иронизировать, жена, – осадил меня мой супруг. – Я и не ждал, что вы сумеете оценить ситуацию, но, прошу, будьте так любезны, доверьтесь мне: я знаю, что делаю!

Любое предложение, начинающееся с «но», подведет нас к краю пропасти, от которого я в конечном итоге буду вынуждена отступить, и поскольку только такие предложения, с «но», приходили мне на ум, я промолчала.

– Дома, чтобы приобрести даже самое захудалое поместье, я заплатил бы не менее десяти фунтов за акр, – сказал мистер Макартур. – А здесь цена куда более выгодная: нужно просто подлизаться к губернатору.

Даже самое захудалое поместье. Теперь понятно. Отец мистера Макартура заплатил за джентльменское образование сына, а также купил ему – на свои деньги или позаимствованные – офицерское звание, которое позволило его сыну выдавать себя за эсквайра. Но только в Новом Южном Уэльсе мистер Макартур мог надеяться, что у него появится настоящее неопровержимое доказательство его джентльменского статуса: земельное угодье, поместье.

– Всякий мыслящий человек, – продолжал мой муж (о, как же он любил эту фразу Тенча!), – способен видеть перспективу, а реальность такова, что земля в Новом Южном Уэльсе, пусть она пока и не имеет ценности, это своего рода валюта, и в будущем ее можно обменять на настоящие фунты, шиллинги и пенсы, что поспособствует нашему возвращению в Англию.

Мистер Макартур даже присмотрел для нас подходящий участок, в Парраматте. Прежде он презирал то место, но теперь приводил массу резонных доводов в пользу того, что это благоразумный выбор. Почва там более плодородная, а значит, скоро Парраматта станет центром колонии, а поселение на берегу Сиднейской бухты будет только ее портом. Губернатор это предвидит, потому и построил там вторую резиденцию. Проницательный человек, как он сам, убеждал меня мой муж, понимает, что именно сейчас нужно пользоваться удобным случаем, тихо, без лишнего шума, пока у остальных не возникла эта же идея.

– Я приглядел для нас местечко, – сообщил мистер Макартур. – Оно даже лучше, чем участок Морского Волка. Идеальное расположение, есть возвышенность, на которой мы построим великолепный дом. Вы только представьте, дорогая: вы в Парраматте, хозяйка лучшей фермы в колонии!

И воображение мгновенно, быстрее, чем мышь прошмыгнула бы через комнату, нарисовало картину спасения. Откликнулось на слово «ферма». Я ясно ее представила: благоустроенный домик, цветущий сад, солнце, заливающее светом тихие комнаты. Птичник с курами, может быть, корова, горох, бобы с моего огорода. И неспешный ход безмятежных деревенских дней.

Да, именно безмятежных, ведь я знала, что время от времени буду жить там без мужа. Земля – *sine qua non*^[17], чтобы считаться джентльменом. И как не заполучить столь лакомый кусок, если его дают бесплатно? Но для мистера Макаркура земля всегда будет не так важна, как его истинные пристрастия. Он очень быстро устанет от фермы. Его натура требует, чтобы его окружали люди, на которых он мог бы влиять, как дрожжи на сахар. Его всегда будет тянуть в центральное поселение. В Сиднее, средоточии происков и интриг, он мог бы с помощью компромата на своих сослуживцев добиваться желаемого. Едва мистер Макартур произнес «Парраматта», я уже для себя решила, что, возможно, это шанс впустить лучик дневного света в закрытый ящик, в котором я заточена со дня свадьбы.

Но я не смела убеждать. Начни я уговаривать мистера Макаркура, и он тут же пойдет на попятную.

– Парраматта! – воскликнула я с недоверчивостью в голосе. – Вы это серьезно, мистер Макартур? А вы не подумали, как это далеко?

Какая это глушь? Что я там буду лишена женского общества?

Он посмотрел на меня, и я испугалась, что перегнула палку.

– Что-то я не заметил, моя дорогая жена, чтобы вы очень уж тосковали по женскому обществу, – сказал мистер Макартур. – Мне жаль, любимая, что вам придется покинуть здешнее общество, но мы не должны забывать, какая перед нами стоит цель.

Вон оно что! Общество. Значит, есть и другой мотив? Примечательно, сколь заразителен его извращенный образ мышления. У меня сразу же промелькнула новая мысль: возможно, мой муж специально хочет удалить меня из городка. Ни одна женщина, даже самая энергичная, не сумеет организовать салон в сельской глуши Парраматты. Я была уверена, что мистер Макартур не заметил моего мимолетного увлечения капитаном Тенчем. Но в его натуре было думать наперед, просчитывая разные варианты. Женщина в кругу мужчин, соперничающих за ее внимание, волей-волей может посеять у мужа сомнения.

Из этой мысли родилась еще одна. В колонии мой супруг был одним из немногих офицеров, кто не искал плотских наслаждений в объятиях какой-нибудь молодой смазливой каторжанки. А ведь наверняка думал, что тоже имеет право на подобные удовольствия. А что, прекрасная идея. Поселить жену в глуши Парраматты, пусть себе в тишине и покое благополучно воспитывает его потомство, а он тем временем в городке будет развлекаться в более фривольной компании.

Приятная мысль.

Я притворно вздохнула, изображая, будто бы пытаюсь скрыть отчаяние. Сделала несколько стежков, смиренно склонила голову, как покорная жертва. Позволила себе недовольно поморщиться.

– Я удивлена, мистер Макартур. Но вы меня убедили. Конечно, я преклоняюсь перед вашим суждением.

– Не расстраивайтесь, дорогая супруга – сказал он. – Представьте, как мы отдыхаем там, сидя перед роскошным мраморным камином! У нас будут слуги в ливреях из синей шерсти, вы не согласны? Медные пуговицы с гербом – в виде оливкового венка. Как вам такое, дорогая? Простенько и со вкусом, правда?

– Ой, ради бога, давайте обойдемся без фальшивых гербов, мистер Макартур, – запротестовала я. – Я – дочь фермера и не стыжусь этого.

– Моя дорогая жена... – Я наблюдала, как он придумывает свой последний, самый убедительный довод. – Я назову ферму вашим именем, моя дорогая, «Ферма Элизабет», в признание ваших достоинств идеальной жены.

Я улыбнулась, будто бы соблазненная его лестью.

– Уверена, мистер Макатур, все сложится самым наилучшим образом.

Мистер Макатур не искал легких путей. Казалось бы, почему просто не попросить землю? Но нет, он предпочитал играть «вдолгую». Намеревался постепенно брать противника в окружение, и когда кольцо сомкнется, тот уже не сможет сопротивляться.

Первый шаг, что планировал мой муж, был довольно безобидным: добиться назначения на пост командующего гарнизоном Парраматты. Для этого, он знал, ему достаточно шепнуть пару слов на ухо ДЗ. Как командующий, он, само собой, будет обязан переселиться в Парраматту. И здесь мистер Макатур вытащит из-за пазухи козырь: у него ведь есть жена и сын. Офицер привычен к суровым условиям, он спокойно сможет жить и в казармах, но требовать того же от такой леди, как супруга Джона Макатура, да еще с маленьким ребенком на руках, просто недопустимо. Но и оставить ее в Сиднее, без защиты мужа, тоже никак нельзя. Единственный выход – обеспечить Макатуров домом, подходящим для проживания семьи, поблизости от Парраматты. Властям этим заниматься некогда, у них много других забот, но если мистеру Макатуру пожалуют участок земли, он сам все устроит.

Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, я испытывала презрение к мужу за то, что он столь беспринципно использовал меня и Эдварда; с другой, меня грела надежда, что спасение, о котором я мечтала, возможно, уже не за горами.

Мой муж даже мысли не допускал, что губернатор ему откажет. Его интересовал один вопрос: удовольствоваться пятьюдесятью акрами или требовать участок в сто акров. Его честолюбие, подобно превосходной охотничьей лошади, несущей на спине джентльмена в розовом сюртуке, легко перелетало через любое препятствие в

настоящем, чтобы плавно приземлиться на каком-нибудь сочном пастбище в будущем.

Я не разделяла уверенности мужа. На стороне губернатора был закон. Офицеры находятся на государственной службе и получают за это жалованье. С какой стати давать им землю, чтобы они обзаводились собственным хозяйством?

Реализация первой части плана прошла гладко: ДЗ объявил, что мистер Макартур назначается командиром гарнизона в Парраматте и должен приступить к своим обязанностям, когда позволят обстоятельства. Однако Морской Волк был далеко не простофиля. Он четко дал понять: майор Гроуз может распоряжаться офицерами Корпуса по своему усмотрению, но пожалование земельных угодий – это его прерогатива, и в этом вопросе он непоколебим.

Я ожидала, что муж, как это обычно бывает, придет в ярость или, напротив, впадет в мрачное уныние, но он отмахнулся от моих расспросов, будто я интересовалась пустяками. Отказ подчиниться его воле грозил разрушить самую сокровенную, самую хрупкую часть его самосознания. Но вместо того чтобы скорчиться от боли неудачи, он нарастил на ней панцирь.

– Поверьте, у меня все под контролем, – только и сказал он. – Поместье в Парраматте будет нашим. На этот счет даже не переживайте.

Тем не менее чувствовалась в нем некая напряженность, и в ту ночь в темноте он исполнял свой супружеский долг с остервенением; это было больно.

«Британия»

Спустя некоторое время однажды вечером мистер Макартур пришел в гостиную, где я находилась, и присел на краешек кресла, всем телом подавшись вперед, с явным намерением в чем-то меня убедить.

– Скажите-ка, миссис Макартур, – учтиво начал он, – за что здешний народ готов отдать любые деньги?

Я знала, что в его вопросе содержится подвох и, если ответу неправильно, он будет недоволен. Но я вместе с тем понимала, что увильнуть от ответа не удастся. Он от меня не отстанет.

– Ну, за муку и топоры, – предположила я. – За обувь. Горшки. Табак, гвозди, веревки.

Я перечисляла собственные потребности.

– За чай и сахар. Да, собственно, за любые товары.

– Вот именно! – Возбужденный, он откинулся в кресле, барабанил пальцами по подлокотнику. – Именно это болтают между собой те гнусные алчные капитаны: везите в Новый Южный Уэльс – как вы выразились – любые товары и назначайте за них любые цены, у вас все купят.

Мой муж не преувеличивал. В те считанные разы, что в нашу бухту заходил какой-нибудь корабль, возникал безобразный ажиотаж: те, у кого имелись деньги – офицеры и некоторые другие, – скупали товары по совершенно бесстыдным ценам, которые заламывали капитаны. Ведь кто знает, когда придет следующее судно? Но общая масса колонистов – досрочно освобожденные осужденные, поселенцы, мелкие фермеры – продолжали обходиться малым.

Мистер Макартур вскочил с кресла и забегал по комнате, перескакивая с ковра на деревянные половицы и обратно, отчего его шаги звучали то громко, то приглушенно.

– Значит, мы, офицеры, должны сами зафрахтовать судно и отправить его на мыс Доброй Надежды, – сказал он. – Взять продажу товаров в собственные руки. Нарушить монополию этих грабителей.

Я вздохнула, намереваясь заметить, что они просто вместо одной монополии установят другую, но мой муж, не давая мне рта раскрыть, продолжал свою мысль:

– Имея в нашем распоряжении целое судно товаров на продажу, мы просто обречены на успех!

Мы с ним оба подумали про долг в пятьсот фунтов.

Мистер Макартур сам вызвался внести самый крупный взнос, – взяв деньги из полковой казны, разумеется. Он будет вести учет, осуществлять надзор за продажей товаров, распределять прибыль. И уж конечно, не преминет отщипнуть от каждого куса пирога, где-нибудь снизу, чтобы никто не заметил. Может, мистер Макартур и внук самого лэрда Аргайла, но если содрать с него все его высокомерие,

вашему взору предстанет сын лавочника, для которого на первом месте только прибыль и убыток.

Была лишь одна трудность. Как и любая деятельность в колонии, осуществление плана требовало разрешения губернатора, а он, по условиям должности, не имел на это права. Уайтхолл на сей счет дал четкие указания: губернатор не вправе заниматься торговлей и позволять это делать другим в зоне влияния Ост-Индской компании.

Но мистер Макартур был уверен в успехе своего предприятия. С надлежащей скромностью он объяснил, в чем заключается подлинная гениальность его плана: они сыграют на сердечной доброте губернатора. В колонии до сих пор царили голод и нужда; мужчины и женщины, обессиленные от недостатка питания, валялись с ног прямо на улице. Столь великодушный человек, как губернатор, не мог отказаться от предложения доставить в колонию судно с припасами.

– Помяните мое слово, он уступит, – уверенно заявил мой муж. – А нарушив инструкции, он станет... уязвим.

Последнее слово он произнес с наслаждением, смакуя его на языке. Мистер Макартур продолжал расхаживать по комнате. Огонь, пылавший в камине, отбрасывал блики на его лицо, по которому скользили тени. Он раздвинул губы в хищной улыбке, и я заметила блеск слюны на его зубах.

– Он окажется у меня в руках. И не сможет отказать нам в резонной просьбе.

– Например, пожаловать пятьдесят акров земли в Парраматте, – сказала я.

Мистер Макартур бросил на меня удивленный взгляд, в котором сквозило презрение.

– Моя дорогая жена, в вас совершенно нет авантюрной жилки. Пятьдесят акров! Сто акров, не меньше.

Он осклабился от удовольствия, обнажая верхние клыки.

– А может, двести?

Плоды подлого хитроумия

Некоторое время спустя «Британия» вернулась с мыса Доброй Надежды, привезя бочки с мукой и рисом, а также топоры и горшки

для варки пищи, обручное железо и бумагу. Но основной груз составляли многочисленные бочки с самым доходным товаром – ромом. Офицеры просили за алкоголь в пять-шесть раз больше закупочной стоимости, и это в Сиднее, где только консорциум офицеров располагал средствами для снаряжения торгового судна и доставки товаров. И люди платили. Прибыль досталась всем. Мистер Макартур уже планировал очередной фрахт, и сослуживцы охотно его поддерживали, желая потуже набить карманы. Он позаботился о том, чтобы все были вовлечены в закупку большого количества спиртного, которое лилось с кораблей прямо в глотки колонистов. В этом были замешаны все – в качестве гарантии, что никто не будет поднимать по этому поводу шум.

Среди бочонков рома на «Британии» нашлось место и для деликатесов, которые были доставлены в дом Макартуров. О, та первая чашка изысканного цейлонского чая, после долгого перерыва! Я пила чай, смаковала сахар, от блаженства закрыв глаза. В данном случае я не стану пытаться обелить себя. Пусть супружеская жизнь с этим человеком и была для меня пыткой, я проявила малодушие, не отказав себе в удовольствии пользоваться плодами его подлого хитроумия.

Мистер Макартур нещадно давил на ДЗ, требуя, чтобы тот надавил на губернатора в решении вопроса об участке земли в Парраматте. ДЗ охотно молвил за него словечко, но губернатор упорствовал. Этому достойному человеку приходилось отбиваться не только от назойливого Макартура. Изю дня в день его одолевали все новые и новые проблемы. Мало того, что его постоянно терзала боль в боку; этого глубоко порядочного человека мучили окружающие его злоба и интриги. Голод для него был не так страшен, а вот козни сильно подтачивали его благородную натуру.

Ни для кого не было тайной, что губернатор просил разрешения вернуться в Англию. Причем неоднократно и каждый раз с удвоенной настойчивостью. Он знал: рано или поздно это разрешение ему дадут, и он отчалит к родным берегам. До прибытия нового губернатора колонией будет управлять его деятельный зам.

Мистер Макартур не спешил. Не было человека терпеливее, чем мой муж, если он задался какой-то целью. В этом было что-то

нечеловеческое. Он как ястреб кружил и кружил над своей жертвой, наблюдая за ней холодным взором.

Счастливая женщина

Сочиняя письмо Брайди, я всегда помнила, что она до сих пор не замужем. В одном из своих посланий она намекала, что после капитана Мориарти у нее был на примете один интересный мужчина, но, видимо, не сложилось. «Рассказ о том, что было, но прошло, тебе не доставит удовольствия, – писала она, – а у меня вызовет чувство сожаления». Себя она называла «старой девой», словно оставила всякую надежду выйти замуж. Я переживала за подругу: ей, как и мне, было двадцать пять и никаких перспектив создать собственную семью.

В своих письмах я старалась не подчеркивать разницу в нашем положении, а как-нибудь тайно сообщить, что моему замужеству завидовать не стоит, разумеется, возможности у меня не было, так что я вовсе ничего не писала о своей жизни в качестве миссис Макартур. Я надеялась, что мое молчание на эту тему само по себе послужит намеком на то, о чем я написать не могла. Но это спровоцировало скандал. Мистер Макартур выхватил у меня письмо и пришел в ярость, увидев, что в нем содержатся лишь известия о поселении, его географическом и экономическом положении. Разве это письмо замужней женщины?

В следующий раз я избрала другую тактику.

«До сего времени в своих письмах я воздерживалась от упоминания о мистере Макартуре, – написала я, – дабы не создалось впечатления, что я хвастаюсь».

Ох и хитрая вы женщина, миссис Макартур!

«На земле не найдется двух более счастливых людей, нежели мы, – продолжала я. – Мистер Макартур как спутник жизни – умный веселый человек и хороший наставник, за свою порядочность он пользуется всеобщим уважением».

Как и большинство изречений мистера Макартура, это содержало крупицу правды. Да, он любил поучать. Нудно, свысока наставлял меня в вопросах морских залогов, курса испанского доллара, максимального количества воды в роме, которое нельзя превышать,

иначе люди почувствуют, что алкоголь разбавлен. Я надеялась, что фраза «на земле не найдется двух более счастливых людей» позволит Брайди судить о моих истинных чувствах. Зная меня, она наверняка уловит в этой хвастливой гиперболе иронию. Что до сентенции «за свою порядочность пользуется всеобщим уважением», это была чистая выдумка.

И все же пусть я не была счастлива в браке, для меня это был не тупик. В моей жизни, конечно же, будет еще немало поворотов. Поворотов к лучшему или к худшему, но само наличие таких поворотов в будущем означает некую свободу выбора или хотя бы некую гибкость. У старой девы, застрявшей в Бриджруле, нет и не будет никаких поворотов.

«Моя дорогая подруга, – писала я в порыве чувств, – умерь свои сомнения и выходи замуж. Когда мы сочетались браком, мало кто из наших друзей думал, что мы поступаем разумно. Меня считали бездеятельной, мистера Макартура – не в меру горделивым и заносчивым, учитывая наше скромное положение и безрадостные перспективы.

Потом я сообразила, что чрезмерно разоткровенничалась. Между строк читалось то, что я подразумевала: лучше быть несчастной в браке, убеждала я Брайди, чем вовсе не иметь мужа. Поспешно – я помню, как побежала по бумаге моя ручка – я завуалировала правду.

«Суди сама, подруга, разве не должна я считать себя счастливой женщиной?».

Бедняжка! Читая сейчас эти строки, я вижу, что намеревалась написать явную ложь: «Я – счастливая женщина», – но не смогла себя заставить. Сквозь облако лжи – то «должна» и то замысловатое нагромождение отрицательных форм – проглядывала правда.

«Когда решишься выйти замуж, постарайся найти здравомыслящего супруга. Ты никогда не будешь счастлива с человеком, который уступает тебе в благоразумии».

Письмо становилось все более витиеватым, ибо слишком сложную цель я перед собой поставила: писала одновременно для Брайди и для мистера Макартура и чувствовала, что начинаю запутываться, пытаюсь сообщить двусмысленную правду, но у меня не очень получается. Я понимала, что хожу кругами: то советую Брайди

во что бы то ни стало выйти замуж, то предостерегаю ее от неверного выбора, который сделает ее несчастной.

Мой веселый муж-наставник читал мое письмо, и складка его рта смягчалась. Наблюдая за ним, я отдавала должное его пронизательности: действительно, лести много не бывает. Меня кольнуло что-то вроде жалости к мужу: потребность в лести была в нем столь велика, он поддавался на нее так же охотно, как и все остальные, кого он за это высмеивал. Казалось бы, он непробиваем, оградил себя от всех возможных рисков. Однако вот она, брешь в его броне – острое желание быть на виду, в центре внимания и, да, быть любимым.

С тех пор по поводу моих писем он не выражал возмущения. А я решила, что от хвастовства вреда не будет. Эти строки станут читать весь Бриджрул, и, если кто-то из его обитателей отзовется обо мне с жалостью, пусть мое лживое письмо заткнет им рты.

Часть 4

Азы астрономии

В жаркие дни нашего первого января в колонии мистер Доуз наконец-то появился в моей гостиной, и то потому, видимо, что Тенч перехватил его на улице и чуть ли не силком затащил к нам.

– Миссис М., позвольте представить вам нашего местного гения, – воскликнул Тенч. – Наш ученый звездочет, астроном мистер Доуз. Мистер Доуз, позвольте представить вам супругу мистера Джона Макартура, нашу собственную мадам д’Эпине^[18].

В ответ на добродушную болтовню Тенча мистер Доуз нахмурился, в панике озираясь по сторонам. Я собралась было спросить, кто такая мадам д’Эпине, – и мистер Доуз сразу бы понял, что я невежда, – но Тенч, к счастью, меня опередил.

– Доуз, миссис М. выразила горячее желание поучиться астрономии, – дружелюбно-шутливым тоном продолжал он. – Я заверил ее, что вы, вне сомнения, будете рады дать ей несколько уроков о звездах, планетах и тому подобное.

Мистер Доуз в изумлении взглянул на меня.

– С удовольствием, – ответил он. – Буду рад, миссис Макатур. О звездах, да, расскажу, с удовольствием. Да.

При всех его многочисленных «с удовольствием» и «буду рад», было ясно, что он ответил согласием лишь потому, что с ходу не нашел причины для отказа. Из уст Тенча мое желание прозвучало как пустая, даже оскорбительная блажь, и я попыталась объяснить:

– Мистер Доуз, образование я получила весьма скудное, но я очень любознательна. А здесь, в этом неизведанном краю, даже звезды другие – все незнакомые. Интересно было бы узнать что-нибудь о них.

И все равно меня глодали сомнения: возможно, идея заняться астрономией была ошибкой.

При слове «любознательна» мистер Доуз искоса взглянул на меня. Что он при этом подумал, представить себе не могу, а что он мог бы ответить, никогда не узнаю, поскольку Тенч снова вмешался.

– Значит, решено, – сказал он. – В следующий четверг, скажем, во второй половине дня, назначайте первое занятие! И мне, миссис М., будет очень интересно послушать про ваши успехи. Доуз, обязательно держите меня в курсе.

Мистер Доуз неловко приподнял руку, словно давая благословение, и что-то буркнул, но слов я не разобрала. Затем он развернулся и был таков.

– Миссис М., не думайте, будто наш мистер Доуз невежа, – заверил меня Тенч. – Просто его орбита принимает причудливую форму, проходя через сферу обычных людей.

Здесь не Девон

В следующий четверг, днем, миссис Браун, Ханнафорд, Эдвард и я, как всегда, отправились к западному кряжу. Поднявшись на вершину, мы стояли под порывами ветра, что дул с моря, и смотрели на едва заметную тропинку, которая вилась через заросли кустарников к невидимой обсерватории. Внезапно мной, как никогда, овладело непреодолимое желание побыть одной среди этого могущества природы.

– Миссис Браун, наверно, вам с мистером Ханнафордом и Эдвардом лучше остаться здесь, – предложила я. – Отсюда еще видно наше поселение.

Объяснять причину – что меня одолевает желание уединиться на этих открытых всем ветрам просторах – мне не хотелось: она была слишком эксцентрична. Но миссис Браун поняла меня с полуслова.

– Да, миссис Макартур, – согласилась она, – тропинка бугристая. По такой топать маленькими ножками нелегко.

Не более бугристая, мы обе знали, нежели та, по которой мы только что взобрались на вершину.

– На обратном пути сам топать вверх он устанет, а нести его уже тяжело, – добавила я.

На самом деле, вовсе не тяжело. Ханнафорд обычно сажал Эдварда на плечи. Без малейших усилий. Для него это было все равно что плащ накинуть. Но мы с миссис Браун вместе сочинили правдоподобное объяснение и собирались придерживаться его.

В Девоне такое было бы невозможно, но здесь не Девон.

Стоило мне отойти на несколько шагов, и я уже ничего не узнавала вокруг. Миссис Браун и Ханнафорд только-только пропали из виду, а ощущение было такое, будто я одна на всем белом свете. Следы присутствия человека исчезли. Я оказалась в царстве листьев, камней, ветра. Ветви первозданных деревьев гнулись и шевелились, словно играя, птицы устремлялись друг к другу, а внизу сверкали и мерцали величественные воды Порт-Джексона, череда заливов и бухточек.

Я спускалась по тропинке, переступая с камня на камень неуклюже, размахивая руками, чтобы удержать равновесие, словно кружилась в танце с обступающей меня незнакомой природой, в танце, движения которого еще не выучила. Я чувствовала, что эта незнакомая природа наблюдает за мной – за неловкой женщиной в многослойной одежде, оступавшейся на камнях, юбками цеплявшейся за гибкие нижние ветки кустарников. Я постояла на выступе скалы, жадно вдыхая чистый воздух, и мне казалось, что порывистый ветер вот-вот подхватит меня и унесет куда-то вдаль.

С каждым шагом мне открывалось новое чудо: проглядывающие сквозь кусты волнующиеся синие воды бухты; дерево с гладкой розовой корой, на вид такой сочной, что кажется, будто она теплая на ощупь; отливающий желтым блеском нависающий каменистый выступ, снизу рыхлый и мягкий, как пирог. Ветер приносил соленый запах океана и непривычно терпкие, пряные ароматы кустарников и цветов. Это место – его ширь, глубина, высота – поражало своей объемностью. Жизнь здесь была ключом – открытое пространство, первозданная энергия ветра и деревьев, крики чаек, сверкающая вода. Я была одна – крупинка человечества в огромном пространстве, которое могло меня поглотить. Я озиралась по сторонам с таким чувством, словно глаза мои открылись впервые в жизни.

Тропинка была не такой уж и длинной, но для меня она стала путешествием в другой природный мир, в другой климат, в другую страну.

Ниже по склону я увидела вырубку. Она находилась в западной стороне, поэтому из нашего поселения ее было не разглядеть. На участке высилось странное сооружение: обычная хижина, каких много

в поселении, а к ней с одного бока была пристроена приземистая башня с наклонной островерхой крышей. Парусина, которой она была покрыта, морщилась складками, время от времени приоткрывая затененную вертикальную щель.

И там я заметила мистера Доуза. В клетчатой рубашке и в матросских брюках, подвернутых до икр. Он помешивал что-то в ведре; подойдя ближе, я увидела, что это побелка. В руке он держал большую кисть с жесткой щетиной. На парусине блестела сырая грунтовка, на которую мистер Доуз собирался нанести побелку. Он, конечно, забыл об уговоре с Тенчем. Не желал тратить время на скучающую женщину, которой от безделья вздумалось брать уроки астрономии. Я остановилась, намереваясь тихонько уйти, отложив свой визит до другого раза.

Но мистер Доуз, похоже, краем глаза все же заметил меня. Он поднял голову, и мне пришлось продолжить спуск. Я подхватила юбки, чтобы не цепляться за кусты и жесткую траву, и поспешила вниз по склону, то и дело спотыкаясь в громоздких башмаках. А, добравшись до обиталища мистера Доуза, оробела. Мы оба обратили взгляды на диковинную конструкцию из парусины.

– Плотник все время ворчал, – произнес мистер Доуз. – Эти кривые углы... видите? Без них не обойтись на верхней части крыши. Она должна быть смещена от центра, чтобы можно было вести наблюдения за небесными телами в зените. А трудность в том, что крыша должна вращаться, чтобы азимут можно было определять. А еще она должна закрываться в ненастную погоду, чтобы приборы не повредились. Это ведь, разумеется, самые дорогие и хрупкие предметы здесь, в обсерватории, а может, и во всей Новой Голландии, а это, должно быть, очень большой материк, хотя площадь его пока не известна.

Наконец он умолк. Поток слов, что лился из него, не встречая преграды, в конечном итоге, иссяк.

– Хороший плотник любит, чтобы у него было все чин чинком, – попыталась я выручить Доуза, но, видимо, выбрала не очень удачную фразу для поддержания разговора.

– Капитан Тенч упоминал, что вы хотели бы узнать немного о небесных телах, – сказал мистер Доуз.

В его голосе не слышалось энтузиазма, и я разозлилась на Тенча, а еще больше – на себя, за то, что поставила нас обоих в столь нелепое положение. Конечно, можно было бы просто отказаться от намерения узнать кое-что о звездах, но я не могла представить, как буду жить в течение долгих недель, не имея достаточно пищи для размышлений.

Он бросил взгляд на ведро с побелкой. Вонючая дрянь имела отвратительный сероватый оттенок. В качестве связующего вещества мистер Доуз, должно быть, использовал жир протухшей свинной или говяжьей солонины; никакого другого мяса в колонии не было. Побелка была готова, мистер Доуз уже успел нанести на парусину свежую грунтовку, чтобы известковый раствор держался, и явно надеялся, что я вот-вот уйду. Если ему придется разыгрывать передо мной джентльмена, грунтовка высохнет, и тогда нужно будет наносить ее заново.

Я заготовила в уме подходящую фразу, но с языка сорвалась совсем другая.

– Похоже, вы здесь прямо нарасхват, мистер Доуз.

Он чуть улыбнулся, обнажив зубы. Оттого, что они были кривыми, улыбка получилась скорбной, хотя, возможно, он не намеревался выразить скорбь.

– А тут еще я со своими требованиями, – добавила я.

Он снова посмотрел на парусиновую крышу, на ведро с побелкой. Сказал:

– Да. Надеюсь, я смогу вам помочь.

– Вижу, сейчас в вашей работе наступил самый ответственный момент, мистер Доуз, – заметила я. – Лучше я приду в другой раз.

За многие годы я приучила себя к выдержке и спокойствию, и вот с удивлением обнаружила, что сейчас я засуетилась от волнения, резко дернув юбку, которая зацепилась за ветку и вытянулась за мной, словно полотнище флага, при этом стали видны мои ботинки, похожие на рабочие башмаки. Торопясь уйти, я повернулась и уже через плечо бросила:

– В другой раз, мистер Доуз. Простите, ради бога. – При иных обстоятельствах это можно было бы счесть за грубость.

Я чувствовала, что Доуз смотрит мне вслед, видит, как в спешке я спотыкаюсь, хватаюсь за куст, куда более колючий, чем он казался на первый взгляд.

Я покраснела от стыда за свою ошибку

Слово «азимут» меня пугало. Я поняла, что, возможно, пытаюсь откусить больше, чем смогу прожевать. Но Тенч, настояв на занятиях, не оставил мне выбора: идти на попятную было бы не менее неловко, нежели отнимать время у мистера Доуза.

В следующий четверг мы с миссис Браун уже не стали придумывать неубедительных объяснений. Когда поднялись на вершину кряжа, она сняла свой чепец и села в выемку на камне, повторявшую контуры человеческого зада, Эдвард побежал к расселине, где на валуне лежали веточки, с которыми он играл в прошлый раз. Ханнафорд достал свою трубку.

А я пошла вниз по тропинке, на этот раз неторопливо, вспоминая движения танца. Спешить было незачем. В моем распоряжении имелось все время, какое было в этом новом мире.

Мистер Доуз, заслышав мои шаги, появился в дверях своей хижины. Стоял, расправляя рукава рубашки, проверяя, застегнута ли верхняя пуговица.

– День добрый, – поприветствовал он меня хриплым голосом, словно давно ни с кем не разговаривал. – Здравствуйте, миссис Макартур, добро пожаловать в обсерваторию.

На этот раз я приготовила ответ.

– Мистер Доуз, – начала я, – вы – занятой человек, а я бесцеремонно отнимаю у вас время. Вы очень любезны, что согласились удовлетворить мое праздное любопытство, но, ради бога, ни в коей мере не считайте себя обязанным. Приходите на следующей неделе в мой салон, как окрестил наши собрания капитан Тенч, я угощу вас чаем, и давайте забудем об уроках астрономии.

Свою речь я изложила в спокойной деловой манере, предлагая ему достойный выход из создавшейся ситуации. Тем не менее, снова оказавшись здесь, я жаждала войти в сооружение с парусиновой крышей, посмотреть в телескоп и узнать, что же такое азимут. Мне хотелось этого так сильно, как никогда не хотелось выучить еще один такт из менюэта австралийских колонистов.

А еще мне было стыдно. Мистер Доуз, в отличие от многих, не кичился своей ученостью, но действительно обладал глубокими

всесторонними знаниями. Глупо было рассчитывать, что я сумею понять хотя бы тысячную долю того, что он знал.

– Зря я это затеяла, мистер Доуз, – призналась я. И покраснела.

Даже почувствовала, что краснею. Знала, что на щеках моих рдеет безобразный румянец. Я поднесла к лицу ладонь в тщетной попытке охладить пылающую щеку столь же горячей рукой. От стыда я не могла посмотреть ему в глаза.

– Право же, миссис Макартур, – промолвил мистер Доуз, – я был бы счастлив...

И тут, видимо, вспомнил, что эту ничего не значащую фразу он уже произносил.

– Право же, я с большим удовольствием поделюсь своими знаниями.

Он кашлянул в ладонь, словно слова застредали у него в горле.

– Я дружу со звездами с самого детства, ведь среди сверстников друзей у меня не было, – пояснил он и снова печально улыбнулся. – И мне будет только в радость познакомить своих товарищей с человеком, которому, возможно, понравится в их компании.

И – надо же! – я почувствовала, как к глазам подступают слезы. Этот несуразный незнакомец взывал к той части моего существа, которую я от всех скрывала. Бойкая миссис Макартур, умевшая остроумными шутками позабавить Тенча, очаровательная миссис Макартур, ради которой доктор Урган был готов на всё, эта женщина, прятавшая свое подлинное «я» под хрупким панцирем наносной самоуверенности, была немало удивлена, что в разговоре, так похожем на обычную светскую беседу, мужчина произносит искренние слова, идущие из глубины его сердца, слова, что были понятны ее собственному сердцу.

Слепая и глухая

В хижине, разложив на столе веточки и плоды эвкалипта, мистер Доуз начал наш первый урок. Он рассказывал о солнце, о планетах, вращающихся вокруг него по своим орбитам, о том, что у одной из планет, а именно, у Земли, имеется как бы своя планета, луна, которая вращается вокруг нее, увеличивается или уменьшается в размерах в

зависимости от тени, которую отбрасывает на нее Земля... Здесь мистер Доуз заметил, что я перестала его понимать. Я смотрела на плоды эвкалипта и веточки, но не улавливала сути его объяснений, в общем-то, с самого начала.

Я знала, что я не глупа, но уроки мистера Кингдона никоим образом не подготовили меня к тому, с чем мне пришлось столкнуться на этом занятии. Священник считал, что девушкам достаточно освоить простейшую арифметику для ведения домашней бухгалтерии: сложение, вычитание, деление столбиком. Однако мистер Доуз не оперировал числами, ничего не складывал и не вычитал – он просто передвигал по столу веточки и плоды эвкалипта, составляя из них овалы и сопровождая свои действия объяснениями, которые мне не были понятны.

– Я вижу, вы не изучали геометрию, – наконец заключил он. Это было произнесено мягким тоном, но прозвучало так, будто геометрии не знает только слепой или глухой.

– Нет, мистер Доуз, не изучала, – подтвердила я.

Я чувствовала острую жалость к себе. Да уж, переоценила я свои способности.

– Мистер Доуз, вы безмерно великодушны, – добавила я, пытаюсь сохранить остатки собственного достоинства. – Но, видимо, звезды и планеты так и будут вращаться, не рассчитывая на то, что невежественная женщина когда-либо сумеет постичь процесс их движения.

В его взгляде, обращенном на меня, отразилось сильное чувство, сродни гневу.

– Не клеветайте на себя, миссис Макартур, – ответил он. – Никто не рождается со знанием геометрии. Вы как женщина не имели возможности получить самое элементарное образование в таких предметах, и то, что у вас есть желание восполнить этот пробел, только делает вам честь. Приходите на следующей неделе. Обещаю, мы добьемся более существенных успехов.

Хитрое устройство

Придя в хижину мистера Доуза на следующей неделе, я увидела на столе какое-то странное устройство, похожее на веретено. Я решила, что это станок для прядения или перемотки пряжи, и с ходу, не раздумывая, высказала свое предположение.

Мистер Доуз расхохотался. Смех у него был необычный: он как будто захлебывался им.

– Клянусь вам, миссис Макатур, – ответил он, – даже Королевский астроном не сразу распознал бы, что это такое. Я называю это устройство «модель планетной системы», хотя оно мало похоже на другие подобные модели, которые мне доводилось видеть.

Когда он улыбался, его лицо сразу становилось добродушным, вокруг глаз и у рта прорезались морщинки, образовавшиеся оттого, что он часто смеялся. Пусть мистера Доуза за глаза называли Его Святейшество, но он не был степенным, вечно серьезным человеком.

– Миссис Макатур, вы не поняли, что это такое, и я ничуть не удивлен, – сказал он. – Не очень умелая поделка, но все же это модель нашей солнечной системы. Шар в центре – это солнце, а вот этот шарик – наша Земля.

Мистер Доуз крутанул ручку сбоку устройства, и планеты пришли в движение, причем каждая вращалась с разной скоростью. Хитрый механизм: все планеты вращались по разным орбитам, некоторые медленно, другие быстро, но их приводило в движение одно и то же действие.

– Да, теперь вижу. И правда вращаются!

В своем восклицании я услышала гнев на саму себя, ведь я могла упустить свой шанс или мистер Доуз отмахнулся бы от меня как от глупой скучающей женщины. Но он, проигнорировав мой уничижительный тон, принялся объяснять. Не то, зачем нужна модель планетной системы – ему это было настолько очевидно, что и говорить не о чем, – а то, как он изготовил макет. Плотник дал ему чурки для центральной оси и планет, рассказывал мистер Доуз, а потом он обращался с просьбами к знакомым, и, наконец, лейтенант флота Брэдли сумел достать для него проволоку, которой он закрепил планеты на различных удалениях от центральной оси. Получилась модель планетной системы вверх тормашками, опутанная паутиной искривленных проводков, на концах которых покачивались планеты в виде выточенных из дерева неидеальных шаров.

Мистер Доуз предложил мне покрутить ручку, а сам держал руками основание, и мы, почти соприкасаясь головами, наблюдали движение миниатюрных планет вокруг маленького солнца.

– Можно представить, что ты Господь Бог, – заметила я, – а там внизу люди, и им кажется, что это они принимают решения, хотя на самом деле от нас ничего не зависит.

С запозданием я вспомнила, что мистер Доуз – приятель нашего священника, и, возможно, ему не понравятся слова женщины о том, что она возомнила себя Господом Богом.

– Вы прямо мысли мои читаете, миссис Макартур, – отозвался он. – Работая над моделью, я постоянно напоминал себе, что даже Его Святейшество лейтенант не способен ходить по воде.

Значит, мистеру Доузу было известно, что над ним иронизируют. Меня это приятно удивило. Он обещал быть куда более занятным собеседником, нежели Тенч, хоть у того всегда были заготовлены остроуты. Смеясь вместе с мистером Доузом, я чувствовала себя на много лет моложе. Мне было двадцать четыре, вроде бы уже зрелая женщина, но я вновь ощущала себя той девчонкой, какой была, когда мы дружили с Брайди – ветреной, веселой, откровенной и уверенной в себе. Тогда я бесстрашно хохотала без причины, а мой мир еще не ужался до маленьких размеров.

Единственный вопрос

Астрономия переворачивала все мои представления о мироздании: то, что казалось верным, верным не являлось. Например, я считала, что твердо стою на земляном полу хижины мистера Доуза, но на самом деле мои ноги, да и хижина эта, весь материк и океаны – все это, вращаясь с огромной скоростью, несло сквозь какую-то пустоту.

Эта мысль была настолько нелепой, что я невольно воскликнула:

– Но откуда это известно?

Сообразив, что мой вопрос прозвучал по-детски, я тут же пожалела о своих словах. Но мистер Доуз пришел в восторг.

– Отлично, миссис Макартур, – похвалил он. – Вы задали единственный вопрос, который имеет значение.

Он что – издевается? Мистер Доуз заметил, что меня одолевают сомнения. Я наблюдала, как он тщательно подбирает слова, которые наиболее точно выразили бы то, что было у него на уме.

– Мы сами определяем, что именно, по нашему мнению, нам известно, – отвечал мистер Доуз. – На основе имеющихся данных. В отсутствие дополнительных сведений нам ничего другого не остается. Но самонадеянность недопустима. Мы обязаны подвергать сомнению имеющиеся сведения, понимая, что они неполные. Ну и, конечно, нельзя быть категоричными в своих выводах. Чрезмерная уверенность – плохой помощник.

Казалось, мистер Доуз ставил под сомнение и собственные слова. Он смотрел в сторону, ища более точные формулировки. Но это была именно та истина, осенило вдруг меня, которая всегда была мне известна, просто сама я того не признавала. И суть ее состояла в том, что окружающий мир и мое место в нем – это то, что видно взору: оно, бывает, радует глаз, но полного доверия не заслуживает.

Прежде чем узнать самое основное о небесных телах, оказалось, сперва необходимо усвоить еще более основополагающие понятия, а до них – еще более основополагающие. Но мистер Доуз был терпеливым учителем. То, что сегодня воспринималось как обескураживающий набор слов, на следующей неделе обретало ясность, и бусинки знаний постепенно нанизывались на нить понимания. Я пришла к выводу, что непонимание – не повод для отчаяния. Наоборот, непонимание – первый шаг на пути к мудрости.

После того, как я изучила в астрономии все, что способна была постичь, мы перешли к ботанике. Колонисты, давая названия местным растениям, превращали их во второсортные подобия тех, что росли у них на родине. Местная вишня, дикий шпинат, петрушка из Ботани-Бэй. Теперь я училась видеть в них не жалкие пародии знакомых растений, а самостоятельные виды. Деревья, похожие на дубы, но уродливые, дававшие скудную тень в жаркий день, оказывается, были такими не просто так. Мистер Доуз обратил мое внимание на блестящие твердые листья: они были повернуты к солнцу краями, что позволяло им сохранять больше влаги. Он объяснил, почему листья на деревьях осенью не желтеют и не опадают.

– Почва здесь бедная, листья растут медленно, – сказал мистер Доуз. – Поэтому они научились выживать в тяжелых природных условиях.

Благодаря мистеру Доузу я поняла, что местные породы деревьев весьма разнообразны и обладают силой, какой никогда не было у дубов. Перестав сравнивать их с растениями своего детства, я стала замечать, как утонченно и грациозно сияющие листья на этих деревьях играют с солнечным светом, как их кроны качаются и извиваются под порывами ветра. И все же одно дерево было особенным: его мягкая светлая кора, многослойная, будто сложенные в стопку листы бумаги. Странное удивительное творение, причуда природы. Но мистер Доуз объяснил мне, что и такая кора возникла не просто так: ее слои защищают дерево от огня и воды.

Мне очень нравилось рассматривать листья и кору через лупу мистера Доуза. Под увеличительным стеклом каждый листочек и участок коры представлялся тайным природным уголком, целым ярким миром с упругими краями, скрытым внутри того, в котором жила я. Я поняла, что женщина, постигшая хотя бы азы ботаники, никогда не заскучает. Растения есть везде, где бы она ни находилась, и они будут кланяться и кивать ей, а потом выпрямляться, рассказывая о себе.

С тех давних занятий с мистером Кингдоном я не имела удовольствия напрягать ум, чтобы усвоить новый материал. И как же приятно, когда тебя хвалят за то, что ты наконец-то добилась успеха в постижении новой науки! Впервые самостоятельно, без помощи мистера Доуза, определив, к какому классу и роду принадлежит растение, я безумно возгордилась собой, аж самой смешно стало. Как же, теперь я так много знаю, никогда бы не подумала, что такие достижения мне под силу!

– Спасибо, мистер Доуз, – поблагодарила я. – За то, что теребите меня, не даете успокоиться. Заставляете делать больше того, на что я, как мне казалось, способна, и видеть больше того, о чем я могла только мечтать.

Я почувствовала, как к горлу подкатил комок, и умолкла.

– Миссис Макартур, – отвечал он, – вы очень способная и пытливая ученица. И я только рад, если мне удалось открыть для вас, скажем так, некие двери.

Этот пустяковый обмен любезностями спас нас обоих.

Неопровержимо достоверная история

Однажды, спускаясь по знакомой тропинке, я увидела, что у мистера Доуза гости – группа женщин-аборигенов с детьми, в сопровождении двух мужчин. Они сидели вокруг костра возле хижины. Мистер Доуз тоже сидел с ними. Я остановилась в нерешительности, но кто-то из детей заметил меня и сообщил взрослым. Все взгляды обратились в мою сторону. Мне ничего не оставалось, как продолжить спуск. Мистер Доуз поднялся мне навстречу.

– Позвольте представить вам моих друзей – коренных жителей Сиднея, – начал он.

Он пошел по кругу, словно джентльмен в светской гостиной.

– Веронг. Милба. Патьегаранг. Барингару. Даринга.

Мое ухо все имена воспринимало как какофонию звуков. Мистер Доуз, заметив мои затруднения, по нескольку раз повторял каждое имя и заставлял меня повторять за ним, пока я не произносила его правильно. Если внимательно вслушаться, имена аборигенов такие же простые, как Джеймс или Мэри Энн.

Затем мистер Доуз что-то сказал на незнакомом языке. Я разобрала в середине фразы лишь свою фамилию: миссис Макартур. Поставив себя на место аборигенов, я словно услышала ее впервые в жизни – набор звуков, куда более сложный, нежели Веронг или Даринга.

Мужчины – мускулистые, осанистые, замкнутые – в знак приветствия взглянули в мою сторону, но не в лицо мне, а чуть вбок. Они не выказывали недружелюбия, но и особенного радушия я не увидела. Они не утруждали себя любезностями, стремясь поддержать общение пустой болтовней и светскими улыбками. Они не считали нужным проявлять к кому-то интерес или избавлять кого-то от смущения. В них чувствовались мощь, властность, подкреплявшиеся не тем, что у них под рукой лежало оружие, а происходившие от уверенности в собственных навыках и знании мира, в котором они жили. Больше всего они напоминали мне моего дедушку – человека, наполненного верой, всегда жившего под сенью вечности.

Женщины тоже не смотрели на меня, но вели себя более приветливо. Было видно, что их страшно забавляют мои попытки повторить их имена, зато мою фамилию они произнесли без труда. Они со смехом переговаривались, явно обсуждая меня, но при этом чуть подвинулись, предлагая мне сесть рядом с ними на чистую землю. Я с радостью приняла их приглашение, но, усаживаясь, с непривычки запуталась в юбках, так что составить им компанию оказалось не так-то просто.

Познакомившись, мы дали понять друг другу, что хотели бы продолжить общение, и далее стали изъясняться на языке жестов. Я отметила про себя, что внимаю гостям мистера Доуза как-то по-особенному, словно слушаю их кожей, а не ушами.

Даринга показала мне свою дочку. Она была завернута в ту самую мягкую рыхлую кору, что очень похожа на бумагу. Чтобы выразить восхищение младенцем, никакой язык не нужен. Я с умилением рассматривала лицо малышки, выглядывавшее из необычного, но прочного одеяльца, погладила ее по щечке, как полагается, восторженными восклицаниями доставила удовольствие матери.

Даринга бережно положила малышку на землю и распеленала ее, чтобы я могла полюбоваться девочкой во всей ее красе. Та лежала, уставившись на меня серьезными глазенками, и жестикулировала кулачками. Ножки у нее были крепкие. В ней уже проглядывала будущая женщина. Даринга поглаживала малышку своими длинными лоснящимися пальцами, словно не могла устоять перед соблазном прикоснуться к нежной детской коже. Я глаз не могла оторвать от ее сильных уверенных рук. Королева-мать своей принцессы, она обращалась с дочерью одновременно властно и с любовью.

Никто никогда не говорил про «наших темнокожих сестер». Но Даринга была мне такой же сестрой, как любая из женщин, которых я знала: мать, как и я, она жила любовью к своему ребенку, нежила и ласкала дочь так же, как я – своего сына, и малышка смеялась в ответ, как и мой Эдвард, хоть он и был в младенчестве слаб здоровьем.

А ведь эта была женщина из племени, в котором, как меня всерьез заверяли, люди едят своих младенцев. Это убеждение передавалось из уст в уста, и никто никогда не спрашивал: «Откуда вы знаете?». Несколько предположений – и готова история, к тому же неопровержимо достоверная. И такие выдумки пускаются в путь по

свету, передаются будущим поколениям, не вызывая ни малейших сомнений.

Женщины беседовали между собой и с мистером Доузом. Их речь лилась плавно, без резких перепадов, как в английском, и ритм был другой: фраза начиналась твердо, а к концу ослабевала, как бы не настаивая на своей правоте. Трудно было представить, что на таком языке можно браниться. Мистер Доуз задавал вопросы медленно и с видимым трудом. Но женщины понимали его и отвечали. По ходу разговора он что-то записывал карандашом в небольшой синей тетради, явно пытаясь выучить их язык, но беседа при этом не прерывалась.

После того, как все вдоволь налюбовались малышкой и ее снова завернули в шаль из мягкой древесной коры, а мистер Доуз записал достаточно новых слов, женщины поднялись с земли, созвали своих детей и неторопливо двинулись по краю мыса в сторону соседней бухты. Мужчины уже ушли, причем так тихо, что я и не заметила. Видимо, как и в нашем обществе, в этом племени считалось, что у мужчин есть какие-то свои дела, которые женщин не касаются.

– Как вы могли убедиться, мои друзья великодушно согласились научить меня своему языку, – заговорил мистер Доуз. – И самое замечательное: это язык флективный! Как греческий!

Флективный, повторила я про себя. Что бы это значило? И что в этом замечательного?

– Когда слышишь какие-то слова из их языка, думаешь что их можно запомнить, – продолжал мистер Доуз. – Но нет, они забываются. Или кажется, что слышишь что-то более простое и вроде бы знакомое.

Он принялся быстро листать свою тетрадку, желая показать все свои записи. Разумеется, я ни одной не успевала прочитать.

– Помедленней, мистер Доуз, – попросила я. – Дайте посмотреть!

На некоторых страницах вверху стояла какая-нибудь буква, а сами страницы были поделены на два столбика, в которых были записаны пары слов: *Karingal* — твердый, прочный; *Karamanye* — болит живот; *Korrokoitbe* — глотать. На других страницах — какой-нибудь глагол, а ниже — глагольные формы, с пропусками: Видеть — *Naa*; я вижу — *Ngia Ni*. Ты видишь. Он видит. Мы видим. Вы видите. Они видят.

– Я думал, это будет не труднее, чем заполнять пропуска, – объяснил мистер Доуз. – Увы, самонадеянность до добра не доводит. Теперь у меня другой метод, если можно так выразиться. Вот, например, посмотрите, моя беседа с девочкой Патьегаранг. Записал так, как услышал. Что я говорил, что она говорила. Таким образом я смогу освоить живой язык, а не отдельные слова – ноготь или мочка уха. Надеюсь, со временем научусь и понимать.

Патьегаранг – девочка, вступающая в пору взросления, – тоже сидела вместе с женщинами возле хижины. Мистер Доуз сказал мне, что, несмотря на очевидные различия, она напоминала ему его младшую сестру.

– Патьегаранг во многом похожа на мою сестру, – продолжал он. – Такая же смышленная, веселая, любознательная. Когда я беседую с Патьегаранг, мне иногда кажется, будто я разговариваю с Энн.

Он плотно сжал губы, выражая сожаление.

– Моя сестра могла бы стать хорошим астрономом, – добавил мистер Доуз. – Но ей придется выйти замуж.

Мне нечего было сказать в утешение. Я знала, сколь ничтожна возможность счастья для женщины, которая могла бы стать хорошим астрономом. Изучение звезд для нее будет сводиться к тому, чтобы выйти во двор своего дома и смотреть на небо до тех пор, пока супруг и дети не позовут ее в дом.

Разные племена

Мистер Доуз не называл своих гостей аборигенами, тем более темнокожими собратями. Он объяснил мне, что назвать кого-то из них аборигеном – все равно что назвать англичанина европейцем: это будет соответствовать действительности лишь в оскорбительно общем смысле. Те люди, которые захаживают к нему, в основном относятся к племени гадигалов, объяснил он. Территория за соседней бухтой – место проживания племени вангалов. На противоположном берегу залива живет племя камерайгалов. На удалении от побережья, у истока реки, в том месте, которое мы называем Парраматта, живет племя бурраматтагалов.

– Слышите этот суффикс – *гал*? Вероятно, он означает «народ», «племя», – заметил мистер Доуз.

Он улыбнулся.

– Видите, не так уж это трудно. А какое красивое слово «Паррамаатта», оно имеет точное значение – «место, где живут угри».

Паррамаатта. Я слышала это слово и сама произносила его, десятки раз, не задумываясь о его значении. Просто туземное название определенного места. А теперь, каждый раз вспоминая это слово, я буду думать о том, что оно означает. Это не просто совокупность красивых звуков. Это название характеризует местность и вместе с тем людей, для которых она является родной и близкой.

Отголоски музыки

Однажды, как обычно, оставив миссис Браун и Ханнафорда на вершине кряжа, я спустилась по тропинке к хижине. По приближении я услышала чье-то пение и решила, что это мистер Доуз радостно поет сам себе, наслаждаясь своим одиночеством. Я даже думала уйти и наведаться к нему в другой раз. Но пока я топталась на месте в нерешительности, пение прекратилось и мистер Доуз сказал что-то на гадигальском языке. Ему отвечал чей-то юный голос. Я постучала.

– Входите, входите! – крикнул мистер Доуз.

Он сидел на стуле с карандашом в руке, перед ним на столе лежала тетрадь. У очага стояла Патъегаранг, а сидевший рядом с ней маленький мальчик – видимо, ее брат, имени которого я не слышала – поджаривал на огне ломтик хлеба, наколотый на кончик палки.

– Я пытаюсь научить Патъе прекрасной старинной песне «Зеленые рукава»^[19], – объяснил мистер Доуз. – А она учит меня одной из своих песен. И ей, и мне это дается нелегко.

«Твоим зеленым рукавам я жизнь без ропота отдам»^[20], – запел мистер Доуз. Эту песню я знала лучше всякой другой. Ее пел мне отец, сидя на краю моей кровати. Ногами я ощущала тепло его тела, на моем плече покоилась его большая узловатая ладонь. За окном завывал ветер, на шеях овец, передвигавшихся по загону, позвякивали колокольчики. Для меня это была самая знакомая песня на свете, но

глядя на девочку-аборигенку, для которой эта мелодия, судя по всему, была непривычной, я слышала ее словно в первый раз: чередование высоких и низких звуков, протяжных и кратких, которые то ширились, набирая силу, то затихали, сходя на нет.

Голос мистера Доуза не был звучным, но мелодию он выводил точно, не фальшивя. Во время пения черты его смягчились. Он неотрывно смотрел на девочку, и нить музыки связывала и сближала их. Но, когда он закончил петь, никакими уговорами не удавалось заставить ее сымитировать его исполнение. «Стесняется? – подумала я. – Или, может, озадачена?»

Наконец она подняла голову и запела свою песню. Первые звуки я различала: высокие, напряженные, они сменились вибрирующим монотонным речитативом. Я пыталась распознать мелодию, выделить ритм, но затем просто отдалась во власть ее пения. Это была не такая музыка, как менуэт или «Боже, храни короля». Но все же это была музыка, имевшая тот же источник, что и любая другая. Музыка примитивная, но стройная, понятная, и в то же время глубоко сокровенная – универсальный понятный язык, подарок одного человека другому.

Патьегаранг пела, стоя к нам лицом, а, закончив, продолжала высматривать отголоски своей музыки на наших лицах. До нас снова стали доноситься голоса природы: крики чаек, шелест деревьев на ветру, удары волн о скалы у подножья мыса.

– Спасибо тебе, Патья, – произнес мистер Доуз. – Твой подарок мы навсегда сохраним в наших сердцах.

Он улыбнулся девочке. Она улыбнулась в ответ, но потом перевела взгляд на меня. Я улыбнулась и кивнула, выражая свое восхищение, но она ожидала другой похвалы. Братишка ее уже съел поджаренный ломтик хлеба и теперь тоже смотрел на меня.

– Миссис Макартур, – обратился ко мне мистер Доуз, – а теперь, очевидно, ваша очередь. Вы должны нам что-нибудь спеть. По-моему, девочка ждет именно этого.

Я не знала, что стану петь, пока не раскрыла рот. Песня полилась сама собой: «На лугу я как-то гуляла, среди зеленой травы и цветов. В тот же день меня встретил любимый, среди зеленой травы и цветов». Эту песню напевала моя мама, помешивая в кастрюле заварной крем. Она говорила, что такой крем нельзя оставлять ни на секунду, а если

помешивать его, напевая, он никогда не свернется. Я ведь знала много песен, почему же выбрала именно эту?

Тяжелый?

Как-то в очередной четверг мистер Доуз предпринял еще одну попытку объяснить мне загадку обратного движения небесных светил относительно Земли. И, когда по тропинке к нам сошли Даринга и Милба с детьми, для меня это стало спасением. Мы их поприветствовали, мистер Доуз принес на лопате несколько угольков, и вскоре все мы уже сидели на земле вокруг небольшого костерка.

Я теперь могла худо-бедно произнести бужари гамаррува, что значит «доброе вам дня» на языке этих женщин, и даже понять их ответное приветствие. Это были первые иноязычные слова, что я выучила, если не считать девиза на латыни на фамильном гербе Кингдонов. И мне очень нравилось, что в постижении чуждого мне языка я продвинулась настолько, что даже способна обменяться парой слов во время приветствия. Это было ни с чем не сравнимое удовольствие.

Даринга что-то протараторила, обращаясь ко мне. Я ни слова не поняла из ее речи, даже когда она повторила свою фразу. Даринга размахивала руками, показывая то на меня, то на мистера Доуза. Было ясно, что она подтрунивает над нами, и все остальные находили ее шутку очень забавной. Я повернулась к мистеру Доузу. Судя по выражению его лица, он понимал, о чем она говорила, но на этот раз почему-то не хотел переводить.

– Объясните же, мистер Доуз, – попросила я. – Или мой лингвистический курс уже окончен?

Он пожевал губы, как многие обычно делают, когда их одолевают сомнения, но, будучи серьезным и честным наставником, отказать мне в просьбе не мог.

– Она спрашивает: «Он тяжелый?» – перевел он.

– Тяжелый? «Он тяжелый?» – повторила я.

Чувствовалось, что в этой фразе кроется некий глубокий смысл, который мне самой был неясен. Я только понимала, что мы с мистером Доузом стали объектом шуток и пристального внимания этих женщин.

А мистер Доуз густо покраснел. Покраснел до корней волос. Его смущение и подсказало мне, что же именно так всех забавляет. Тут-то меня и осенило, словно вспышка молнии сверкнула в мозгу: эти женщины думали – или делали вид, будто так считают, – что мы с мистером Доузом встречаемся не только ради занятий по астрономии. Теперь они внимательно наблюдали за нами, ища подтверждения своей догадке.

Все еще красный от смущения, мистер Доуз посмотрел на меня, и его пылкий взгляд сообщил мне то, что я давно знала, но даже мысли не допускала, что мне это известно. Его Святейшество лейтенант Доуз был отнюдь не монах. Напротив, он проявлял живой интерес к представительницам женского пола и, возможно, к одной из них в особенности.

С осознанием этого возникла другая мысль: что меня, как и Дарингу, интересовало, действительно ли мистер Доуз неровно дышит ко мне.

А Даринга тем временем, кивая на мистера Доуза, что-то вещала своим сородичам, отчего те покатывались со смеху. На этот раз она даже перешла на наш язык, сказав: «А парень-то что надо!» – и что-то еще, но дальше я не поняла, так как остальные слова потонули в ее смехе.

– Мистер Доуз, – обратилась я к своему наставнику. Голос мой срывался – то ли от смеха, то ли по какой другой причине. – Даринга что-то пытается мне сообщить, и мне без вашей помощи никак ее не понять!

Он замялся, но потом весело улыбнулся.

– У них есть предание, – начал он. – Похожее на миф о Плеядах или о Семи Сестрах. Так вот, в нем рассказывается о мужчине, преследующем женщин. А Даринга говорит следующее (боюсь, что это обо мне): «А парень-то что надо, но ты поосторожней с его дружкой».

– С вашим дружкой? – недоуменно произнесла я. – И кто же этот ваш дружок, мистер Доуз?

Он опустил глаза. Я проследила за его взглядом и, даром что замужняя женщина, тоже покраснела.

Миссис Макартур и мистер Доуз

После ухода женщин мы оба долго молчали. Я была спокойна, ощущая внутри себя некое радужное сияние, безмятежность и вместе с тем волнение, словно чего-то ждала. Спешить было некуда.

– Миссис Макартур, я хотел бы вам показать одно местечко, – наконец заговорил мистер Доуз, взяв меня за руку. Через его теплую влажную ладонь мне передавалась дрожь его тела, вызванная глубоким чувством.

«Кровать, должно быть», подумала я и внутренне сжалась, не желая так скоро переходить из нашего нынешнего состояния в то, которое ждало нас впереди. Мистер Доуз это почувствовал и сжал мою руку покрепче.

– Сюда, пожалуйста. – Он повел меня мимо хижины. По крутому склону мы стали спускаться к месту, откуда открывались сверкающие танцующие воды гавани.

– Я называю это место “*mon petit coin à moi*”^[21], – продолжал он. – Вы понимаете по-французски, миссис Макартур?

Французского я не знала, и он, не дожидаясь моего ответа, повторил, чтобы заполнить паузу:

– *Mon petit coin à moi*. – Молчание можно заполнить на любом языке, хоть на английском, французском или гадигальском. Это не суть важно. – Что значит «мой укромный уголок». Мой собственный уголок. *Mon petit coin* — мой уголок, *à moi* — мой собственный.

Вскоре, продравшись сквозь кусты, мы вышли к небольшой площадке, которую с трех сторон огораживала плотная растительность. Четвертая сторона – с видом на гавань – тоже была занавешена ветвями, но не полностью. Получалось такое укрытое местечко, комната из листьев.

– *Mon petit coin à moi*, – продолжал мистер Доуз. – Но теперь, пожалуй, его можно называть “*notre petit coin à nous*”. Что, разумеется, означает «наш укромный уголок».

Как и в тот первый день, когда он без умолку говорил о парусине, об азимуте и ворчливом плотнике, мистер Доуз и теперь за потоком слов, какие только приходили на ум, старался завуалировать переход наших отношений на новый уровень.

Пошарив под каменным выступом, он вытащил одеяло и расстелил его на гладкой каменной полке высотой со стул или кровать.

– Видите, – сказал он, – в *mon petit coin* есть все необходимое, ведь я провожу здесь много времени.

– *Mon petit...* как вы говорите, мистер Доуз?

Слушая себя – как я произношу иностранные слова, повторяя за ним каждый слог, – я чувствовала, что сама становлюсь частью его существа. Но главное, что слова, которые мы вместе произносили, мы и понимали одинаково: какое счастье иметь такой укромный уголок, где можно быть самими собой. «*A moi*». Только мой, собственный.

Нет, не было никакого «удара грома». Все происходило спокойно и естественно, как тает ледяной покров ручейка. Сначала совсем ничего не видно, но потом лед трескается, раскалывается и его уносит течением; обнажается то, что всегда существовало: неслабеющий поток взаимного влечения.

Отношения между нами всегда были предельно просты. Нас связывали взаимная симпатия и приятное времяпрепровождение. Он был чутким и пылким партнером. Много смеялся, обдавая дыханием мое ухо. Чем бы мы ни занимались, я всегда оставалась миссис Макартур, а он – мистером Доузом. И эти официальные формы обращения нам обоим доставляли огромное удовольствие, равно как и наши взаимные ласки.

В его объятиях я млела, его близость будоражила кровь. Привычка быть миссис Макартур – добропорядочной, учтивой, сдержанной дамой – выросла вокруг меня, словно старая одежда, в которой каждый стежок был мне знаком. И вот этот покров спал, обнажая то, что внутри. С мистером Доузом, этим удивительным мужчиной, я поистине стала хозяйкой собственного тела, которое страстно желало другого тела и кричало от полного наслаждения.

На маленьком одеяле лежать вдвоем можно было только прижавшись друг к другу, Мы ощущали тепло наших тел и биение наших сердец. Разговаривая, просто выдыхали слова.

– Вы сказали, что покраснели от стыда за свою ошибку, – прошептал мистер Доуз. – А я посмотрел на вас и увидел, что вы и вправду покраснели. Невозмутимая миссис Макартур зарделась как красный мак.

Он коснулся моей щеки, которую тогда заливала краска стыда.
– Миссис Макартур, румянец вам к лицу.

Дар

Удивительно, что мистер Доуз, по-своему сдержанный и осторожный, как и я, разглядел во мне родственную душу. Теперь я понимаю, что он разглядел щит. Он знал, на что похож этот щит и зачем нужен, потому как сам прятался за таким же.

Красавцем он не был, но мне его внешность нравилась. Родом он был из Портсмута. Его отец служил клерком в Управлении вооружений. Он учился на государственное пособие, в школе подвергался травле со стороны одноклассников за то, что был из бедной семьи. Утешением ему служили звезды и планеты: прекрасные в своем бесстрастном великолепии, они величаво шествовали по небесному своду, скрашивая его одиночество. Он стал лейтенантом военно-морского флота, потому что на каждом судне должен быть человек, умеющий по звездам определять местоположение корабля на просторах океана. Чудак со странными увлечениями, по мнению сослуживцев, он научился скрывать свое подлинное «я». И он рад, признался мистер Доуз, что обязанность наблюдать за звездами служит ему оправданием того, что он не живет в поселении.

Портсмут находился не так уж близко от Бриджрула, но все же не на другом конце страны. И я с мучительным удовольствием предавалась мечтам о том, как сложилась бы моя жизнь, если б за той живой изгородью я оказалась с мистером Доузом.

В рамках границ простительной человеческой глупости мы постепенно стали близкими людьми. В течение короткого периода летних месяцев мы блаженствовали в счастье, которое ощущалось особенно остро, потому что сопровождалось чувством опасности. Счастье. Как просто писать это слово и вспоминать это чувство! Но не стоит пытаться глубже понять природу этого счастья, это еще одна глупость. Могу лишь сказать, что наше счастье – это был дар, и я благодарна за него.

Из нашей комнатки из листвы мы слышали, как бьются о берег волны, наблюдали, как чайки кружат в вышине, парят в потоках ветра. Если посмотреть оттуда на восток или на запад, казалось, что залив кончается, его ограничивают поросшие деревьями мысы, словно эта гигантская акватория была лишь озером, которое принадлежало только нам одним. Время от времени мы видели гадигалов или камерайгалов: они ловили рыбу с лодок, сделанных из древесной коры. Иногда внизу проходил пакетбот, направлявшийся в Парраматту или возвращавшийся оттуда; до нас доносились трепет паруса или стук весел о борта. Однажды мы видели нашего священника в корабельной шлюпке, с кормы которой свисала удочка. Но за нашей ширмой из листвы мы забывали о внешнем мире, в котором миссис Макартур и мистер Доуз были опутаны сетями невозможного.

С приближением вечера мы любовались мерцанием залива в лучах заходящего солнца; в это время суток свет словно висел среди листьев кустарников, со всех сторон на нас взирала полная тишь. С появлением на небе вечерней звезды – Венеры, как называли ее мы, астрономы, – я поднималась, собираясь уходить. И каждый раз обещала себе, что обязательно сюда вернусь. А до тех пор Венера каждый вечер будет напоминать мне об этом другом мире.

Мы никогда не говорили о мистере Макартуре. Никогда не обсуждали будущее. Мы понимали, что никакого общего будущего у нас быть не может.

Доверие

Вскоре после того, как мы с мистером Доузом познали друг друга, я решила побеседовать с миссис Браун на неудобную тему. Она была проницательной женщиной, и наш заведенный порядок по четвергам – когда миссис Макартур исчезала, уходя вниз по тропинке, – наверняка давал ей пищу для размышлений. С каждой неделей я чувствовала все большую потребность сказать ей: «Только не говорите мистеру Макартуру».

Мы, как обычно, поднимались на вершину кряжа. Ханнафорд, с Эдвардом на плечах, ушел вперед. До нас доносились крики моего

сына: он изображал пристава. Ханнафорд, подыгрывая ему, чеканил шаг, поворачивался кругом, останавливался, чтобы «взять на караул».

– Миссис Браун, я должна вам сказать, – начала я, – что мистер Доуз – очень необычный человек. Не компанейский. Ему больше нравится одиночество.

Я вспомнила мистера Доуза с его друзьями-гадигалами и вангалами, как он дурачился, осваивая их язык: изображал, как ест, ходил на четвереньках, чесал под мышкой – на потеху своей публике.

– Да, миссис Макартур, – отозвалась миссис Браун.

– Поэтому он предпочитает...

Я пыталась подыскать нужные слова. Сказать «предпочитает быть со мной наедине» было бы слишком откровенно.

– Предпочитает, чтобы нам не мешали. Я – нерадивая ученица, миссис Браун, постоянно отвлекаюсь!

– Понимаю, миссис Макартур.

Не слышалась ли мне в ее голосе насмешка? Однако лицо миссис Браун было спрятано за капором.

– Конечно, так не принято, – продолжала я. – Замужняя женщина...

Шедший впереди с Эдвардом на плечах Ханнафорд обернулся и остановился, ожидая нас. И миссис Браун быстро, словно теряя со мной терпение, развеяла все мои тревоги.

– Понимаю, – повторила она. – Миссис Макартур, уверяю вас, ни меня, ни Ханнафорда занятия ученицы с учителем абсолютно не касаются. Это исключительно их личное дело.

Она повернулась и посмотрела мне прямо в глаза. На несколько секунд мы перестали быть госпожой и служанкой. Мы были просто женщинами, которые понимали друг друга.

– Миссис Макартур, вы можете на нас положиться, – сказала она. – На нас с Ханнафордом. Мы понимаем, о чем вы говорите.

На нас. На нас с Ханнафордом. Занятая собственными переживаниями, я не обращала внимания на то, что видела каждый четверг, когда, преодолев подъем, возвращалась на площадку: миссис Браун и Ханнафорд тихо беседовали, сидя рядышком на камне, а Эдвард играл у их ног – милая семейная идиллия. Эти люди, несмотря на все невзгоды, не утратили того же желания, что связывало и нас с мистером Доузом, – желания найти спутника жизни. Я могла на них

положиться. По доброй воле они ни за что не откажутся от возможности посидеть рядышком на вершине кряжа.

Мотылек

Как это ни удивительно, но мистер Макартур, казалось, не замечал, что происходит. Неужели не видел, какой счастливой и умиротворенной я возвращалась домой после занятий с мистером Доузом? Однако ему был понятен лишь животный аспект взаимоотношений между мужчиной и женщиной, поэтому ему и в голову не приходило, что люди могут испытывать нежность.

В глазах мистера Макатура, равно как и Тенча, мистер Доуз был одаренный клоун, несуразная машина для математических расчетов. Звезды, а также место, откуда можно наблюдать за ними – вот, казалось, и все, что ему нужно. Такие скромные потребности заслуживали презрения. У него не было амбиций, он не любил интриг, победа над соперником не доставляла ему радости. По мнению мистера Макатура, человек с такими недостатками едва ли мог считаться мужчиной.

На первых порах свои визиты к мистеру Доузу я оправдывала тем, что для занятий астрономией требуется модель планет, а ее не перевезешь. Когда помимо астрономии мы стали изучать ботанику, я объясняла, что выступающий в море мыс, где жил мистер Доуз, – лучшее место для наблюдения за нежными растениями, которые в районах, прилегающих к нашему поселению, давно уже вытоптали. Эти причины были признаны уважительными, и мистер Макартур не препятствовал моим еженедельным визитам в обсерваторию. Само собой подразумевалось, что Ханнафорд и миссис Браун сопровождали меня в обсерваторию, и, поскольку мистера Макатура подробности не очень интересовали, к откровенной лжи прибегать не приходилось.

Но все же изредка муж справлялся о моих еженедельных уроках, и я тогда неизменно задумывалась, не вызваны ли его вопросы подозрительностью, о которой он даже не сам догадывается. Разумеется, я сообщала ему лишь «сухую выжимку» из тех богатств, которые получала.

– Вот, например, такой интересный факт, мистер Макартур, – начинала я. – Знаете ли вы, что те растения, которые дают стручок, похожий на боб, относятся к семейству мотыльковых, а называется оно так потому, что их цветок похож на бабочку – или на мотылька?

Мистер Макартур никогда не считал нужным воспринимать информацию в объеме более одного предложения. Он всегда находил причину выйти из комнаты или вдруг погружался в чтение какой-нибудь книги, – и все, на ближайшую неделю больше ни слова о ботанике или астрономии.

Одна фамилия

В одном из своих писем Брайди я чуть не сболтнула лишнего. Это было в самый разгар нашей дружбы с мистером Доузом. Сейчас я держу это письмо в руке. Когда я его писала, думала, что просто рассказываю Брайди о разных людях, составлявших наше общество. Но теперь вспоминаю, что испытывала огромное удовольствие, стараясь изложить свои новости так, чтобы несколько раз упомянуть фамилию одного человека. «Мистер Доуз, капитан Тенч и еще несколько человек – они и составляют наш круг общения». Вполне невинная информация. И потом: «Под руководством мистера Доуза я достигла небольших успехов в ботанике». А вот в этом месте, помнится, я улыбнулась про себя: «Мистер Доуз так увлечен звездами, что он не всегда видим для глаз простых смертных». И в конце я все же не удержалась от шутки, которая будет понятна не всем: «Я была столь самонадеянна, что решила стать ученицей мистера Доуза, но вскоре поняла, что переоценила свои возможности, и теперь краснею за свою ошибку».

Краснею за свою ошибку! Читая эти поблекшие от времени строки, я улыбаюсь, вспоминая, как я радовалась, что нашла способ сообщить свою тайну, – в зашифрованном виде, как мне казалось. Я считала себя очень умной. А теперь вижу, что в этом письме правда изложена так, словно ее кричат во весь голос с крыши дома.

Опасное знакомство

Миссис Браун и Ханнафорду я доверяла, но опасалась, что в поселении численностью в тысячу человек, проживающих на небольшом расчищенном пятачке среди лесов, никаких секретов быть не может. Особенно если один из его обитателей пишет книгу. С писателем водить знакомство опасно. Однажды днем мы с Тенчем случайно встретились у моста. Он остановился, чтобы поговорить со мной; я одарила его самой любезной улыбкой, какую сумела изобразить. Предупредила себя: «Будь настороже».

– Ну что, миссис М., как ваши успехи в изучении астрономии? – начал Тенч. – Мне с таким трудом удалось договориться о ваших уроках. Надеюсь, я не зря старался?

Казалось бы, вполне невинный вопрос, но Тенч никогда не задавал невинных вопросов. Неужели ему известно?

Он подошел ко мне вплотную.

– Нелегко было убедить Его Святейшество, – тихо сказал он, словно делился со мной секретом. – Мне это стоило огромных усилий, вы уж поверьте, но ради вас, моя дражайшая леди, я готов горы свернуть.

Тенч говорил пафосным тоном и смотрел на меня со страстью во взоре. Нет, не известно, заключила я. Он остановил меня у моста, чтобы расспросить о занятиях астрономией, ну и заодно изобразить из себя влюбленного лебедя. Я собралась было съязвить – не соблаговолит ли он убить ради меня дракона? – но передумала. Любую реплику, сколь бы ироничной она ни была, он воспримет как следующий шаг в ритуале флирта.

С тех пор, как капитан Тенч смутил меня прозвищем «Джек Корсет», я держалась с ним более холодно. Но он был из тех мужчин, которые считают, что ни одна женщина не сможет перед ними устоять, и, судя по его лукавым взглядам, мое охлаждение воспринимал как шаг назад перед новым сближением. Больше экзаменов он мне не устраивал. В последнее время Тенч вел себя исключительно галантно, учтиво, вежливо. Но ждал от меня следующего шага в той игре, что он затеял со мной.

Я предпочла бы вообще не замечать его до окончания пребывания частей морской пехоты в Новом Южном Уэльсе, но вовсе не знаться с ним я не могла, ибо я поняла, что мне от него кое-что нужно, а именно: его молчание. Пусть он ни о чем не догадывался, но в своей книге

еженедельные визиты миссис Макартур в обсерваторию запросто мог описать таким образом, что у определенной категории читателей невольно возникли бы подозрения. Возможно, это случится не скоро, в отдаленном будущем, но даже тогда последствия для меня будут тяжелыми. Капитан Тенч этого не признавал, но в его власти было погубить меня. Так или иначе, но я должна была добиться того, чтобы он не упоминал меня в своей книге.

– Миссис М., мы с мистером Доузом не так давно вернулись из экспедиции вглубь материка, – сообщил Тенч. – И поверьте мне, если бы этот джентльмен не был столь сведущ в науке ориентирования на местности, мы до сих пор плутали бы там где-нибудь! Ночью при свете костра он прокладывал наш курс, выверял его по таблице разности широт и отшествий, определяя наше точное местоположение: весьма замечательное достижение, надо сказать. Непременно напишу об этом в своих заметках о нашей колонии.

Сказал: «замечательное», а тон и улыбка подразумевали «занимательное». Можно было представить, каким он изобразит бедного мистера Доуза в своей книге – как нелепого ученого зануду.

Но тут я увидела свой шанс.

– Ой-ой, капитан Тенч! – воскликнула я, надеясь, что игриво. – Вижу, вы ни перед чем не остановитесь ради развлечения своих читателей, а они только этого и ждут!

– Да, моя дорогая леди, вы, как всегда, правы. – Тенч отвесил мне поклон.

Глаза его загорелись. Наверняка подумал: «Ага! Наконец-то!»

– Должна заметить, сэр, – сказала я, – что некоторые из нас люди стеснительные и не хотят быть упомянутыми в вашей книге. Если я заподозрю, что вы откладываете в памяти то, что я рассказываю вам о своих делах, дабы впоследствии изложить это в своих мемуарах, я, как это ни прискорбно, в вашем присутствии буду держать рот на замке!

Я постаралась произнести эту фразу по возможности безопасно, но все же он что-то уловил в моем тоне.

– Даже немая, мадам, вы будете прелестной собеседницей, – ответил галантный Тенч.

Я чувствовала, что его цепкий ум насторожился.

– Да, но я предпочла бы свободно выражать свои мысли, – сказала я. – Пообещайте, пожалуйста, что не станете упоминать меня в своей

книге?

– Но, моя дорогая миссис М., тогда любой бы сказал: значит, вам есть что скрывать. Может, где-то здесь за деревом прячется любовник?!

Довольный своей шуткой, он со смехом демонстративно огляделся. И снова впился в меня пристальным взглядом.

«Нельзя переходить на серьезный тон, – сказала я себе, – а то он почует запах тайны». Слишком поздно сообразила я, что, обращаясь к Тенчу с просьбой не писать обо мне, я сама вложила ему в руки оружие, которого так опасалась. Грудь сдавило от страха.

Лучшая защита от графомана – выдать себя за скучную особу, но это мы уже «проехали». Капитан Тенч ни за что не поверил бы, что я в одночасье превратилась в Мэри Джонсон.

– Дорогой сэр, – я понизила голос, словно говорила неохотно, – вы, конечно же, понимаете мое положение. Здесь нас, женщин, мало, и, боюсь, упоминание одной привлечет внимание, словно громкий крик. Вы же знаете, как мужчины любят – скажем так – пошутить по поводу представительниц прекрасного пола.

Это был удачный ход. Пошутить по поводу представительниц прекрасного пола. Эта моя фраза сразу же вернула нас в привычную для Тенча стихию, где женщины и мужчины оценивают друг друга за завесой шутилой беседы. Я тепло улыбнулась ему, в то же время надеясь, что сейчас мистер Макартур не наблюдает за мной и не видит, что мы увлечены разговором с глазу на глаз: это поставило бы меня в крайне неприятное положение. Мой очарованный воздыхатель улыбнулся в ответ, но я чувствовала: пытливый писатель не утратил бдительности.

– Я полностью в вашей власти, дорогой сэр. – Я беспомощно развела руками, при этом нечаянно коснувшись его руки. – Могу лишь надеяться, что вы поступите так, как подобает джентльмену.

Сын учителя танцев не смог устоять перед таким призывом.

– Конечно, конечно, миссис М., даю вам слово джентльмена! – поклялся Тенч, да с таким пылом, что я испугалась, как бы он не пал передо мной на одно колено. Но он вместо этого попытался взять меня за руку, ненароком коснувшись моей ноги. Наконец поймал ее, но неловко – за большой палец. Я отдернула руку. Здесь, на мосту, мы

были на всеобщем обозрении, как на театральной сцене. Это была опасная игра. Тенч придвинулся ближе и пробормотал мне на ухо:

– Моя дражайшая леди, ваш беспомощный поклонник повинуется вам. В моей книге вы не будете упомянуты ни разу. Слово чести.

«В моей книге вы не будете упомянуты ни разу». Передо мной на столе его книга, с дарственной надписью: «Моему дорогому другу Джону Макатуру, с величайшим восхищением и уважением». Капитан Тенч сдержал свое слово: в своей книге обо мне он не рассказывает. Но он не утерпел и всё же нашел лазейку, проявив изобретательность, достойную самого уважаемого Джона Макатура: упомянул меня в одной из сносок. Мимоходом. Просто констатировал факт, что я присутствовала на одном званом ужине в резиденции губернатора. Конечно, человек с пытливым складом ума мог бы задуматься, зачем автор вообще назвал мое имя, но я живо представляю, как Тенч улыбался, сочиняя эту сноску.

А мистер Макатур в книге вообще не фигурирует. Мой супруг не заслужил упоминания даже в сноске. Он, пожалуй, мог бы оскорбиться, если бы не столь лестная дарственная надпись! Во всяком случае, если Тенч рассчитывал, что мистер Макатур не станет читать его книгу, он оказался прав.

Позорная шляпа

Мистер Доуз редко появлялся в поселении. Но однажды утром смотрю – он идет мне навстречу по пыльной дороге, что пролегала мимо казарм. Уже издали была видна его улыбка, белозубая на фоне загорелого лица. Когда мы сблизились, я подумала, он заключит меня в объятия.

Разумеется, ничего такого он не сделал. Просто остановился, приподнял свою позорную шляпу с темной полосой от пота и трещиной на изгибе. Мы кивнули друг другу – степенно, будто церковные старосты.

– Доброе утро, миссис Макатур, – поздоровался мистер Доуз, и даже самый умный человек не догадался бы, что вчера днем он был ближе к миссис Макатур, чем любой другой мужчина на свете, за

исключением ее супруга. Впрочем, он был даже ближе, чем супруг миссис Макартур. Ведь тот был вправе что угодно делать с ее ногами и руками, но к душе миссис Макартур прикоснуться не мог.

И только когда мы отошли друг от друга на безопасное расстояние, я задумалась о том, видел ли нас кто-нибудь. В поселении всегда кто-то мог тебя увидеть, пусть и не такой опасный человек, как капитан Тенч. В сущности, ничего не произошло, ничего особенного не было сказано. Мы ни жестом, ни словом не выдали своих чувств. И все же воздух, казалось, зазвенел от восторга. Просто не верилось, что никто не ощущает, как все вокруг наполняется гудом и жужжанием, когда мы с мистером Доузом находимся рядом.

Все это походило на безумие. Действительно, мало кто из колонистов навещал мистера Доуза. Верно и то, что мы были надежно укрыты от чужих глаз в нашей комнате из листвы, а тропинку, ведущую к его дому, охраняли миссис Браун и Ханнафорд. Но все же я знала, что к нему иногда заглядывает Тенч, а может, кто-то еще.

Только безумцы могли решиться на такое. Но мы ни о чем не думали, просто плыли по течению от свидания к свиданию. Сейчас я вспоминаю это с изумлением, замираю от давнего страха. От страха и от страсти. Я не забыла ощущений, которые дарила близость с ним. Я уже старая женщина, но и по сей день от этих воспоминаний во мне играет кровь, а лицо заливают краской смущения, а это значит, что я еще жива.

Непостижимое это явление – страсть, такое же загадочное, как странная покосившаяся модель планетной системы. Каждый мужчина движется по своей орбите, каждая женщина – по своей, и все думают, что прокладывают свой собственный курс. А на самом деле нами управляет некий невидимый механизм, приводимый в движение одними и те же силами: стремлением соединиться с другим существом, жгучим желанием найти родственную душу. Все мы постоянно находимся в движении, но расстояние между нами никогда не сокращается.

Взять хотя бы меня. Что мной управляло? Страсть – и это было потрясающее открытие! А еще честолюбие: я была рада снова

встретиться с той смелой молодой женщиной, которая считала себя хозяйкой собственной судьбы.

А теперь позвольте немного подразнить вас, неизвестный мой читатель, и напомнить, что доказательством описываемых событий являются только мои слова. Эта история о переплетении двух сердец, произошедшая в 1791 году в Сиднее, нигде не зафиксирована, кроме как в документе, который вы сейчас читаете. Вам кажется, что это достоверный источник. Но, может, это просто озорные выдумки лукавой старухи?

Клевета

Со временем мой салон стал меня утомлять. Мне ведь приходилось постоянно балансировать, словно на канате, очаровывая капитана Тенча, чтобы он не нарушил своей клятвы, но в то же время не подпуская его к себе слишком близко. Подавая гостям чашки с чаем, я чувствовала, что улыбка на моем лице такая же хрупкая, как фарфор у меня в руках.

А Тенч, как кот, невозмутимо следовал за мной по пятам. Он уже понял, что ничего от меня не добьётся, да, пожалуй, и не очень-то хотел. Его возбуждал сам флирт, а вернее, процесс подчинения своему влиянию: он постоянно старался сделать меня участницей каких-то своих тайных интриг.

И вот во время одного из приемов, когда я протянула ему чашку с чаем, он, принимая ее, накрыл мои пальцы своими гладкими холодными пальцами и долго их не отнимал. Чашку я бросить не могла, да и возмущение вроде как было неуместно. Любой, кто наблюдал за нами, его улыбку расценил бы как знак благодарности за чай, за гостеприимство, а это невинные поводы для того, чтобы улыбнуться. А Тенч, чувствовалось, доволен, что заставил меня участвовать в этом тайном соприкосновении.

Наконец он взял чашку. Я отвернулась, с трудом сдерживаясь, чтобы не вытереть руку о юбку. Наблюдая за моей реакцией, он тихо сказал доверительным тоном:

– Кстати, миссис Макартур, вчера я был в обсерватории, навещал нашего общего друга, мистера Доуза. И мы говорили о вас, моя

дорогая миссис М., и о том, чем вы там занимаетесь.

О том, чем вы там занимаетесь! Ему известно! Теперь известно. Но я не должна выдавать свое волнение. Не должна лить чай мимо чашки. Ни один мускул не должен дрогнуть на моем лице! Если что, буду все отрицать. Еще не поздно. Я раздвинула губы в светской улыбке, но мои ноги дрожали, сердце неприятно грохотало в груди. К горлу подступил комок, от которого хотелось избавиться, – комок страха.

– Он говорит, вы делаете большие успехи в изучении астрономии, – продолжал Тенч. – А также проявляете замечательные способности в ботанике.

Я взглянула на него, но он в этот самый момент отвернулся, кладя в чай сахар, после чего аккуратно опустил крышку сахарницы на место. Он что – забавляется со мной, как кошка с мышкой?

– О, я на редкость бестолковая ученица, – сказала я, нарочито шутивым тоном. – Но могу назвать планеты в порядке их удаленности от солнца.

И начала перечислять, рассчитывая обилием фактической информации повернуть ход беседы в сторону от того, к чему вел Тенч. Но я дошла только до Марса.

– Да, Доуз и впрямь не преувеличивал, – перебил меня Тенч. – Вы действительно делаете большие успехи. А вот интересно, он познакомил вас со своими друзьями-аборигенами?

– Да, познакомил, – ответила я. – Они довольно часто приходят к нему в гости.

В памяти сразу же всплыл вопрос «Он тяжелый?», но я его отогнала. И рот теперь боялась раскрыть: вдруг с языка сорвется именно эта фраза? А Тенч спокойно размешал в чашке сахар и осторожно положил ложечку на блюдце, кивая для вида, как обычно кивает человек, который не слушает. Я догадалась, что он заранее продумал этот разговор и свой последний вопрос задал лишь для того, чтобы повернуть беседу в нужном ему направлении.

– А вы случайно не встречали там одну аборигенку, с которой мистер Доуз особенно подружился? – Тенч посмотрел мне в глаза и подмигнул. – Юная девушка? Он выделяет ее среди остальных? Кажется, ее зовут Патти.

Я не очень умею лицемерить и не смогла скрыть своих чувств: возмущения, отвращения, презрения.

– О, капитан Тенч, я просто потрясена! – вскричала я.

Да, я была потрясена. Словами человека, придумавшего столь гнусную ложь.

Уже хотела опровергнуть его слова, в качестве доказательства упомянув сестру мистера Доуза, о которой тот мне рассказывал. Но спор придал бы этой лжи еще больше правдоподобия, и в любом случае я только зря сотрясала бы воздух. Тенч уже забыл, что поначалу с его стороны это была чистой воды спекуляция. Предположение плавно переросло в то, что он считал очевидным фактом. Эта ложь строилась на достоверных сведениях, а потому была убедительной. Что наделяло ее дурной силой, которую никакая правда не могла преодолеть.

Удивительно, как в мгновение ока может переключиться мозг человека! Едва слово «потрясена» слетело с губ, как я вдруг сообразила: зачем что-то оспаривать, когда из этого можно извлечь выгоду? Если Тенч, как он уверен, уже точно знает, что происходит в обсерватории, значит, возможно, он не станет копаться в наших с Доузом взаимоотношениях. Его собственная поганая выдумка может послужить отличной ширмой или отвлекающим маневром. При всей своей изобретательности я не сумела бы придумать более действенный способ отвлечь его от «того, чем вы там занимаетесь».

– Надо же, и это наш добропорядочный мистер Доуз, – посетовала я. – Кто бы мог подумать?!

В моем голосе слышалось явное облегчение. Тенч тоже это уловил – и удивился.

– Да, я видела, что он общается с аборигенами, – продолжала я, под укоризненным тоном стремясь завуалировать свое облегчение. – Мне он сказал, что учит их язык!

– Простите, что так смутил вас, миссис М., – произнес Тенч серьезным тоном. – А девочка-то – совсем еще ребенок.

Он покачал головой, якобы горестно, но видно было, что им владеет возбуждение. Непристойное возбуждение. Тенч ликовал, празднуя победу. С того самого момента, когда он лукаво погладил мои пальцы, именно к этому он и вел наш разговор: как и в случае с

прозвищем «Джек Корсет», хотел поделиться со мной скабрёжным секретом и вовлечь меня в эту гнусность.

Ну и пусть. Он думал, что связал меня своим секретом. И никогда не узнает, что на самом деле это он угодил в западню моей тайны. Чем чаще капитан Тенч будет рассказывать историю о мистере Доузе и Патъегаранг, тем меньше будет риск для мистера Доуза и миссис Макартур. Пусть теперь сколько угодно гладит мои пальцы и шепчет мне на ухо разные глупости, я его больше не боюсь.

В тот день мой салон Тенч покинул последним. Я проводила его до двери. Он взял мою руку, склонился над ней, и я позволила ему ее поцеловать. Насвистывая какую-то мелодию, Тенч пошел прочь. Я смотрела ему вслед, пока он не исчез в той стороне, где стояли казармы. Тенч был очень доволен тем, что ему известна чужая тайна, хоть и лживая.

Не надо ничего объяснять

История мистера Доуза и миссис Макартур завершилась не так, как обычно завершаются такие истории в любовных романах. Нас не разоблачили. Другая женщина не заняла мое место. Никто не погиб. А то, что на самом деле произошло, было и проще, и загадочней. Просто однажды утром на рассвете, лёжа в постели рядом с мистером Макартуром, я вдруг поняла, что так жить нельзя.

Во время наших встреч с мистером Доузом стала формироваться новая Элизабет Вил. Новый росток, с листиками и корнями, он прятался глубоко в почве, ожидая своего часа, чтобы пробиться сквозь тяжелый грунт на поверхность, к солнечному свету полноценной жизни.

В обществе мистера Доуза я обрела в себе женщину, которая мне нравилась и даже вызывала у меня восхищение. Узнала о себе много нового, о чем даже не догадывалась. Наша дружба показала, что жизнь во мне не погасла. За фасадом учтивых манер супруги Джона Макарура жила совершенно другая женщина, которую я с радостью приветствовала.

Судьба подарила нам короткий отрезок времени, всего несколько месяцев австралийского лета, постепенно переходящего в осень. Это

был период не только плотских утех, но и обретения истинной мудрости, которая, возможно, останется со мной до конца моих дней. А ведь я могла и не узнать того, что теперь уже не утрачу до конца жизни: что я – полноценный человек, со всеми своими недостатками и положительными качествами. Что я занимаю определенное место в окружающем мире, и занимаю его по праву.

Обретя женщину, какой я являюсь на самом деле, я не хотела, чтоб она пряталась, словно крыса в водосточной трубе. С мистером Доузом я во всем была сама собой, но мне приходилось существовать в безжалостном свете той жизни, которая была мне дана. Нас связывало честное серьезное чувство. Но мы с ним вращались по разным орбитам. Вселенная сделала нам подарок, позволив соприкоснуться на короткое время. Наша бесценная связь не могла продолжаться вечно, она досталась нам только для того, чтобы мы осознали ее ценность и всегда хранили в своих сердцах.

Я понятия не имела, какое место выделит мне жизнь в будущем. Но, изучая астрономию, я научилась терпению. Уменьшиться до размера отдаленной звезды, сбавить скорость до скорости движения планет, которые исполняют свой безмятежный танец в течение столетий: эти хитрости астронома я сделаю девизом женщины. Мне суждено двигаться по орбите, которую я не в силах изменить, – быть супругой Джона Макартура. Моя задача – найти способ, который позволит мне на этой орбите создать собственное пространство.

Мне не пришлось ничего говорить мистеру Доузу. Объяснения не требовались.

– Нам очень повезло, миссис Макатур, – сказал он. – Я не заслужил такого счастья.

Мы долго сидели в тишине за шатким столиком напротив друг друга, смотрели на огонь в очаге, даривший утешение, словно товарищ, который понимал, что слова не нужны.

Мистер Доуз взял меня за руку и повел из хижины. Мы спустились к воде. Физической близости нам не хотелось. В последний раз это было бы слишком тяжело. Мы просто сидели рядышком на камне в нашем укромном уголке. Отсюда открывался прекрасный вид на восточную сторону, где солнце поднималось над мысами и заливами, и на запад, где светило опускалось за континент. Прилетели

чайки. Мы увидели, как одна из них устремилась в воду – врезалась в нее с такой силой, что, должно быть, стало больно, – упустила добычу, взмыла вверх, снова спикировала вниз и неуверенно взлетела вверх. После чайка сделала круг, прицелилась, снова бросилась вниз и на этот раз присела на воду, мотая головой, чтобы проглотить добытую рыбу.

Мы смеялись, наблюдая за птицей, за ее неутомимостью, за тем, как море и небо, рыба и птица, ветер и прилив взаимодействуют слаженно, как им и предназначено самой природой. Да, что-то закончилось, но что-то навсегда осталось с нами: эта жизнь, этот мир и то, что мы дали друг другу.

Все мое общество

Стояли чудесные деньки ранней осени. Мы с мистером Доузом в последний раз сидели в нашем укромном уголке. К началу следующего лета корабль «Горгона» готовился доставить морских пехотинцев в Англию. Еще до нашего второго Рождества в Австралии все, с кем я общалась, должны были отбыть в Англию: и мистер Доуз, и капитан Тенч, и мистер Урган, и все офицеры морской пехоты, с которыми я подружилась. Губернатор пока оставался с нами, но все знали, что скоро уедет и он, а его обязанности до прибытия нового губернатора будет исполнять майор Гроуз.

Среди новых колонистов были весьма приятные люди, которые с радостью продолжали традицию чаепития в доме мистера Макартура. Полковник Патерсон – учтивый джентльмен, заместитель майора Гроуза, и, как и губернатор, протеже сэра Джозефа Бэнкса – привез с собой очень милую супругу, однако Патерсоны посетили мой салон лишь пару раз, а потом их направили в поселение на острове Норфолк.

Но все равно те из нас, кто пережил вместе первые, наиболее голодные годы, чувствовали между собой глубокую, тесную связь, что было недоступно вновь прибывавшим.

Мистер Урган оставил мне своё пианино, заклиная меня продолжать занятия музыкой и не останавливаться на достигнутом. Он научил меня настраивать инструмент с помощью специального ключа, который он тоже мне оставил. Этот ключ я храню до сих пор, хотя самого пианино уже нет. Вот она, эта металлическая штуковина

причудливой формы; кроме меня, никто на свете не знает, что это такое, но я храню ее в память о моем друге.

Капитан Тенч не скрывал своего нетерпения поскорее отплыть в Англию.

– Я мог бы сказать, дорогая миссис М., что думаю о нашем отъезде со смешанными чувствами, – сообщил он мне. – Но на самом деле я жду этого события с восторгом.

Тут он сообразил, что фактически признался в лживости всех своих прежних охов и ахов.

– Разумеется, если не считать расставания с вами, дражайшая леди! Это большое горе. Вы мне бесконечно дороги, ваш прелестный образ всегда будет ярко пылать в моей памяти и в моем сердце.

Должно быть, он и сам почувствовал, что переусердствовал, и, дабы придать достоверности своим словам, попросил меня подарить ему что-нибудь на память. Взял ленту, которая оторвалась с моей шляпки и теперь лежала на подоконнике, ожидая, когда ее снова пришьют, – явно рассчитывал получить ее в подарок. Но я не хотела отдавать эту ленту капитану Тенчу. Не хватало еще, чтобы он носил ее в нагрудном кармане сюртука и всем говорил: «О да. Эту ленту подарила одна дама, которая мне очень дорога. Очень. Очень дорога моему сердцу». Проигнорировав его намеки, я подарила ему нечто совсем не интимное – горсть душистого чая в бумажном кульке.

Мистер Доуз, возможно, и остался бы, как несколько других военнослужащих морской пехоты, но губернатор велел ему отбыть в Англию. По словам мистера Макартура, Доуз отказался выполнить какой-то приказ в связи с проведением карательной экспедиции против племени, проживавшем на побережье залива Ботани-Бэй. Его отсылали в Англию, где ему грозило увольнение с воинской службы за нарушение служебной этики. Мистер Макартур сказал мне, что его предадут военно-полевому суду.

Никто не задавал вопросов по поводу прекращения занятий по ботанике и астрономии. Капитан Тенч был слишком занят тем, что строил мне глазки, а мистер Макартур радовался тому, что он избавлен от лекций о семействе мотыльковых. После расставания с мистером Доузом я несколько раз случайно встречала его в поселке, но мы лишь раскланивались и проходили мимо, не глядя друг другу в глаза.

К тому времени, когда объявили дату отплытия «Горгоны», я была почти уверена, что беременна. Я посчитала по месяцам, дважды перепроверила свои расчеты, но результат выходил один и тот же: мистер Доуз никак не мог быть отцом ребенка. И я была благодарна судьбе, что знаю это точно. Мне было бы больно видеть в своем будущем ребенке черты человека, которого я любила. Радостно, но больно. В любом случае, определенность, пусть и суровая, была предпочтительнее.

По настоянию Тенча я в своем салоне устроила прощальный прием, который мистер Доуз был вынужден посетить, но мы с ним весь вечер избегали друг друга – словно исполняли печальный танец, прячась за гостями. Пытаясь развеять довольно унылое общее настроение, Тенч, как он это неоднократно делал раньше, поднял свою чашку и провозгласил тост: «За Его Величество!». А потом: «За возвращение на родину!».

Казалось бы, я должна завидовать морским пехотинцам, у которых этот тост скоро станет реальностью, но на самом деле мое представление о «родине» как-то поблекло. Я уже не могла представить себе свой дом, землю, на которой он стоял, саму себя в полосатом переднике. В памяти возникала только неясная картина дождливого дня в густом тумане.

«За возвращение на родину!» – воскликнула я вместе со всеми, но теперь этот тост не нашел отклика в моей душе.

Посыльный от мистера Доуза принес модель планетной системы, тщательно упакованную в коробку, и передал короткую записку, написанную с учетом того, что она будет прочитана не только мной. В ней мистер Доуз сухо выражал надежду, что я продолжу свои занятия. Модель планетной системы – примитивная, местами сломанная – представляет для меня большую ценность, напоминая мне о лучших качествах моей натуры. Я храню ее до сих пор.

Грустно, очень грустно

Я получила письмо от Брайди. В нем содержался намек, что, возможно, она поняла то, что я пыталась выразить в своем письме

между строк. Я всегда считала, писала мне Брайди, что мистер Макартур будет прекрасным мужем, если встретит женщину, которая подойдет ему по нраву и воспитанию. Спасибо, дорогая подруга, мысленно поблагодарила я ее, за эту вуаль, сквозь которую только я могу прочитать, что ты верно истолковала мои слова.

Теперь, накануне отбытия в Англию морских пехотинцев, я была не в силах сдержать своих чувств, сочиняя ответное письмо Брайди. Оно поплывет в Англию на «Горгоне», на том же корабле, что и мистер Доуз; и письмо, и мистер Доуз увезут с собой частичку меня.

«Мне сейчас грустно, очень грустно, – писала я. – Люди, что покинут нас завтра, занимали важное место в нашем маленьком обществе. Мы расстанемся с близкими друзьями, которых полюбили за сердечность и доброе отношение». Помнится, меня охватила безысходность: я была убеждена, что ничего никогда не изменится. От отчаяния утратив бдительность, я продолжала: «Возможно, в связи с этим у тебя возникнут сомнения в том, что я счастлива». Сомнения, боже мой! Я жаждала быть услышанной, хотя бы раз излить свои истинные чувства.

Увидев свои откровения на бумаге, я сразу поняла, что играю с огнем. Хочу я того или нет, а придется вернуть свое повествование в более безопасное русло. «Но честно тебе скажу, что с тех пор, как я обрела способность думать и анализировать, столь искренне счастливой, как сейчас, я еще никогда не была». Бедная, бедная я женщина, несу всякую чушь, лишь бы оттянуть тот момент, когда все равно придется солгать. Причем искренне.

И мной снова овладел порыв написать правду. «Да, некоторые из моих желаний не исполнились». Я физически ощущала, как пытаюсь балансировать между тем, что я пишу, и тем, что скрываю. «И, хотя мое положение неидеально, я безмерно довольна». Еще бы. Я ведь не умерла, и не изувечена. Разумеется, довольна. Безмерно довольна.

Вижу, что вопреки своей обычной манере, я выделила слишком много слов. «Искренне» подчеркнула волнистой линией; во фразе «как сейчас» оба слова написала с нажимом. «Неидеально» разбила по слогам. Слова «безмерно» и «довольна» подчеркнула жирной чертой. В конце каждой – утолщение, словно я сомневалась, что слова сами по себе справятся с этой непростой задачей – заставят адресата поверить в написанное.

«Горгона»

Все утро того дня я остро сознавала, что «Горгона» стоит на рейде, покачивается на волнах, готовая повернуться носом на восток, в сторону бескрайнего океана. Я решила, что не пойду смотреть, как отплывает корабль, но за полчаса до отплытия вышла из дома и поспешила к гавани. Под аккомпанемент криков «ура!» и нестройную игру флейт и барабанов на борт доставляли последних отъезжающих. Я видела, как поднимают якорь, слышала, как поют матросы, вращавшие якорную лебедку, и хлопают, наполняясь ветром, поднимаемые паруса. Судно находилось довольно далеко от берега, лиц не разглядеть. Но когда корабль стал медленно набирать ход, я принялась махать платочком и заметила, как на борту несколько белых пятнышек затрепетали в ответ.

Когда корабль растворился за горизонтом и махать больше не имело смысла, я посмотрела на противоположный берег гавани и у подножья мыса, на котором жил мистер Доуз, увидела крохотную фигурку девушки. Стоя по колено в воде, она взглядом провожала корабль. Патьегаранг. Издалека трудно было определить, что это именно она, но я не сомневалась. Она не махала рукой, но пристально смотрела на корабль, словно пыталась силой чувства передать сообщение на борт.

Перед отъездом капитан Тенч говорил мне, что мистер Доуз надеется вернуться в Австралию. Продать свой офицерский патент и подать прошение о переселении в Австралию в качестве учителя, что-то вроде этого. Конечно, столь знающий учитель здесь несомненно пригодился бы. Почему этого не произошло, не знаю. Могу лишь сказать, что больше я его не видела и не надеюсь увидеть, хотя думаю о нем едва ли не каждый день.

Вечерняя звезда

Чувство, связывавшее нас с мистером Доузом, это не та любовь, что торжествует в романах, по прочтении которых, когда мы переворачиваем последнюю страницу, наступает удовлетворенная

тишина. Буду с вами откровенна. Мы с ним, подобно другим людям, пытались увидеть сущность друг друга сквозь облака тьмы. Во мне есть много такого, о чем он никогда не узнает, и многое в нем тоже навсегда останется для меня тайной.

И все же, мистер Доуз, я бы очень хотела – очень! – еще разок посидеть рядом с вами на том камне у воды, наблюдая, как вечерняя звезда с каждой минутой разгорается все ярче, словно звон колокола, возвещающая о том, что мне пора возвращаться в свой мир, запутанный и полный опасных подводных камней, – в мир, где я являюсь супругой Джона Макартура, эсквайра.

Часть 5

Общественные работы

Игра «вдолгую» оказалась испытанием даже для мистера Макартура, его терпение было на исходе, ибо губернатор упорно противостоял давлению и не уступал требованиям пожаловать земельные угодья офицерам Корпуса Нового Южного Уэльса. Но спустя год после отплытия моряков в родные края он последовал за ними. До прибытия нового губернатора его обязанности исполнял большой поклонник мистера Макартура – майор Гроуз, Дурак Законченный.

С игрой «вдолгую» было покончено. Теперь следовало действовать быстро. Нового губернатора ждали со дня на день, и за ночь ДЗ мог запросто лишиться своей неограниченной власти. И вот, едва корабль Морского Волка скрылся из виду, ДЗ подписал документ, который так жаждал получить мистер Макатур: акт о пожаловании выбранного им земельного участка площадью сто акров в Парраматте и в придачу – каторжников для работы на нем. Один росчерк послушного пера, и мистер Макатур достиг цели, которой в Англии он добивался бы всю свою жизнь.

Однако мистер Макатур отличался от других честолюбцев в колонии тем, что он не останавливался на достигнутом: стоило ему реализовать одно из своих устремлений, у него мгновенно появлялось другое.

– Чернила еще не высохли на бумаге, – рассказывал мой муж, – он все еще промокал свою подпись, а я уже разыграл свою следующую карту. Болвана недолго пришлось убеждать в том, что теперь, когда его полномочия расширились, ему необходимо держать под контролем каждую мелочь. И я предложил ему ввести должность инспектора по делам общественных работ.

Что бы делал мистер Макатур без публики в лице жены, которая согласно кивала, слушая рассказ о его победах?

– Он ухватился за эту идею, – продолжал мой муж. – Представил, как будет целыми днями бездельничать на диване – я заметил, что его взгляд метнулся к подушкам. Пока я, с глубочайшим сожалением, не упомянул, что, к несчастью, без санкции Уайтхолла эта должность не может оплачиваться. Бедняга, как же он расстроился! Чуть не запричитал: «О, горе мне!».

Мистер Макартур прекрасно умел пародировать чужие слабости. Прямо на глазах преобразился в несчастного майора: кожа лица обвисла, собралась в складки, как у приунывшей кровяной гончей.

– Тогда, с подобающей скромностью, я вызвался занять этот пост.

– Вы вызвались занять неоплачиваемую должность? – удивилась я. – В чем же тогда выгода?

Мы с ним словно играли в волан: он посылал мне мяч с перьями и ждал, когда я его отобью.

– Дорогая моя, – еле слышно произнес мой муж. – Дорогая моя умная жена.

Он не спешил с ответом, явно наслаждаясь этой игрой. Наконец:

– Когда должность будет введена, Уайтхолл ее уже не отменит. И со временем она будет хорошо оплачиваться. Но дело не в деньгах. Дорогая, назовите хотя бы один вид деятельности здесь, в колонии, который не входил бы в категорию общественных работ? Любое разрешение на право собственности, вырубка, застройка, назначение, поощрение, наказание?

Он был прав, ничего такого я назвать бы не смогла.

– Губернаторы приходят и уходят, – сказал мой муж. – А инспектор по делам общественных работ – незыблем; на него их прихоти не распространяются.

Инспектор по делам общественных работ, не теряя понапрасну времени, выделил в свое личное распоряжение сначала десять, потом двадцать, затем тридцать осужденных, поставляемых Его Величеством, и велел им расчистить и возделывать принадлежавшие ему угодья. Положение инспектора по делам общественных работ также позволяло ему выписывать кирпич и древесину для своего загородного дома. Спустя полгода после отъезда губернатора достаточно большой участок угодий был расчищен под сельскохозяйственные поля, на которых теперь колосилась пшеница. А еще через полгода был построен и подготовлен для заселения дом.

К тому времени я уже благополучно разрешилась дочерью. Как и ее брат, она родилась хилой и болезненной, и многие месяцы меня не отпускал страх, что мою вторую дочь постигнет участь первой. Я прижимала ее к себе, как прижимала Джейн, на этот раз не питая надежды. Я боялась надеяться, смирилась с тем, что вот сейчас она хнычет, морщит ротик, и потом угаснет, как мое второе дитя. Но она цеплялась за жизнь. Каждый день я с изумлением обнаруживала, что она еще дышит, а ее вялость, скорее, была признаком того, что она бережет свои скудные силенки, а вовсе не отходит в мир иной.

Мистер Макартур настоял, чтобы малышку нарекли Элизабет. Я выбрала бы другое имя. Она была самой собой, а не копией своей матери. Но мистер Макартур и слышать ничего не желал – видимо, ему нравилось, что его окружают женщины по имени Элизабет, – да и какая разница, как ее зовут? Лишь бы выжила.

Элизабет исполнилось полтора года, Эдварду – четыре, когда мы наконец перебрались в Парраматту. Она по-прежнему была слабенькой, рядом с цветущей принцессой Даринги выглядела бы крохотулей, но я надеялась, что в Парраматте моя дочь окрепнет, и начала верить, что она не покинет меня.

Без капли сожаления

В Сиднее я прожила целых три года, но покинула его без капли сожаления. После отъезда первых военных, а потом и губернатора здесь все изменилось до неузнаваемости. Благодаря махинациям офицеров в поселении теперь главной валютой был ром, питавший коррупцию по всех ее проявлениях. Офицеры – хозяева всего, на что бы ни натыкались их взгляды – расхаживали с важным видом, свысока взирая на тех, кто был ниже их по положению, а те в свою очередь тоже пытались что-нибудь урвать для себя.

Еще до отъезда мистера Доуза на его мысе расположилась пушечная батарея, нацелившая свои орудия в сторону моря, а его хижину и обсерваторию поглотили постройки военного назначения. Узенькая тропка, по которой я радостно спускалась вприпрыжку, теперь превратилась в широкую дорогу, по ней громыхали повозки и

лафетные станки. Соседнюю бухточку, где некогда обитали друзья мистера Доуза, заняли пристани и хижины собирателей моллюсков.

Земли вокруг Сиднея ДЗ раздал в частные руки: кому-то пожаловал пятьдесят акров, кому-то – сто. И каждый колонист с дарственной в кармане считал, что этот документ дает ему право прогнать местные племена с земли, которая, как он считал, теперь принадлежит ему.

Но они не уходили. Словно были привязаны к этому месту чем-то более крепким, нежели удобство. Нежеланные, несчастные, сидели на земле, которую мы присвоили себе, словно верили, что мы скоро уберемся восвояси. Правда, они не благоденствовали на тех пятачках, которые мы оставили за ними. Болезни, от которых мы поправлялись уже через неделю, для них были чреватые смертельных исходом. У колонистов бытовало мнение, что наши чернокожие собратья любезно освободят нас от своего присутствия естественным путем, как в природе происходит смена времен года.

Среди аборигенов, что навевывались в поселение, я высматривала тех, с кем познакомилась в жилище мистера Доуза. Время от времени я встречала Дарингу и других навещавших его женщин. Однажды увидела Патьегарангу. Она сидела у небольшого костра на берегу. Я остановилась, произнесла приветствие на языке местных племен, которое некогда выучила – бужари гамаррува. Женщины ответили, но не потеснились, освобождая для меня место, как это бывало в обсерватории. Если б они и предложили мне присесть, я бы, наверное, отказалась. Супруга Джона Макартура сидит на земле с аборигенками на глазах у всего города? Не стану притворяться: я не настолько отважная женщина.

С грустью я была вынуждена признать, что мое общение с сиднейскими аборигенами было возможным лишь при посредничестве мистера Доуза. С его отъездом прекратилось и мое знакомство с ними. Та пора, то место – те несколько месяцев, тот мыс – отложились в памяти как некое неведомое пространство, короткая пауза в привычном течении бытия. Люди, стоявшие по обе стороны огромной пропасти, на время соединились, образуя шаткий мостик. Но это длилось лишь мгновение. Было и прошло.

Я испытала облегчение, когда мы перебрались в Парраматту, уехали подальше от всего, что напоминало те блаженные дни. Я

отвернулась, закрыла глаза, думая только о своей выгоде. Скажу прямо: я была ничем не лучше других.

Первое утро

Дом в Парраматте стоял на склоне чудесного холма. Главным фасадом он был обращен на север, рядом протекала речка. Городок находился в нескольких минутах ходьбы, от дома губернатора нас отделяло меньше мили. Мистер Макартур с особым удовольствием указал, что наша обитель на два фута длиннее резиденции губернатора.

В то первое утро я одно за другим обошла все помещения. Экскурсия, конечно, заняла не так уж много времени, но из всех основных комнат мне открывался вид на искрящийся ручей, который, журча по камням, бежал к главной реке, что сверкала меж мангровых деревьев. Во все окна светило солнце, наш добрый друг, и вообще сам дом, примостившийся на склоне пологой возвышенности, которая за задним фасадом продолжала тянуться вверх, навевал покой. Конечно, он во многом напоминал дом дедушки на склоне зеленого холма в Девоне, где его заливало солнце, а вокруг царила приветливая тишина.

Эдвард носился по всему дому, путаясь под ногами у мужчин, заносивших ящики, стулья и столы. Маленькая Элизабет, милое сказочное дитя, стояла в гостиной и зачарованно смотрела на недавно разбитый сад. На нее падал солнечный луч, и светлые шелковистые волосы на ее головке сияли, как корона. Она тогда была совсем еще малышкой и вряд ли запомнила то мгновение: солнце; гулкие шаги мужчин, заносивших ящики в пустые комнаты; мелодичные голоса окружающей природы – шум ветра в листве, щебет птиц, звуки, издаваемые незримыми существами, что жили в траве и переговаривались друг с другом. Вряд ли она помнит ласковое тепло солнца на своем лице и ощущение, что начинается новая жизнь. А я помню.

Ханнафорда поставили во главе работников, и оказалось, что он вполне способен держать в узде грубых агрессивных каторжников. Знал, когда щедро поощрить их спиртным мистера Макарута, когда –

вообще не давать пить. Мистер Макартур, стоя перед новыми работниками, излагал свои требования, объясняя, что их ждет, если кому-то взбредет в голову красть, сквернословить, отлынивать от работы или дерзить. Ханнафорд стоял рядом с ним, но тень, падавшая ему на лицо от полей шляпы, мешала разглядеть его выражение. После ухода мистера Макартура я услышала, как он переводит речь хозяина на понятный им язык:

– Не вздумайте хамить, прохвосты. И, бога ради, языки не распускайте, а то он вам кишки выпустит.

Салливана мы оставили в Сиднее. Он отбыл свой срок, получил условно-досрочное освобождение. Я с радостью избавилась от него. Было в нем что-то такое, от чего меня перекашивало.

Миссис Браун заправляла домашней прислугой. Материал ей достался не ахти какой – девушки, которые бог весть что вынесли до того, как их прибило сюда, – но она изучила их особенности так же хорошо, как дедушка знал повадки каждой из своих драгоценных коров. Одна реагировала на мягкое обхождение, на другую следовало прикрикнуть. Одна могла работать с утра до ночи, не думая о том, чем она занимается; другую требовалось поощрить.

– Они неплохие девочки, миссис Макартур, – только и сказала мне миссис Браун, когда я похвалила ее за умение управляться с прислугой. – Неплохие.

Отдохновение

Как я и надеялась, Парраматта оказалась райским уголком в сравнении с Сиднеем, где на узенькой полосе теснилось в неудобстве слишком много народу. Здесь небо было шире, шире и чище, и более открытое. Над чудесной рекой склонялись казуарины и сверкали мангры, в воде плавала и ныряла пернатая дичь. Само поселение представляло собой дорогу, вдоль которой по обеим сторонам стояли в ряд хижины каторжников; возделанные уголья – жалкие клочки вспаханной земли. Но, сколь бы убогим ни был городок, сколь бы ничтожны ни были обработанные поля, Парраматту отличала располагающая упорядоченность, чего не скажешь о Сиднее, имевшем

какой-то ободранный вид: всюду грязь, запустение, сломанные деревья и кустарники.

С Эдвардом и Элизабет я гуляла по нашему участку, и каждый день мы видели новые всходы, новую зелень. Это, безусловно, был не Девон, но на рассвете здесь слышалось знакомое кукареканье петуха, а в птичнике по-хозяйски копошились куры. Мне радостно было наблюдать, как на закате, суматошно кудахта, они спешили в свое убежище, словно представляли себе клыки местных собак. Я обожала свою домашнюю живность, благодушных жирных хохлаток, которые сплетничали о чем-то между собой, то и дело клювами хватая что-нибудь с земли, а петух тем временем с навозной кучи возвещал всем, какой он важный.

Мистер Макартур купил парочку павлинов, которых доставил корабль с мыса Доброй Надежды. По мне, это наглые хвастливые птицы. Они издавали устрашающие крики, самец волочил свой хвост по пыли или, бывало, его распускал. Они были гордостью своего хозяина. В поместье джентльмена обязательно должны быть павлины.

Нападения

Жители Сиднея считали местные племена временным неудобством, но те из нас, кто жил вдали от него, подобных иллюзий не питали. Здесь девственные земли были не за горами и морями. Отойдешь на несколько ярдов от дома, и необозримые просторы неведомого поглощают частичку того, что знакомо.

Поселок Парраматта был надежно укреплен, аборигены вряд ли осмелились бы на него напасть. Равно как и на наш дом, находившийся в пределах слышимости от казарм. А вот новые фермерские угодья в северной стороне подвергались набегам местных племен. Не еженедельно, но довольно регулярно, как головная боль, которая отступает и возвращается. Нападавшие сжигали посевы, убивали домашнюю живность, разграбляли хижины. Колонисты считали, что большинство вылазок совершаются под началом некоего Пемулвоя, но были и другие предводители, чьи имена оставались для нас тайной. Кто бы ни были те воины, в приемах ведения войны толк они понимали. Знали, как нанести наибольший ущерб поселенцам с

наименьшим риском для самих себя: внезапно налетали на удаленную ферму, быстро ее разорjali и затем снова исчезали в лесу. Они никогда не предпринимали массированных атак и никогда не нападали на крупные поселения. Они не трогали ферму, если поблизости находился отряд солдат или если у фермера имелось ружье. И никогда не нападали дважды на одно и то же хозяйство.

Порой какого-нибудь фермера пронзали копьем, но все понимали, что на отдаленных фермах жертв могло бы быть куда больше. Правда, воины, похоже, не стремились убивать своих врагов. Они покушались на самые основы их существования, и для этого у них имелось идеальное оружие – огонь. На исходе лета они поджигали поля с созревшей пшеницей. Плоды труда минувшего года и продовольствие на будущий год уничтожались всего за каких-то полчаса. Сила этого оружия заключалась в его простоте и содружестве с природой. Огонь, вспыхнувший в жаркий ветреный день, остановить было невозможно.

Воровство, грабеж, с применением насилия или без оногo, – это колонистам было понятно, поскольку в большинстве своем они были каторжниками, отбывавшими срок именно за эти преступления. Но за пределами поселений происходило нечто другое. Урожай сжигали, а не крали; домашнюю скотину убивали, но не ели; из хижин уносили одежду, которая самим аборигенам не была нужна. В глазах поселенцев это служило доказательством того, что местные племена – неразумный, неразвитый, злобный народ. Как иначе объяснить такое нелогичное поведение?

Инструкции Уайтхолла оставались неизменными: кровопролития по возможности не допускать. Аборигенов, если это осуществимо, заключать под стражу и решать с ними вопрос как с любыми другими преступниками. Мушкеты заряжать дробью, а не пулями, – чтобы навести страху, ранить, но не убить. Но Дурак Законченный исполнение инструкций охотно передал на усмотрение своих командиров, а обитатели ферм сами решали, как им защищаться.

Для моего мужа назначение командующим гарнизоном Парраматты было лишь частью разработанного им стратегического плана, но вскоре стало ясно, что в этот раз он просчитался. До сей поры исполнение воинских обязанностей не требовало от него каких-то особых затрат времени и энергии. Теперь же они грозились полностью поглотить его жизнь.

Как командующий гарнизоном Парраматты мистер Макартур должен был реагировать на нападения и разграбления отдаленных ферм. После каждого набега он был вынужден посылать солдат по следам преступников, хотя никто не питал иллюзий относительно успеха этих операций, ибо аборигены не стояли на месте, дожидаясь, когда их схватят. На защиту наиболее уязвимых ферм откомандировывались отряды солдат, но ведь туземцы были не слепые и, если видели военных, атаковали где-нибудь в другом месте.

Однако следовало соблюдать определенный порядок действий, создавать видимость, что ситуация под контролем. Мой муж был постоянно занят, перемещая отряды солдат с одного места на другое и пытаясь угадать, где следует ждать очередного нападения. Существовала опасность, что беглые каторжники объединятся с аборигенами, присовокупив к их копьям свои мушкеты. Обстановка напоминала тлеющий костер, который не раздували, но и не гасили, и это отнимало у мистера Макартура все больше сил и времени, которым он мог бы найти более выгодное применение.

Он отказывался удостоить происходящее названия «война». Это просто беспорядочные злонамеренные вылазки дикарей, утверждал мой муж, абсолютно бессмысленные и тщетные. Конечно, военные, подобные ему, под словом «война» подразумевали несколько иное. В их традиции отсутствие боевых порядков и сражений по всем канонам военного искусства имело другое название: измена. А те, кто виновен в измене, снисхождения не заслуживают.

Как бы то ни было, мой муж заверил меня, что не намерен лишаться сна из-за опустошительных набегов, совершаемых, как он выражался, голыми дикарями. Парраматте ничего не угрожает, говорил мистер Макартур, пренебрежительно отмахиваясь от нападений на фермы.

– Подумаешь, пусть сожгут несколько мелких хозяйств, – добавил он. – Мы не можем защитить каждую хижину, каждый клочок поля с пшеницей. Но я забочусь о будущем, моя дорогая. Помяните мое слово, Пемулвай и его разбойники недолго будут отнимать наше время.

В тоне мужа прозвучало раздражение, что заставило меня взглянуть на него, но он лишь раздвинул губы в натянутой елейной улыбке.

Бурраматтагалы

Мне сказали, что в первые недели после основания Парраматты между колонистами и племенем бурраматтагалов начали завязываться добросердечные отношения. Возникла торговля: хлеб и солонина обменивались на рыбу. Но в какой-то момент дружбе пришел конец: один из каторжников уничтожил каноэ аборигенов, и торговля прекратилась.

Несколько семей из племени бурраматтагалов еще жили вокруг нас – на тех землях (их площадь постоянно сокращалась), которые еще не были пожалованы колонистам, и потому аборигены, обитающие на них, не считались нарушителями границ чужих владений. Эти люди избрали тактику, отличную от той, к которой прибегал Пемулвуй: они просто старались быть невидимыми. Порой у кромки воды на берегу реки, когда в ней было много угрей, случалось видеть двух-трех мужчин с пиками для ловли рыбы и группы женщин с детьми, охотящиеся на крабов среди мангровых деревьев. Мне хотелось подойти к ним поближе и поздороваться. Я надеялась, что те фразы на местном наречии, которым обучил меня мистер Доуз, бурраматтагалы поймут. Но они всегда издали замечали меня и растворялись в лесу раньше, чем я достигала того места, где они находились. Меня там встречала только колышущаяся листва. Мы были два народа, населявших одно и то же пространство, но жили каждый сам по себе, словно соседей вовсе не существовало.

Однажды, вскоре после того, как мы обосновались в Парраматте, во время послеобеденной прогулки я внезапно явилась на глаза женщинам, чем-то занимавшимся у реки. По своему обыкновению они поспешили удалиться. Дойдя до того места, где они только что находились, я обнаружила запрятанный костер – горячие уголья, не дававшие ни дыма, ни огня, – а рядом брошенную впопыхах палку; мне доводилось видеть, как аборигенки копают такими палками. Я подняла ее. Палка, казалось, хранила тепло чужой руки.

Только обхватив ее ладонью, можно было по достоинству оценить искусную обработку материала. Дерево, потемневшее, словно от огня, было твердым и прочным, как металл, но его тяжесть не создавала дискомфорта для руки. Один конец имел форму закругленной

выпуклости, на которую удобно было опираться. Другой представлял собой острое уплощенное лезвие. То место на палке, где ее обхватывали рукой, было отполировано до тусклого блеска. На ее изготовление ушло много часов, получилось красивое изделие, созданное мастерски, как колесо для повозки или стул.

У меня возникло непреодолимое желание оставить палку себе. Уйти вместе с ней, ощущая в руке ее приятную тяжесть. Принести домой, показать другим, выставить на каминной полке, любуясь ее красотой.

Я тронула палку в том месте, за которое ее держала другая женщина. Было в этом что-то сокровенное. За долгие годы палка от руки хозяйки обрела красивый глянец. Мне она напомнила большую ложку, которой мама помешивала крем: одна сторона была истерта из-за того, что ею долгие годы скребли по дну кастрюли; видоизмененная форма была сродни маминой личной подписи.

Я устыдилась своего порыва. Положила палку на место, у костра. Ее хозяйка вернется за ней и обрадуется, что орудие никуда не делось. Она поймет, что я могла бы забрать ее палку, но не забрала. Между нами это будет своего рода общение. Дружеское приветствие, может, даже начало разговора.

В ту ночь, лежа в ожидании сна, я размышляла о торговых отношениях с местным племенем, о которых нам рассказывали: об обмене рыбы на солонину. Я вспомнила женщин из племени гадигалов, с которыми была когда-то знакома. По поводу меня и мистера Доуза они оказались куда проницательнее, чем я сама. И юмор у них тонкий: мне, словно ребенку, пришлось объяснять, что они имели в виду. Те женщины никогда бы не сочли, что кислая говяжья солонина – равноценная замена свежей рыбе. Почему же их соседи, бурраматтагалы, были не столь практичны?

Вероятное объяснение нашлось само собой. Я обрадовалась: загадка решена. Торговля – это наше понятие. А в понимании бурраматтагалов то, что они делали, обменивая свою рыбу на нашу говядину, возможно, было не коммерцией, а чем-то вроде обучения. «Смотрите, – намекали они, – я показываю вам, как нужно действовать: я даю вам, вы даете мне. И, принимая ваш продукт,

который хуже нашего, я учу вас милосердию, прощению и великодушию. А может быть, еще и стыду».

Не исключено, что обмен товарами прекратился потому, что ученики оказались слишком глупы. Слишком толстокожи, чтобы испытывать стыд.

Я хвалила себя за то, что догадалась использовать палку в качестве послания ее хозяйке. Но, может быть, это было сообщение для меня, которого я по бестолковости своей даже не распознала? «Это моя земля, и этот предмет означает, что земля эта моя». Наряду со множеством своих других функций, эта палка, возможно, являлась документом, подтверждающим право собственности, документом четким и недвусмысленным для того, кто знал, как его прочесть, – таким же официальным, как дарственная, на которой написано: «Дж. Макатуру пожаловано 100 акров».

Сознание того, что я живу на земле, которую другой народ считает своей, неотступно следовало за мной, словно тень. В те дни, когда во время прогулок я не видела бурраматтагалов, я с радостью пыталась убедить себя, что никакой тени нет.

Первые овцы

Мистер Макатур не собирался удовольствоваться сотней акров. Мы еще и года не прожили в Парраматте, а он уже попытался выкупить участок у нашего соседа с западной стороны, бывшего каторжника по имени Руз. Однако выяснилось, что на борту «Нептуна» мой муж оскорбил одну осужденную, которая теперь была женой Руза, и тот не забыл обиды. Какую бы цену мистер Макатур ни предлагал ему за землю, Руз упорно отказывался ее продавать, и в конце концов, в доказательство того, что он не желает иметь дела с моим мужем, продал свои угодья за полцены кому-то другому. Руз, насколько мне известно, был единственным человеком, которому удалось утереть нос моему мужу.

Правда, позже я слышала, что на беднягу одна за другой стали валиться напасти, и у меня возникли подозрения. Инспектору по делам общественных работ дорогу лучше не переходить, это опасно.

Если кто-то желал приумножить свои угодья, получив дополнительные земли от государства, этот человек должен был доказать, что эффективно распоряжается тем, что он уже имеет, поэтому мистер Макартур заставлял Ханнафорда и работников-каторжников трудиться день и ночь. Однако посевы зерновых не спешили давать богатый урожай. Расчистка земли под пашню требовала слишком больших трудовых затрат. Тому, кто стремился увеличить площадь своих земель, следовало завести овец или коров, которые просто бродили бы между деревьями и жевали травку на местных пастбищах. С приростом поголовья скота расширялась бы и площадь фермерских угодий. У мистера Макарута загорелись глаза в предвкушении новых богатств.

Он незамедлительно купил шестьдесят бенгальских овец, доставленных из Калькутты на судне «Атлантик» – других не было. Привычная к толстым мохнатым бочкам, которые составляли отару дедушки, в этих уродливых существах я едва узнала овец. Они были тощие, кожа да кости, как козы, покрыты грубой жесткой шерстью грязных цветов, да еще и подергивали странными обвислыми ушами. Надули тебя, капитан Макартур, подумала я. Продавец сразу понял, что ты – сын лавочника, который в жизни не видел овец вблизи.

– Это все, что удалось достать, – равнодушно сказал мой муж. – Со временем попробую найти что-нибудь лучше, ну а пока и такие сойдут.

Похититель овец Ханнафорд в первый же день осмотрел новичков, сбившихся в кучу на травянистом склоне за домом.

– Что скажете, мистер Ханнафорд? – спросила я. – Жалкая пародия на овец, да?

– В общем-то, да, миссис Макартур, – согласился он.

Сама того не желая, я расставила для него ловушку. Какой овчар осмелится критиковать скотину своего господина? Ханнафорд настороженно смотрел на меня из-под полей шляпы.

– Просто это не те овцы, к каким я привык, – объяснил он. – Но, может быть, они нас еще удивят, миссис Макартур. И я приложу к этому все силы, будьте уверены.

Ханнафорд поймал одну овцу. Управлялся он с ней ловко и уверенно. Может, с овцами мистера Макарута и облапошили, но с овчаром он не прогадал. Этот человек знал свое дело.

Вскоре после появления на ферме бенгальских овец Ханнафорд привез из Сиднея трех овец ирландской породы – двух самок и молодого самца. На ирландцев смотреть было одно удовольствие. Упитанные, с кремовой шерстью, несмотря на то, что несколько месяцев они провели на корабле. По ноге в каждом углу, как отзывался дедушка о своих самых крепких овцах. Они влились в отару бенгальцев на холме и тут же принялись щипать пучками растущую траву, словно никогда и не знали сочных ирландских пастбищ.

Мне доставляло особую радость каждый день ближе к вечеру подниматься на тот холм, вместе с миссис Браун, Эдвардом и Элизабет, когда овец гнали в загон. Я дала ему название Прекрасный Вид: пологий склон плавно переходил в площадку, от которой земля со всех сторон уходила вниз; на зеленом травяном ковре торжественно высились деревья, словно посаженные для того, чтобы придать еще больше величия «господскому» парку. С вершины холма можно было видеть гряды далеких гор, обозначавших границы нашего мира.

Отойдешь немного от дома, и сразу погружаешься в красоту природы: с каждого дерева несетя пение птиц, воздух насыщен вечерней благоухающей влагой, каждая травинка сияет, отбрасывая узенькую тень. Все это вызывало трепетное восхищение. Мне нравилось наблюдать, как синева гор темнеет, наделяя их загадочностью, а солнце постепенно исчезает за горными пиками. Я пыталась объяснить Эдварду, почему на склон наплзает тень, поглощая остатки угасающего света. Мы движемся, говорила я ему. Мы находимся на большом шаре, который вращается вокруг солнца, как апельсин, поднесенный к свече. Но я не мистер Доуз, я не могла убедить своего чудного сынишку. Не беда, думала я, придет время, и он сам все поймет, и, может быть, с улыбкой будет вспоминать, как мама пыталась ему это втолковать.

Ханнафорд тоже был на склоне, следил, чтобы пастух не слишком быстро гнал овец в загон и ни одну из них не забыл на пастбище. С собой у него был кусок веревки, с помощью которой он считал овец, и мне нравилось наблюдать, как его большие пальцы скользят по ней, завязывая узелки. Дедушка тоже так делал.

Овец ирландской породы, сказал мне мистер Макартур, он приобрел для того, чтобы тощие бенгальцы дали более мясистое потомство. Баранину можно было продавать по высокой цене. Я сомневалась, что племенной ирландец признает своих в этих козообразных существах, да и бенгальские самки, думалось мне, наверное, возмутятся, если этот здоровенный чужак попробует приблизиться к ним. Но однажды, прогуливаясь по холму раньше, чем обычно, я обратила внимание, что овцы возбуждены, готовы к спариванию.

Ханнафорд наблюдал за ними.

– Добрый день, миссис Макартур, – поздоровался он. – Добрый день, миссис Браун.

Овцы беспокойно мельтешили, бараны подходили то к одной самке, то к другой, словно что-то потеряли и просили помочь им это найти. Племенной ирландец рыскал между бенгальскими овцами, и один из худосочных бенгальских самцов попытался выразить протест, но ирландец, недолго думая, прогнал его, а тот побоялся полезть в драку.

– Они... в общем, они... – начал Ханнафорд, вдруг смутившись.

– По-моему овцы готовы, – деловито заметила я, давая ему понять, что я не буду смущена тем, как баран покрывает овцу. Смотри, Эдвард, смотри, думала я. Однажды придет твой черед подобраться к женщине и попытаться с ней счастья. – Интересно, как бенгалка примет ирландца? Мистер Ханнафорд, думаете, что-нибудь из этого выйдет?

Он развел руками: кто знает? Я обратила внимание на его ладони: большие и сильные.

– В мировой истории таких случаев еще не было, миссис Макартур, – ответил он. – А мы здесь на неизведанном краю света.

Я знала, что он хотел бы сказать «в самой заднице планеты».

Миссис Браун тоже это поняла. Она переступила с ноги на ногу, кашлянула, словно сдерживая смех. Ханнафорд искоса посмотрел на нее. Мы все трое стояли и молчали, почти не глядя друг на друга. На губах каждого играла едва уловимая усмешка.

Теперь ирландец тыкался мордой в зад овцы и прядал ушами. Закидывал на нее переднюю ногу, поскребывал по боку. Она, якобы ничего не замечая, шла вперед, будто бы углядев пучок более сочной

травы. Он был вынужден следовать за ней, продолжая трогать ее ногой.

Вот так же мистер Макартур щекотал мою руку, намекая, что ему требуются мои услуги, а я – эта самая овца – думала: «Это обязательно?». Уловив сходство в повадках барана и мужа, я тихо фыркнула. Миссис Браун обратила ко мне лицо, наши взгляды встретились. И мы, две женщины, заулыбались, насмехаясь над причудами мужчин.

Как оказалось, племенной ирландец отнюдь не счел ниже своего достоинства покрыть бенгальскую овцу, хоть та и была не красавица, и она мирно отдалась ему, как будто знала его сто лет.

Ханнафорд сообщил нам, что бенгальские овцы начали ягниться, и мы все пошли на холм. В кои-то веки мистер Макартур составил нам компанию, – чтобы подсчитать прирост поголовья своего стада. Утро выдалось безветренное, ясное. Правда, горизонт окаймляло серое облако с жемчужным отливом, сквозь которое светило солнце.

Не все овцы еще объягнились, но уже было видно, что отара стала заметно крупнее. Дедушкины овцы обычно приносили всего по одному ягненку, но возле большинства бенгалок я заметила по два ягненка и даже по три. А несколько из этих неказистых овечек, все равно что собаки, произвели на свет даже по четыре здоровых малыша. На наших богатых пастбищах бенгальские овцы отъелись, потолстели, и их ягнята, резвившиеся подле матерей, были крепкими и сильными.

Мистер Макартур, имевший об овцеводстве куда более скудные познания, нежели Ханнафорд и я, совершенно не удивился плодовитости бенгалок. Его распирала гордость, будто столь щедрый приплод – это его личная заслуга.

– Ирландский лорд постарался на славу, мистер Макартур, – сказал Ханнафорд. – Во всю свою мощь развернулся, многих оплодотворил. Только, сэр, если вам вдруг представится случай, может, вы подумаете, чтобы прикупить еще несколько крепких баранов?

Он выражался замысловато, тщательно подбирая каждое слово. Ведь кто такой каторжник, чтобы поучать мистера Макартура, как ему вести свой бизнес?

Шерсть и подшерсток

Ягнята выросли, шерсть на них отрастала. Отпрысков племенного ирландца сразу удавалось отличить среди приплода. Шубки они имели более гладкие и другой формы.

– Мистер Макартур, посмотрите, какая красота. – Ханнафорд поднес к нам одного ягненка. – Вон какой большой крепкий паршивец, вы уж простите меня, миссис Макартур. И сюда вот взгляните. – Он раздвинул короткую пыльную шерсть. – Видите здесь, сэр, под верхним слоем? Прямо на коже, видите? На пух похоже.

Мистер Макартур побрезговал прикоснуться, а я потрогала. Ханнафорд был прав: под верхним слоем шерсти скрывался потайной слой, бархатный на ощупь – печать ирландской породы на мохнатых бенгальцах.

– Хорошая помесь получилась, – сказал Ханнафорд. – Хорошую шерсть будет давать.

Но мистер Макартур про шерсть и не думал. Для него было главным поголовье. Мы с Ханнафордом наблюдали, как он пытается сосчитать овец, сбивается со счета, начинает заново. Ханнафорд свои «счеты» держал в руке.

– По моим подсчетам, мистер Макартур, сто пятнадцать ягнят, – доложил он. – А все стадо – сто восемьдесят семь голов.

Испанская порода

Полковничьи гранты позволили хозяйству Элизабет-Фарм увеличить свои владения до предела: дальнейшему расширению препятствовали угодья, принадлежавшие другим людям, либо водные преграды. Что, в принципе, лишь подхлестнуло амбиции мистера Макартура. Примерно в тридцати милях от фермы находился чудесный участок, лучше которого здесь еще никто не видел. Его облюбовали коровы, сбжавшие в первые недели основания колонии. Мистер Макартур, в рамках своих полномочий инспектора, объехал его, заметил скот, оценил великолепие уникальной природной местности и

решил, что Коровье Пастбище, как нарекли эти земли, должно принадлежать ему.

Его не отпугнуло, что участок находится далеко от поселений и его будет трудно защитить от нападений и разграблений. Было и другое, более существенное, препятствие: по распоряжению первого губернатора эти угодья были отданы в вечное владение Короны и не могли быть пожалованы частным лицам. Для мистера Макартура это было не столько препятствие, сколько стимул, повод проявить свою изобретательность. Как генерал, выстраивающий в боевой порядок свою армию, он приготовился вести игру «вдолгую».

Первый шаг – приумножить поголовье своего скота, причем сойдут любые сельскохозяйственные животные, ибо их единственная функция – обеспечить своего хозяина убедительным доводом в пользу того, что новые земельные площади ему просто необходимы.

В следующий раз мистер Макатур прикупил еще шесть овец – четырех самок и двух баранов. Все они были костлявые, с обвислыми плечами и практически без груди, ребра впалые, но, даже грязные, замызганные после долгой перевозки на корабле, шерсть все имели более мягкую и тонкую, чем овцы ирландской породы.

– Так называемые мериносы, – сообщил мистер Макатур. – Уотерхаус купил их на Мысе^[22]. Ему наплели, что это чистейшие испанские мериносы. За красивую сказку он выложил красивые деньги. Может, их предки когда-то и были испанцами, но с тех пор в них кучу всего намешали. Я сказал ему, что они такие же испанцы, как я голландец!

Вспомнив свою остроту, он довольно рассмеялся.

Дедушка упоминал о легендарных испанских мериносах, овцах ценнейшей породы, со столь качественной шерстью, что испанцы никому их не продавали. Я была рада, что дедушки здесь нет и он не видит живое воплощение легенды.

Зачем мистер Макатур купил этих замухрышек? Ну, здесь все просто: чтобы досадить новому священнику, мистеру Марсдену, возомнившему себя фермером.

– Я всех хотел купить, – рассказывал мой муж. – Но Уотерхаус уже ударил по рукам с Марсденом. Я не отставал от него, однако этот упрямец продал мне только половину.

Мистер Макартур смотрел, как овцы с блеянием бродят по кругу.

– Одна радость, что пастору насолил. Видели бы вы его приунывшую рожу. Не у него одного в Новом Южном Уэльсе есть мериносы испанской породы! Этот кретин лелеет мечту производить тонкорунную шерсть. Представляете?!

И все равно, я видела, он сожалеет о своей покупке.

– Будем держать их отдельно, – распорядился мистер Макартур. – Чтобы сохранить чистоту породы.

Он так говорил, словно у него было не шесть испанских мериносов, а целое стадо – голов сто.

– Будем сохранять чистоту их нечистоты, – скаламбурил мой муж и расхохотался. – Чтобы я мог выдать их за чистокровных испанцев тому, кто в следующий раз пожелает приобрести настоящих мериносов.

Ханнафорда новые овцы не вдохновляли. Мне он сказал, что испанские мериносы, по слухам, медленно размножаются и не заботятся о своих ягнятах. Сомневался он и относительно сохранения чистоты породы. Шесть овец, спаривающихся только между собой, образуют хилое стадо. Однако он строго выполнял указания мистера Макартура и, задействовав массу работников, огородил забором пастбище, на котором паслись печальные испанцы.

Какая радость – снова возиться с овцами

Испанские мериносы обьягнились. Мистер Макартур был разочарован: от четырех овец всего три ягненка.

Ханнафорд находился в загоне с одной из матерей. Пытался, я видела, убедить ее, чтобы она стояла смирно и покормила малыша. Мать не смотрела на свое дитя, и, стоило ягненку к ней приблизиться, она поспешно бросалась в сторону, шарахалась от него, как от чужого. Бедняжка оставался ни с чем. Мы смотрели, как он на тоненьких ножках гоняется за матерью: спотыкается, падает, снова ковыляет.

– Миссис Макартур, я подержу ее, а вы, пожалуйста, поднесите к ней ягненка, – попросил Ханнафорд, хватая овцу.

Ягненок у меня на руках – словно пушинка. Обаятельный малыш с гладкой мягкой шерсткой, как детская игрушка. Его нужно было срочно покормить. Я опустилась на корточки возле матери, погладила ее по морде, поднесла к ней ягненка, и она наконец утихомирилась. Стояла спокойно довольно долго, давая малышу пососать вымя. Как же мне было радостно, что я снова вожусь с овцами, вдыхаю запах шерсти, вспоминая все, чему учил меня дедушка.

– Прямо сердце разрывается, – произнес Ханнафорд.

На каком-то этапе становления породы кровь, отвечающая за материнский инстинкт, и кровь, отвечающая за хорошую шерсть, разделились. Вот лестерские овцы – совсем другое дело.

Ягненок напился молока и, притомившийся после погони за матерью, улегся на траву.

– А что если скрестить испанцев с нашими овцами? – промолвила я. – Какими будут гибриды, когда повзрослеют? Сохранится у них материнский инстинкт, улучшится ли шерсть?

Я размышляла вслух, но Ханнафорд молчал. Склонившись над овцой, с сосредоточенным видом вынимал из ее шерсти колючку. Я осознала, что поставила его в тупик. Не ему было напоминать мне о распоряжении моего мужа «сохранить чистоту породы».

– На этот счет ничего не могу сказать, миссис Макартур, – наконец ответил он. – Я – человек необразованный.

– Вздор, мистер Ханнафорд, – возразила я. – Не вам прикидываться необразованным. Вы – овцекрад. Покажите мне человека, который в овцах разбирался бы лучше, нежели тот, кто чуть жизни не лишился ради хорошего барана?

Он рассмеялся, довольный, что ему не пришлось платить столь высокую цену. А я была рада, что разрядила атмосферу неловкости. Хорошая шерсть или инстинкт материнства? Загадка? Да. Но это было лишь минутное любопытство. Разгадать эту загадку было бы неплохо, но она не стоила того, чтобы настраивать против себя мистера Макартура.

Ханнафорд стоял возле овцы, разглаживая и раздвигая на ней шерсть. Мягкая, тонкая, кремовая, она упруго выпрямлялась под его пальцами.

– Бараны... – начал он. – Знаете, миссис Макартур, самец может осеменить кого угодно... вы уж простите меня за такое выражение. И

при этом ничего не потерять. Не потерять своей...

Он избегал употребления слова «чистокровность». Мы не смотрели друг на друга. Наши взгляды были прикованы к шерстяному слою, что открывался под его руками. Руно. Это слово прозвучало в голове голосом дедушки. Эластичное, плотное, хорошо извитое, это руно было отменного качества, дедушке такое и не снилось.

– Разумеется, испанских овец должно держать отдельно, – сказала я.

– Так и будет, миссис Макартур, даже не сомневайтесь, – заверил меня Ханнафорд. – А испанские джентльмены, как исполняют свой долг в отношении своих соотечественниц, пусть потом занимаются другими овцами, насколько хватит сил.

Наконец он посмотрел мне в лицо.

– Чистота породы не пострадает, миссис Макартур, уверяю вас. Ничуть.

О, он знал про мои затруднения. Здесь все это знали.

Как это ни прискорбно

Какой дурак откажется от земли, если ее можно получить бесплатно? И мистер Макартур, конечно же, не отказывался. Но земля была его настоящим увлечением. Его не интересовали ни овцы, ни пшеница. И уж тем более не обязанности воинской службы, неожиданно ставшие столь обременительными. Всеми его помыслами владела торговля: «Британия» была лишь первой ласточкой; с тех пор суда регулярно снаряжали за товарами. Но старался он не только ради огромных прибылей, что приносила торговля спиртным. Его натура жаждала быть в самой сердцевине сложного переплетения людских пороков – алчности, страха, лени, злопыхательства, – манипулировать окружающими, интригуя, строя козни, искушая, угрожая, задабривая. Больше удовольствие, чем деньги и даже чем власть, возможность влиять на события, приносили мистеру Макатуру его собственные хитроумные планы.

Мы прожили в Парраматте всего несколько месяцев, и вот однажды муж пришел ко мне, любезный до невозможности.

– Как это ни печально, моя дорогая жена, – начал он, – даже прискорбно, но я должен на время уехать в Сидней. Это очень важно. Если мы хотим, чтобы ДЗ и впредь покровительствовал мне.

То самое, на что я даже не решалась надеяться. Но я надула губы, для виду, ну и чтобы подразнить мужа. А сама наблюдала, как он придумывает очередной довод.

– В Корпусе ведь одни мошенники, – стал объяснять мистер Макартур. – Если меня там не будет, кто-нибудь из них сочтет, что сможет зафрахтовать судно и организовать новое плавание не хуже меня. Мне просто необходимо быть в Сиднее.

– Понимаю, – проронила я. – Но, может, вы возьмете меня с собой? Я бы развеялась, познакомилась с новым обществом.

– Ну... – задумался он.

Я подождала немного, наблюдая, как мой муж пытается выкрутиться, потом пришла на помощь:

– Хотя нет. Мне будет беспокойно, что дети остались на попечении прислуги.

Лоб его разгладился, и вот вам классическая сцена: двое притворяются, что испытывают глубокое сожаление, хотя на самом деле каждый в душе ликует.

В то первое утро, когда муж ускакал в Сидней, я стояла с Элизабет, держа дочь за руку, и смотрела, как его конь исчезает вдали. Вернувшись в дом, я обошла с ней все комнаты. Казалось, в них стало тише. Половицы на свету поблескивали как-то более безмятежно.

Мне были ненавистны наше брачное ложе и даже комната, в которой оно находилось. Может человек бояться каминной полки, узора из трещин на потолке? Я распахнула стеклянные двери – муж любил, чтобы спальня была закрыта, мне же нравилось, чтобы в ней гулял воздух, – впуская в комнату внешний мир. Из спальни был выход в сад, а за ним виднелся желто-зеленый буш: в лучах солнца, спокойно плывущего по небу в течение дня, бледные стволы в лиственном уборе напоминали китайские письмена.

Как же быстро человек осваивает пространство! И как мало времени на это требуется!

Той ночью я лежала, упиваясь простейшей радостью от осознания того, что я в постели одна. Новизна этого приятного ощущения не

давала уснуть. А потом меня посетила еще одна новая мысль. Я соскользнула с кровати и вышла на веранду. Меня обволокла влажная темнота ночи. Босая, я стояла на каменных плитках, чувствуя, как каждая клеточка тела, кожи наполняется неумемной энергией, оживает, голыми ступнями осязая каждое зернышко, каждую крупинку камня.

Где-то в отдалении залаяла сидевшая на цепи собака, глухо так, неспешно, нетревожно, как будто просто для того, чтобы услышать свой собственный голос. Ее лай разносился на мили окрест, не заполняя тишину, а, напротив, расширяя ее. Тот далекий глухой голос живого существа свидетельствовал о том, сколь необъятна ночь, подобно тому, как темная крапинка на белой простыне подчеркивает ее кипенную белизну. Собака, как и я, бодрствовала в темноте, приветствуя невидимый в ночи мир.

За цветником светились щели хижины, в которой жили Ханнафорд и пастух. Мной внезапно овладел порыв подобраться к ней по траве и, затаившись у стены, прильнуть глазом к одной щели.

С чего вдруг у меня возникло такое желание? Ни Ханнафорд, ни пастух были тут ни при чем. Просто любопытство – обратная сторона неведения. В свободе одиночества обретя себя, я захотела понаблюдать за чужой жизнью, за другими людьми, пока им казалось, что они скрыты от посторонних глаз. Всю свою жизнь я видела только внешние проявления. И себя показывала только с внешней стороны. Теперь же меня обуяла потребность проникнуть за оболочку. Какие они, люди, когда думают, что на них никто не смотрит? Что они собой представляют?

Я подкралась к хижине, судорожно думая, как я буду оправдываться, если меня обнаружат. Удастся ли мне убедительно изобразить из себя лунатика, глядящего пустым взглядом и что-то бормочущего, как леди Макбет? Однако леди Макбет, как бы крепко она ни спала на ходу, не подсматривала в щель, приподнявшись на цыпочки. И не стала бы надевать синий халат, чтобы спрятать под ним белую ночную сорочку. Нет, приныкая глазом к щели, я не имела ни разумного объяснения, ни даже нелепой отговорки.

Поначалу в отблесках огня я не различала ничего. Потом заметила какое-то движение, услышала шепот, счастливый вздох. Я чуть сдвинулась в бок у щели, меняя направление взгляда, и увидела, что

движение произвела голая нога, нога миссис Браун, и что она переплетена с рукой Уильяма Ханнафорда.

Я быстро отступила назад. Ну вот, посмотрела, подумала я про себя. Надо же! Я беззвучно хохотала, хотя что тут смешного? Сгибаясь в три погибели от безудержного веселья – или еще от чего-то, я бесшумно ступала по траве назад к дому. Конечно, я знала, что Ханнафорд и миссис Браун нашли друг друга. И, конечно, знала, что они должны были устроить, как им быть вместе. Это же проще простого. Захотелось побыть вдвоем, отослали пастуха ночевать к остальным работникам. Дальше этого я не задумывалась. Мне даже в голову не пришло, что я могу стать свидетельницей их близости. Я просто хотела, пользуясь временной свободой, удовлетворить свое любопытство.

Вернувшись в дом, я скользнула в постель и свернулась клубочком. Сердце постепенно успокаивалось. Я физически ощущала душевную боль, она извивалась и корчилась во мне, как раненая зверушка. Это было неизбежно. Ведь когда-то я тоже была там, где теперь находились те двое, телом и душой соединяясь с любимым человеком. Но это все в прошлом, в прошлом, в прошлом. Вряд ли мне когда-нибудь снова суждено испытать такое счастье.

Тем не менее, вспоминая ту ногу, ту руку, я улыбалась. Та радость всегда останется частью того, какой я была. Огонь, что опалил меня и мистера Доуза, передается от человека к человеку. Какое-то время он воспламенял Уильяма Доуза и Элизабет Макартур, теперь – Агнес Браун и Уильяма Ханнафорда. Это – дар, который не дается в вечное пользование; он переходит к другим.

Сжавшись в комочек, я кривила губы от боли и горькой радости. Эти два чувства были нераздельны. Леди Макбет подкралась к щели в стене хижины в поисках чего-то и, возможно, нашла это. Ей открылась истина: нужно наслаждаться теми удовольствиями, что предлагает жизнь. Вот я лежу одна – какое удовольствие! Гораздо лучше наслаждаться обществом своего подлинного «я», чем тонуть в одиночестве несчастливого брака.

Я никогда не знала, сколько ночей буду спать одна, ибо мистер Макартур всегда возвращался неожиданно.

«Ты только представь, – написала я как-то раз Брайди, когда он только что приехал домой, – сколь велика была моя радость оттого, что мистер Макартур вернулся». О, как же мне нравилось подбирать двусмысленные выражения. То мое тайное увлечение никогда мне не надоедало.

Возможно, в Сиднее мистер Макартур позволил себе побаловаться с какой-нибудь прелестной девицей. Но тогда я не хотела об этом знать. И сейчас не хочу.

Дела фермы беру на себя

Мы с мистером Макартом ничего конкретного не обговаривали, но по мере того, как он постепенно устранялся от управления фермой, его обязанности брала на себя я. В сравнении со скромным хозяйством дедушки здешнее было гигантским предприятием, и на первых порах меня охватывал ужас оттого, сколько всего нужно понимать. Я не имела ни опыта, ни уверенности в собственных суждениях, плохо знала работников и не представляла, как завоевать у них авторитет.

Но я была не одна. Каждое утро ко мне приходил Ханнафорд, потом миссис Браун. Почтительно стоя возле стола, за которым я сидела, они рассказывали обо всем, что требовалось, а я, словно ученица, записывала за ними, составляя список дел: за чем присмотреть, на что выделить деньги, что запланировать, какие проблемы решить.

Миссис Браун и Уильяму Ханнафорду я никогда не говорила, что мне известен их секрет. Их личная жизнь меня не касалась. Но они знали, что я в курсе. И эта тайна крепче связывала нас троих, согревала своим теплом, как добрый друг.

Поначалу, вооружившись списками и расчетами, я приходила к мистеру Макарту, чтобы спросить совета или получить одобрение, но он лишь бегло просматривал бумаги, не проявляя интереса, и я стала обращаться к нему все реже и реже. Время от времени, чтобы напомнить мужу, как это утомительно – управлять фермой, я притворялась, будто стою перед выбором. Он был вынужден слушать, пока я излагала ему нескончаемые подробности. Я видела, что он

нервничает, ждет не дождется, когда я закончу. Дела фермы интересовали его не больше, чем семейство мотыльковых.

Жена фермера, какой я могла бы стать, причем столь прекрасно обученная дедушкой, на цыпочках выступила из-за спины супруги джентльмена. Время, проведенное с мистером Доузом, показало мне, что я люблю сложные задачи, люблю преодолевать трудности. Будучи хозяйкой фермы «Элизабет», я каждый день сталкивалась с раздражающими проблемами. Но каждая новая проблема напоминала о предыдущей, которая была благополучно разрешена. Проблемы, конечно, раздражали, но безделье было бы смерти подобно.

Тонкая шерсть

Мы с Ханнафордом больше не говорили друг другу ничего о том, чтобы пустить испанских баранов в отару овец скрещенных пород, и уж тем более не обсуждали это с мистером Макартуром. Мы это просто сделали. Ягнята, родившиеся в результате тех спариваний, подрастали, и стало заметно, что испанский баран передал своим отпрыскам тонкую шерсть, а овцы-кроссы – свою выносливость.

Мы и надеяться не смели на такое чудо.

– Должно быть, Господь чувствует нечто подобное, – заметила я Ханнафорду как-то вечером, когда мы вдвоем, прислонившись к ограждению, наблюдали за пушистыми ягнятами грубошерстных овец.

Однажды, в той другой жизни, я сказала что-то вроде этого о модели планетной системы. Воспоминание вызвало на губах улыбку.

– Да, пожалуй, – согласился Ханнафорд. – А мы могли бы помочь Господу – если будем все делать правильно – вывести целое стадо овец с прекрасной шерстью.

В его лице промелькнул страх. Наверно, он подумал, что слишком вольно обошелся с местоимением «мы», соединив в одном предложении каторжника Уильяма Ханнафорда и супругу Джона Макартура. Да и говорить столь небрежно о том, чтобы помочь Всевышнему, было тоже как-то грешно. Однако я ничего не имела против того, чтобы быть с ним «мы», и была согласна с тем, что плоды труда Господа не всегда совершенны и помощь Ему не повредит.

– Вы думаете о том, чтобы разводить овец ради шерсти? – уточнила я. – Не ради мяса?

– Тот баран, на которого я позарился... меня шерсть его ввела в искушение, – объяснил Ханнафорд. – Я ведь как думал: надо разводить овец на шерсть. Где гарантия, что Испания всегда будет продавать нам свою? – Он отвернулся, словно собираясь плюнуть, но сдержался. – Сказав «нам», я подразумевал Англию, – презрительно добавил Ханнафорд. – Так почему бы не заняться этим здесь? Хоть будет что отсюда поставлять на рынок.

По моему настоянию мистер Макартур отправился со мной на пастбище и был вынужден признать, что шерсть обещает быть качественной. Однако долго он не задержался: после беглого осмотра тотчас же повернул назад, спускаясь по холму.

– Отлично, отлично, дорогая. Великолепная работа.

– Мистер Макартур. – Я остановила мужа, тронув его за руку. – Наверное, ведь можно было бы отсюда отправлять шерсть на продажу в Лондон, тем более в отсутствие других товаров, которые выдержали бы полугодовое плавание и в хорошем состоянии дошли до рынка?

– О да, пожалуй, – согласился он.

В голосе его слышалась нарочитая небрежность, но кожа на лице натянулась. Я сообразила, что Ханнафорд все еще может слышать нас и муж намерен продемонстрировать непререкаемость своего авторитета, на который посмела покуситься его жена.

– Тому чудаку Марсдену пришла в голову идея производить здесь шерсть, – сказал он. – А нужна не шерсть, нужно мясо. Только дурак может думать иначе.

Он помолчал, давая понять, что «дурак» относится ко мне.

– Моя дорогая жена, – после паузы продолжал мистер Макартур, – ваш энтузиазм достоин аплодисментов. Но позвольте убедить вас путем нехитрых арифметических подсчетов. Стоимость шерсти измеряется в пенсах, а баранины – в шиллингах. Шиллинг в двенадцать раз дороже.

Ханнафорд внезапно засуетился, отводя в сторону одну из овец. Достав нож, он приготовился подрезать ей копыта. Крикнул пастуху, чтобы тот ему помог. Смотри в оба, парень, не зевай!

– Моя дорогая жена. – Мистер Макартур покровительственно потрепал меня по руке. – Думаю, вы и сами поймете, что ваша идея, *ai*

fond^[23], не более чем тоска по полям и овцам далекой родины.

Больше я не пыталась говорить с мужем о шерсти, но его безразличие позволило мне дать волю воображению. Я представляла, как мы с Ханнафордом отбираем и скрещиваем овец, добиваясь того, чтобы каждое новое поколение ягнят имело более тонкую шерсть. У меня голова шла кругом при мысли обо всех вероятных комбинациях, какие можно проделывать с бенгальской, ирландской и испанской породами, как только мы ступим на эту стезю. Дедушка называл это внутристадным разведением, которое возможно было при условии, что ты знаешь родителей и прародителей каждой овцы. Чтобы отслеживать это, нужно вести учет, облакая родословные особей в аккуратные столбики, как в синей тетради мистера Доуза, в которой он составлял словарь нового для него языка. Только так удастся соблюдать порядок и спаривание возвести в систему.

Теперь каждое утро я поднималась на холм и проверяла на ощупь качество шерсти овец: у одной на боку, у другой – на груди. И мне казалось, что рядом со мной на склоне стоит дедушка. Гордый за свою умную внучку, он с радостью и одобрением взирал на плоды ее трудов. Возможно, он даже снизойдет до того, чтобы простить Уильяма Ханнафорда за то, что тот украл чужого барана.

Mon petit coin

У реки я облюбовала местечко, где время от времени сбрасывала с себя личину миссис Макартур. Этот уголок был огражден кустарниками, которые служили обрамлением для вида, открывавшегося на реку: еще одна воздушная комната из листвы. В том чудесном укромном закутке я часто думала о мистере Доузе: на какую гавань, реку, улицу он сейчас смотрит? Где бы он ни находился, наверняка, нашел для себя новый *petit coin*, и, возможно, сидя там, вспоминает женщину, которой никак не удавалось произнести фразу «*mon petit coin à moi*».

Как-то вечером, в созерцательном настроении, я пришла туда, размышляя о годе минувшем и о том, что грядет, об удивительных поворотах, которые привели меня в этот тихий уголок. Там лежало

упавшее бревно с удобной выемкой для сидения, наподобие той, что была на камне, который находился на вершине кряжа близ обсерватории мистера Доуза. Я опустилась в знакомое углубление и замерла, ожидая, когда воздух, что я всколыхнула, успокоится, окутает меня, я превращусь в еще один природный объект, и существа вокруг меня возобновят свою жизнедеятельность.

По траве, ритмично потряхивая головой, важно вышагивала черная водоплавающая птица. Где-то в вышине другая птица напевала: «Чу-до!», «Чу-до!», словно она тоже восхищалась красивым видом. Мое ухо уловило едва слышное шуршание: это тоненькая черная змейка ползла от одного пучка травы к другому. Кружева паутины золотились в сиянии мягкого водянистого света, а под их бахромой землю покрывали элегантные композиции из идеальных полумесяцев листьев эвкалипта.

Спустя некоторое время на реке заблестели блики угасающего дневного света. Ее поверхность ожила, переливаясь золотистыми сверкающими узорами в тех местах, где поднимались пузыри. На дальнем берегу из затененной воды выступали причудливые черные стволы мангров. Меня окружали звуки природы: плеск крошечных волн; мелодичное посвистывание казуарин, в кронах которых гулял ветер; щебет и трескотня невидимых птиц, укладывающихся спать на ночь. В воздухе, словно облако золотой пыли, кружил рой мошкар, пронизанный последними лучами заходящего солнца. Смеркалось. Каждое мгновение – словно тихое потрясение: красота простых вещей, что окружала меня, вызывала немое изумление. Мир, сотворивший это очарование, и во мне создал некое соответствие, способное оценить великолепие.

Оглянувшись на склон, я различила меж деревьев темный силуэт – наш дом. Пока я смотрела на него, там вспыхнула точка света. На мгновение она поблекла, но затем засветилась ярче и больше не меркла. Значит, миссис Браун зажгла лампу в гостиной. Потом появилось еще одно светящееся пятнышко. Лампа в столовой.

Вскоре я поднимусь вверх по склону холма, войду в освещенный дом. Там дети – существа, что расцвели, окрепли на этой земле. Я знаю, каждую складочку на их телах, каждый порыв их маленьких душ. Знаю каждый уголок в комнатах, каждый узор волокон на каждой половице. Знаю каждое дерево, каждый камень в моем укромном

уголке на берегу, знаю, как рябит вода в русле во время прилива. С этой землей – почвой, камнями и деревьями – меня связали тысячи дней и ночей, все то время, что я вдыхаю здешний воздух, и тысяча крошечных воспоминаний. В моем укромном уголке у реки, когда бы я ни сидела там, у меня ни разу не возникло мысли определить, где лежит Англия, и обратить в ту сторону свой тоскливый взор. В этом местечке я не думаю ни о каком другом – только о том, что здесь окружает меня. Это небо. Эта земля, Эта вода и эти камни.

Этот край не плоть от плоти моей и кость от костей моих. Прах всех мужчин и женщин, от которых я веду свое происхождение, покоится в Девоне. Мои предки на кладбище в Бриджруле лежат так давно, что их имена почти стерлись на могильных камнях. Но теперь мое место здесь. С этим краем я связана крепче, нежели с любым другим уголком на нашем огромном земном шаре.

Я представила, как живу здесь до конца дней своих. Пускаю корни. Ежедневно ближе к вечеру прихожу к этой реке с ее таинственными тенями. Наблюдаю, как мои дети – а может, и внуки – растут и крепнут под здешним солнцем, дыша здешним сухим благоуханным воздухом. Представляю, как это место обрастает вокруг меня, будто вторая кожа. Как я старею и умираю здесь. И мне радостно, что мой прах станет частичкой этой земли.

Подобно стрелке компаса, что вращается и колеблется, дрожит и наконец замирает, указывая направление, мои мысли сообщили мне то, что я, должно быть, давно уже поняла: это моя родная земля.

Вода потемнела, мангровые деревья обрели сверхъестественные очертания. Сидя у реки и глядя на мрачнейший лес на противоположном берегу, я не видела, как станет разворачиваться здесь мое будущее. Рано или поздно мистер Макартур скажет: «Мы возвращаемся домой», и что мне делать? Пусть я убеждена, что именно это место – моя земля, однако супруга Джона Макартура обязана всюду следовать за мужем. Фантазии о том, чтобы остаться здесь навсегда – это несбыточная мечта, смутная греза.

Но сама эта мысль, при всей ее неосуществимости, была ясной и отчетливой. И уже то, что я осознала и сформулировала свое желание, придавало мне уверенности в собственных силах.

Неуловимы, как дым

Со дня отплытия прежнего губернатора миновало более двух лет, а новый так и не высадился на берегу Сиднейской бухты. Прибывавшие суда привозили разные слухи: назначен тот, назначен этот; никто еще не назначен; губернатор уже в пути. Каждый корабль привозил свою историю, которую передавали из уст в уста на одном дыхании и с той же убежденностью, что и предыдущую.

А тем временем несчастный майор Гроуз все хуже и хуже справлялся со своими обязанностями. Раны, что он получил на службе Его Величества, сражаясь в Америке, подорвали его организм, и, сколько бы он ни отдыхал, восстановить силы не удавалось. Во время редких коротких визитов в Сидней мне случалось мельком увидеть его, и я неизменно отмечала, что у него нездоровый цвет лица и тучность свидетельствует скорее о недомогании, нежели о богатых застольях. Так что никто особенно не удивился, когда он объявил, что должен вернуться в Англию поправить здоровье.

Бразды правления он вверил своему заместителю. Власть не испортила славного полковника Патерсона: он оставался все таким же приятным человеком. Полковник был счастлив просто «погреть кресло губернатора», как он выражался, и соглашался на все предложения, с которыми обращался к нему инспектор по делам общественных работ. Мистер Макартур, конечно, его обхаживал, грубо льстил ему, и он пожаловал моему мужу сто акров земельных угодий за поселением в местечке под названием Тунгабби, затем – еще столько же, – на том основании, что поголовье нашего стада приумножилось. Однако не только мой муж пользовался щедростью полковника: земельные участки раздавались направо и налево, и везде, где были водоемы, фермы росли как грибы.

С увеличением площади пожалованных земель участились и нападения со стороны аборигенов – Пемулвуйя и других, причем их набеги носили все более разрушительный характер. Мистер Макартур отказывался называть происходящее войной, но, какое бы определение он этому ни давал, сомнений не было в том, за кем остается победа. Солдаты, присланные в Новый Южный Уэльс надзирать за каторжниками, были вынуждены охранять поля, засеянные зерновыми.

Однако у каждого поля охрану не поставишь, и драгоценный урожай время от времени поджигали. Владельцы отдаленных хозяйств жили в постоянном страхе, опасаясь, что из леса вот-вот прилетит стрела. Они поговаривали о том, чтобы покинуть свои фермы. Время от времени ситуация усугублялась настолько, что начинали ползти слухи – их давили сразу же, как они появлялись, но народ все равно перешептывался, – будто бы англичанам в конце концов придется уйти из колонии.

Иногда аборигенов подстреливали, это верно. Но о решительной победе не могло быть и речи, ведь борьба всегда велась на условиях местных племен: внезапное нападение, быстрое отступление. Казалось, их ничем не заставить принять открытый бой, в ходе которого ружья сделали бы свое дело. Они были слишком хитры, чтобы подставляться под пули.

Я чувствовала, что поимка аборигенов, которые были неуловимы, как дым, для мистера Макартура становится делом чести. Каждое поражение он воспринимал, как личное оскорбление. Пемулвуй выставлял капитана Макартура дураком.

«Старая волынка»

С судна «Айконик» к нам пришла весть, что следом должен прийти корабль «Адмирал Баррингтон», на борту которого находится новый губернатор. Мистер Макартур тотчас же велел седлать лошадь и умчался в Сидней еще до того, как со стола после завтрака была убрана грязная посуда. Он решил первым встретить нового губернатора. Приказал отвезти его на лодке к борту судна и подплыл к нему раньше, чем спустили якорь, хвастался мой муж. Имел долгую беседу с глазу на глаз с губернатором, в ходе которой дал характеристики основным лицам, что пользовались влиянием в колонии, обрисовал проблемы, с которыми придется столкнуться, и изложил свое видение их решения.

Новый губернатор, как и первый, был офицером военно-морского флота, и мистер Макартур, недолго думая, окрестил его Старой Волынкой. Какое-то время он был доверчив, – к великой радости мистера Макартура. Однако он слыл одним из основателей колонии:

однажды, в составе Первого флота, он уже причаливал в Сиднейской бухте, и человек был неглупый. Он быстро понял, как обстоят дела в колонии, – что ею правит, как королевством, Корпус, и приводным двигателем здесь служит алкоголь. В первый же месяц стало ясно, что губернатор намерен забрать власть у военных в свои руки и положить конец прибыльной торговле ромом.

С точки зрения моего мужа, поведение Старой Волынки иначе как злобствованием не назовешь. Он задался целью уничтожить лично его, капитана Джона Макартура. Это чистейший произвол. Губернатор – негодяй и болван. Инспектор по делам общественных работ пригрозил, что оставит свой пост, стал атаковать Уайтхолл письмами, в которых чернил губернатора, настраивая против него британские власти.

Старая Волынка в долгу не остался. Заявил, что мистер Макартур блефует, что по доброй воле он ни за что не уйдет с поста инспектора, и незамедлительно назначил на эту должность другого человека. Известно, что сам он тоже писал письма в Уайтхолл о бесчинствах военных и никому не давал забыть, что он, в своем лице и на вверенном ему посту, представляет на этом континенте Его Величество короля Георга III.

Полковник Патерсон, теперь в должности вице-губернатора и командующего Корпусом, мистеру Макартуру по-прежнему был полезен, и мой супруг ужом извивался перед ним. Однако прежнего влияния, каким он пользовался, исполняя обязанности губернатора, Патерсон больше не имел. Сомневаться не приходилось: славные деньки военных были сочтены.

Не раз я заставала мистера Макартура в мрачных раздумьях. Он познал вкус побед и боялся потерять достигнутое. Со всех сторон ему перекрывали кислород: новые земли больше не выделяли, его прибыльный спекулятивный бизнес находился под угрозой, и противостояние с аборигенами, которое он отказывался называть войной, продолжалось.

Мне хорошо было знакомо это мрачное задумчивое выражение на его лице. Оно означало, что мой муж снова что-то припрятал в рукаве.

Пытаюсь понять

Как-то ночью посыльный из казарм доставил мистеру Макартуру донесение.

– Да-да, – произнес мистер Макартур. – Нападение на северные фермы. Да, ясно.

Он не был ни встревожен, ни удивлен, словно ждал этого донесения со дня на день и знал, что делать по его поступлению.

– Снова Пемулвуй? – спросила я.

Мистер Макартур раздвинул губы в любезной улыбке, значения которой я не смогла распознать.

– Я обо всем позаботился, моя дорогая.

Тон у него был бодрый, что меня удивило: обычно военные обязанности ничего, кроме раздражения, у него не вызывали. Я опомниться не успела, как он уже вышел из комнаты, требуя, чтобы привели коня. В ту ночь домой он не вернулся.

Я спала беспокойно. Из головы не шло довольное выражение лица мистера Макартура, когда он прочитал донесение. Что вы задумали, мистер Макартур? Что такого вам известно, о чем вы умалчиваете?

Утром, когда я проснулась, все было спокойно. Я вышла на веранду, и миссис Браун принесла мне чай. Из-за угла дома появился Ханнафорд. Только он собрался что-то сказать, где-то вдалеке раздался хлопок ружейного выстрела, потом еще один. Со стороны городка понеслись беспорядочные крики, свист, барабанная дробь, серия выстрелов.

– Что это? – спросила я, охваченная дурным предчувствием. Происходило что-то странное, и это как-то было связано с тем донесением, которое доставили мистеру Макартуру и которого он ожидал.

К нам по склону холма бежал пастух.

– Аборигены, – выпалил он, тяжело отдуваясь. – Аборигены напали! Из-за реки! Две сотни, не меньше!

Глаза его сияли от удовольствия, что он стал участником чего-то грандиозного, но сам находится вне опасности, и ему есть что рассказать.

– Мистер Макартур велел передать, что никакой опасности нет, – продолжал пастух. – Но вы должны оставаться здесь, мадам. Ни в коем

случае не покидайте дом.

– Аборигены, – охнула миссис Браун. – Да поможет им Бог. Они не устоят против ружей.

Пока мы разговаривали, раздались еще несколько десятков выстрелов, три-четыре минуты слышались крики, а потом наступила тишина.

Непонятно, что это была за стычка, но она закончилась.

Муж вернулся домой вечером. К тому времени мы уже услышали рассказ о случившемся – даже в нескольких вариантах. Все объединяла одна главная подробность: через час после рассвета большой отряд аборигенов – по разным версиям от десяти до ста человек – во главе с Пемулвумом напали на поселение Парраматта. Завязался бой. Аборигены были убиты. То ли шесть человек, то ли пятьдесят. По рассказам некоторых, в том числе и Пемулвуй.

Я с нетерпением ждала возвращения мистера Макартура, потому как, на мой слух, многое в этих рассказах противоречило логике. В частности, вызывал недоумение самый важный вопрос: почему Пемулвуй, умный военачальник, решил открыто, среди бела дня, напасть на самое защищенное поселение в колонии, где стоит вооруженная до зубов армия? Ничего подобного он раньше не делал. Он ведь не мог не понимать, что его операция обречена на провал?

Вечером я увидела, как мой муж легким галопом скачет по холму. У дома он резво спрыгнул с лошади, как человек, удовлетворенный выполненной за день работой.

– Это правда – то, что мы слышали? – спросила я. – Про нападение аборигенов?

Мне подумалось, что история дошла до нас в искаженном виде, пока передавалась из уст в уста.

– В целом, да, – ответил он. – Жена, дайте мне отдышаться!

Мистер Макартур велел подать ему ужин, сел за стол и принялся за еду. Я налила вина ему и себе, как терпеливая жена, ожидающая, когда муж соизволит к ней обратиться. Но он, казалось, предпочитал весь вечер намазывать хлеб маслом и больше ни о чем не желал говорить.

– Сэр, вы весь вечер намерены испытывать мое терпение? – спросила я, улыбкой смягчая свой резкий тон.

Он откинулся в кресле, наблюдая за мной, словно пытался соотнести мою улыбку со сказанными словами.

– Ну, – начал мой муж, – дело было так. Аборигены числом более ста человек ночью напали на фермы в северной стороне.

Каждую фразу он чеканил, делал между ними паузы, будто давал показания или диктовал письмо.

– Поселенцы вооружились, преследовали их всю ночь и утром вместе с ними вышли к границам города.

– Всю ночь, – повторила я. – По бушу. А аборигены направлялись к городу? Не скрылись в лесу?

Я не выражала сомнения. Просто пыталась понять.

– Да, дорогая, именно так, как я сказал, – отвечал мистер Макартур. – Поселенцы вместе с аборигенами приблизились к границам города. Потом, утомленные погоней, они – поселенцы, естественно, – вошли в город. А час спустя вслед за ними появился большой отряд аборигенов под предводительством нашего друга Пемулвоя.

На первый взгляд, все очень просто. Но те суровые пронизательные туземцы, с которыми я познакомилась в обсерватории мистера Доуза... Разве можно представить, чтобы люди, подобные им, поступили так, как об этом только что рассказал мистер Макартур?

– Вслед за ними! – воскликнула я. – А зачем бы аборигены стали входить в город вслед за ними, если поселенцы сами преследовали их всю ночь?

Мистер Макартур промолчал. Он смотрел, как по свече на столе стекает серая струйка воска. Перегнувшись над столом, он пальцем остановил эту струйку, отколупал с него приставший к коже воск. Настроение в комнате изменилось. Будто нас окутал холодный воздух, внезапно ворвавшийся в помещение.

Я ломала голову, пытаюсь осмыслить слова мужа. Вслед за поселенцами появился большой отряд аборигенов. На это находилось лишь одно объяснение.

– А, понимаю! – вскричала я. – Наверно, им что-то пообещали!

– Пообещали! – мистер Макартур фыркнул. – Боже, с какой стати им что-то обещать? И зачем, скажите на милость?

Он пытливо посмотрел на меня. Однако мой вопрос был продиктован не подозрительностью. Мне просто непонятен был смысл

фразы «утомленные погоней», а фраза «вслед за ними» вообще не поддавалась осмыслению.

Но, видимо, я ступила на территорию, куда, по мнению мистера Макартура, мне заходить не следовало.

– Простите меня, мистер Макатур.

Если я хочу узнать больше, нужно рассеять холодный воздух.

– Вы поймите, мы здесь слышали стрельбу, и, естественно, я хочу знать все.

Знать все. Я придала своему тону беспечность, словно знать все о стрельбе для меня было не более важно, чем знать все о цене за фунт свинины в военно-продовольственной лавке.

– Конечно, – согласился мой муж. – И вы узнаете все.

Он искоса посмотрел вверх, будто обращался к угловой части потолка.

– Пемулвуй был в ярости, – стал рассказывать он. – Пригрозил, что пронзит копьем первого, кто посмеет к нему подступить. И бросил-таки копье в одного из солдат.

Слова «в ярости» и «бросил копье» мистер Макатур произнес бесцветным тоном, лишая эти сочные образы яркости, делая их такими же обыденными, как «кратковременный дождь» или «погожий денек».

Бросил-таки копье в одного из солдат. Если б Пемулвуй хотел ранить или убить этого солдата, тот был бы ранен или убит, но мистер Макатур об этом ничего не сказал. Меня не покидало ощущение, что я пытаюсь разглядеть картину сквозь пелену густого тумана. Пемулвуй бросил копье в солдата. Это представить было нетрудно, равно как и его ярость. Но что заставило Пемулвуя бросить копье, и чем его ярость была вызвана?

– Сэр, позвольте поинтересоваться, – обратилась я к мужу, – почему Пемулвуй был в ярости? Ее спровоцировали какие-то действия или слова? Некий раскрывшийся обман или нарушенное обещание?

Таким же бесцветным тоном, как у мистера Макатура, я пыталась усыпить его бдительность в надежде, что он расскажет больше.

– Господи, женщина! – вскричал он. – Откуда мне знать, что на уме у дикаря? Вы допрашиваете меня прямо как прокурор!

Он плеснул себе еще вина из графина, точно до краев, отпил глоток.

– В самом деле, дорогая. – Мой муж выдавил из себя смех. – Вы же не даёте мне слова вставить. Как же вам отвечать?

– Мистер Макартур, согласитесь, все это очень странно.

– Дорогая моя, – елеиным голосом заговорил он. – Вы живёте здесь без тревог и забот, как и должно быть. Но тем из нас, кто ежедневно по долгу службы вынужден иметь дело с аборигенами, известно, что это неразумные существа.

Я молчала, хотя теперь уже была почти уверена в том, что муж разыгрывает спектакль. Не торопясь, он глотнул ещё вина и аккуратно поставил бокал на стол.

– Пемулвуй своими действиями инициировал конфликт, и мы были обязаны продемонстрировать аборигенам превосходство нашего стрелкового оружия.

Наконец-то картина прояснилась. Солдаты выстроились в боевой порядок и, держа на изготовке заряженные ружья, ждали команды «Огонь!». Когда Пемулвуй метнул копье, команда была отдана. Человеком, которому они подчинялись.

Мой муж был военным. А профессия военного, по крайней мере, теоретически, сопряжена с необходимостью убивать. Но пока мы не перебрались в Парраматту, для него воинская служба ограничивалась такими понятиями, как военная форма, субординация и карьерный рост. До сей минуты, пока я не услышала из его уст «превосходство нашего стрелкового оружия», я никогда не задумывалась о кровавой стороне его профессии.

Возможно, сам он не нацеливал ружье. Сам лично не давил пальцем на послушный металлический язычок, выпуская свинцовый шарик, который пробивал плоть и дробил кости человека. Но именно его голос отдал команду: «Огонь!». Решение принимал он. Оно могло быть и другим.

Я представила, как мой муж, человек, который каждую ночь сливается со мной в интимной близости, отдаёт этот страшный приказ, и у меня сдавило горло.

– Сколько убитых?

Как непривычно прозвучало это слово!

– Убитых? Сколько убитых? Пять или шесть. И несколько раненых.

– А Пемулвуй? – спросила я. – Тоже убит?

Муж приподнял бокал и затем осушил его.

– Пемулвуй жив, взят в плен, – ответил он. – В него всадили семь дробинок. Он сейчас в госпитале, под охраной.

Мистер Макартур вытер рот, бросил салфетку рядом с тарелкой и, откинувшись в кресле, сложил руки на груди.

– Черный генералиссимус у нас в руках, поэтому я убежден, дорогая, что дикари больше не будут доставлять нам неприятности.

Ледяной холод

На следующее утро я пошла на место вчерашних событий. Можно только догадываться, что здесь произошло на самом деле. Вход в госпиталь охраняли солдаты, – только это и было необычно. На траве, на камнях, на земле – никаких следов того, что случилось накануне.

Неоспорим был один-единственный факт: кто-то стрелял. Я сама слышала.

Пемулвуй захвачен в плен; это не точно, но вероятно. В него всадили семь дробинок. Если это так, значит, это еще одна странность во всей этой странной истории. Получается, что мушкеты, из которых, по словам мистера Макартура, убили аборигенов, были заряжены пулями, а в Пемулвуя стреляли дробью. В моем понимании, этому могло быть лишь одно объяснение: значит, так и планировалось – не убивать Пемулвуя, а захватить его в плен.

Все офицеры Его Величества изучали историю и знали: если убить вождя на поле боя, есть риск, что в глазах подчиненных он станет мучеником, а это опасно. Но взять его в плен – значит, уничтожить. Его можно показывать публике и унижать, можно казнить или отправить в изгнание. Или даже заставить его обратиться к своему народу с призывом сложить оружие. Разные возможны варианты действий, но если вождь захвачен в плен, победа гарантирована.

Сердце мое окутал ледяной холод. Казалось, все как обычно, ничего особенного, но за этой обыденностью скрывался ужас происшедшего. В лучах утреннего солнца сверкала и переливалась река, на противоположный берег со щебетом перелетала стайка красных попугаев, передо мной прыгала сорока; она еще не научилась бояться и проявлять осторожность. Все было как всегда. Тела убитых,

если они были, унесли, а следы крови засыпали землей. Ничто не напоминало о событиях минувшего дня. Только слова той истории, словно вырезанные из бумаги и приклеенные прямо на воздух.

Мне некуда было податься, кроме как вернуться в дом, принадлежавший моему мужу. Там сейчас проснутся дети, тоже принадлежавшие ему; а мужчины и женщины, для которых он был хозяином, будут заботиться о его нуждах. Я могла бы по возвращении в дом попытаться выведать у мистера Макартура новые подробности. Но зачем? Он уже сочинил свою версию, у него нет причин пересказывать ее на новый лад.

Я стояла там так долго, что привлекла внимание солдат, несших службу возле казарм. Я заметила, как они переговариваются, поглядывая в мою сторону. Не дожидаясь, пока они подойдут и спросят: «В чем дело, миссис Макатур?», я повернулась и пошла к дому и к тому человеку, который будет оставаться моим мужем, пока смерть не разлучит нас.

Будут проходить дни, недели, месяцы. Вся оставшаяся жизнь. Но каждый божий день будет омрачать тень этого: убийства людей и версии, которая никого не убедила.

Плодовитость

«Место, где живут угри» на редкость благотворно влияло на плодовитость, причем не только овец. Элизабет еще не исполнилось и двух лет, когда родился Джеймс. Это был крепкий цветущий малыш, спокойный и ласковый. Мне было радостно, что он полон жизненных сил, в отличие от Эдварда, который был очень слабеньким в ранний период жизни, да и от Элизабет, и сейчас еще не отличавшейся крепким здоровьем. Он был первым ребенком, которого я могла любить, не опасаясь за его жизнь, и моя любовь к нему ничем не омрачалась. Примерно в то время, когда ему исполнился годик, я снова забеременела. Когда поняла это, у меня ёкнуло сердце.

А потом Джеймс умер. Абсолютно здоровый малыш скоропостижно скончался от внезапно поднявшегося жара. Он лежал бледный и вялый, глазки его тускнели, и никакие снадобья не

помогали. Через два дня его не стало. Миссис Браун пришла ко мне в душную затемненную комнату, где его тельце покоилось среди компрессов и настоек, с помощью которых мы пытались его спасти. Она обняла меня и тихо сидела рядом, а я тонула в ее безмолвных объятиях, остро ощущая возникшую невыносимую пустоту. Она ничего не говорила, но не отходила от меня, помогая осознать жуткую реальность.

Мы похоронили малыша на холме Прекрасный Вид. Опустили гробик в маленькую могилку, сверху поставили небольшой надгробный камень, на котором высечено его имя. Теперь этот холм стал еще дороже моему сердцу, ибо здесь в этой земле погребена частичка меня самой.

Горе мое было велико, но от него необходимо было отрешиться и подготовиться к рождению нового сына, Джона. Я любила Джона, но мою любовь к нему всегда омрачала скорбь. Он выжил, подрос, стал мужчиной, но и его постигла безвременная кончина. Должно быть, на подсознательном уровне он всегда чувствовал, что мать не вполне была готова к его появлению на свет, потому как оплакивала смерть его братика.

Едва Джону исполнился годик, я родила вторую дочку, так что Джон и Мэри были почти как близнецы. Когда Мэри пошел третий год, я разрешилась третьим сыном (по настоянию мистера Макартура его тоже называли Джеймсом). Два года спустя родился Уильям, потом – наш последний ребенок, Эммелин.

Зря я так поступила

Как и все джентльмены в колонии, мистер Макартур полагал, что дети должны учиться в хорошей английской школе. Я не возражала против этой идеи, но, разумеется, в колонии не было ни одного учебного заведения, достойного называться школой. Я уже, бывало, тайком лила слезы, думая о том, что ожидает моих детей, когда они вырастут. Начиная с того возраста, когда они могли произнести слово «Англия», мистер Макартур втолковывал им, что Англия – источник всего хорошего, и они говорили о ней с восторгом.

Вскоре после того, как Эдварду исполнилось семь лет, мистер Макартур нашел некоего мистера Скиннера, который взялся доставить нашего сына в Англию и устроить его там в школу. Мистер Макартур объявил мне об этом, зачитав с записки мистера Скиннера дату отплытия так, словно речь шла о пустяке. Но пока он говорил, я видела, как его пальцы загибают уголок листочка бумаги, загибают и разглаживают, загибают и разглаживают.

Я всегда знала, что это время наступит, но всегда надеялась, что не так скоро. Как-нибудь позже. И вот этот жестокий час настал.

– Он еще слишком мал, – промолвила я. – Может, немного подождем?

Мистер Макартур хлопнул письмом по ноге, словно отшлепал себя самого.

– Глупости, – произнесли его губы, хотя рука выдавала волнение. – Ждать незачем. Ничего это не даст. Совсем ничего.

И тут, к моему удивлению, он подошел и обнял меня за плечи.

– Дорогая, – заговорил мой муж, в этот раз с нежностью в голосе. – Дорогая моя, я понимаю, для вас это тяжкое испытание. Как и для любой матери.

– А для отца – нет?

Мистер Макартур убрал руку с моего плеча, сложил записку, сунул ее в карман.

– Ему там понравится, – ответил он.

Повисла тишина. Мы оба понимали, до чего неубедительно звучат его слова.

– Это необходимо, – сказал он, и сейчас у нас с ним была одна печаль на двоих.

Мистер Макартур велел мне не прощаться с Эдвардом. Иначе, по его мнению, расставание выйдет слишком тяжелым.

– Но его нужно подготовить, – возразила я. – Нужно ему все объяснить.

– Вздор, – ответил мистер Макартур. – Пусть взойдет на корабль в веселом настроении. Если будет знать, что ему придется расстаться с родными, он раскапризничается.

– Но тогда он начнет капризничать после отплытия, когда поймет, что произошло!

– Ничего, переживет. Быстро пообвыкнется, – ответил мой муж. – У детей память короткая.

Вместе с мистером Макартуром и мистером Скиннером я проводила Эдварда в каюту. Мистер Скиннер стал демонстрировать ему всякие хитроумные приспособления для размещения и закрепления вещей. Пока Эдвард рассматривал, как работает задвижка стенного шкафа, мистер Макартур глазами показал мне на дверь. Я замешкалась. Он жестом повторил свой приказ.

Я наклонилась, чтобы поцеловать сына. Обнять его на прощание. Но в этот момент задвижка заинтересовала его больше, чем мама: задвижка – это что-то новое, а мама – знакомая и незыблемая, как воздух. Мистер Макартур спешил выпроводить меня, подталкивал к двери. Прежде чем выйти, я вытащила из лифа платья носовой платок и сунула его в вещи Эдварда.

Я покинула судно, но знала, как все будет. Через некоторое время мальчику надоест рассматривать новые устройства, он оглянется вокруг, ища маму, и, не увидев ее, спросит, где она, а ему скажут, что мама ушла. И что он не увидит ее несколько лет. Пока время для него еще ничего не значит, но он поймет главное: мама бросила его. Он посмотрит снизу вверх на мистера Скиннера и усвоит: отныне, кроме как на этого человека, ему не на кого будет положиться.

Он заплачет – в первую очередь оттого, что его предали. Предали, позволив с радостью, ни о чем не думая, взбежать на борт корабля.

Зря я послушала мужа. До того, как подняться на корабль, мне следовало все объяснить сыну, вытерпеть его возмущение, быть с ним рядом, пока он не успокоится. Даже в самый последний момент я могла бы сказать: «Эдвард, отвлекись от этой задвижки. Я ухожу».

А я струсила. Была взволнована, не уверена в себе. Знала только, когда сходила с корабля, спотыкаясь и оступаясь, что допустила чудовищное зло.

Я проявила слабость и – видит Бог – очень сожалею об этом.

Дом родной

Мистер Макартур из всех сил старался подорвать позиции Старой Волынки, и на данный момент вроде бы получалось, что он побеждает

в этом противостоянии. Мой муж продолжал кричать об оскорблениях и бесчинствах, но чувствовал: я видела, что общая атмосфера в колонии меняется. Он чутко улавливал настроения людей, и, судя по его рассказам, кое-кто из сослуживцев, похоже, стал его избегать. Некоторые старались незаметно ускользнуть под защиту губернатора. Даже я, жена офицера, живущая на отдаленной ферме в Парраматте, чувствовала: каждый стремится прикрыть собственный зад, который вдруг оказался голым.

Однажды вечером я сидела одна в гостиной. Тут появился муж.

– Моя дорогая, любимейшая супруга, – начал он.

У меня напряглись все нервы.

– Вы всегда были королевой среди жен, – продолжал мистер Макартур. – И ваше терпение наконец-то вознаграждено. Я решил, что мы продадим все наше здешнее имущество и вернемся на землю наших предков.

Мое состояние было сравнимо с состоянием женщины, которая находилась на краю высокой скалы в Буде^[24], шла там спокойно по траве и вдруг поскользнулась. Еще мгновение, и сила тяжести увлечет ее вниз, но пока она уверена, что еще успеет сделать шаг назад. Она не испытывает ужаса, а лишь представляет, как падает в какую-то сеть или ее подхватывает ангел. Срываясь в пропасть, она так и будет улыбаться.

Но не будет ни сети, ни ангела. Она станет отчаянно за что-нибудь цепляться – за травинку, за воздух.

– Какое счастье! – воскликнула я дрожащим голосом, а муж улыбался, словно разделяя мою мнимую радость. – Какое счастье снова увидеть дом родной! Чудесная новость, – продолжала я, будто надеялась потоком слов помешать претворению в жизнь этой идеи.

Как и подобает человеку, тоскующему по родине, придала своему лицу восторженное выражение, а сама ждала, когда же меня посетит вдохновение. Я всегда знала, что возвращение в Англию неизбежно, но убеждала себя, что это произойдет не сегодня, а завтра или в следующем месяце, или в следующем году. А теперь ужасалась тому, что позволила себе жить в заблуждении. Вечера в моем укроном уголке, послеполуденные прогулки по холму, дети, родившиеся здесь, и те, которые умерли, – я привыкла считать, что так будет всегда.

– Я предложу все это Его Превосходительству, – сказал мистер Макатур.

Губернатора Его Превосходительством он всегда величал с насмешкой.

– Только у государства найдутся деньги, чтобы купить столь дорогое поместье. Запрошу две тысячи фунтов. Столько стоит один наш дом. Он не откажется от такого предложения.

Именно фраза «не откажется от такого предложения» натолкнула меня на гениальную мысль.

– Две тысячи фунтов! – воскликнула я. – Вы необычайно щедры, мистер Макатур. Роскошный подарок. Его Превосходительство будет тронут.

– Подарок! – вскричал мой муж. – Подарок Его Превосходительству!

– Это лишь подчеркивает ваше благородство, с коим вы отдаете себя служению колонии, – вдохновенно продолжала я – сама невинность. – Вы трудитесь больше, чем того требует служебный долг, то и дело мчитесь в Сидней и обратно, загоня лошадь, вносите неопределимый вклад в процветание колонии! А теперь еще великодушно предлагаете в дар лучшую ферму во всем Новом Южном Уэльсе – полностью расчищенный от леса и засеянный участок, с великолепным домом, да еще и с домашним скотом в придачу – лошадьми и, конечно, овцами. Ведь что ни говори, а у вас имеется дюжина чистокровных испанских овец, которые вообще водятся только в Испании!

Тут я заставила себя остановиться, потому как почувствовала, что перестаю контролировать свою речь, да и в голосе появилась излишняя пронзительность.

– Разумеется, две тысячи фунтов – это только за землю и дом, – произнес мой муж. – За посевы и скот будет назначена отдельная цена. Пожалуй, скажу Старой Волынке, что не готов рассматривать суммы менее трех тысяч.

Я кивнула, но позволила себе чуть нахмуриться. Сказала:

– Нам удалось устроиться здесь с комфортом. Надеюсь, что и на родине мы будем жить с не меньшим размахом. Ваш дорогой брат подыщет для нас скромный домик. Да и ваши сослуживцы, возможно, посоветуют вам, как жить на ваше жалованье наилучшим образом.

Ответом мне было многообещающее молчание мистера Макартура.

– Лошади, – произнес он. – Я ведь совсем забыл про лошадей. Самые чистокровные кони в стране. Пожалуй, надо назначить четыре тысячи.

В его голосе слышалось сомнение, и, если честно, сумма действительно была колоссальной.

– Вы много лет служите Короне верой и правдой, – подыгрывала я, – и, если он потребует, чтобы вы уступили поместье за меньшую цену, это будет оскорблением.

Мистер Макартур вскочил на ноги как ужаленный, поворошил кочергой угли в камине и снова степенно опустился на стул. Сыграл мой козырь – слово «оскорбление». И мне подумалось, что мы с хитроумным мистером Макартуром, в конце концов, не так уж сильно отличаемся друг от друга.

В порыве вдохновенной изобретательности я сделала все, что от меня зависело. Но в окончательном исходе дела я не могла быть уверена. Да, существовала вероятность, что правительство задумается, почему это нужно платить четыре тысячи фунтов за то, что оно само же выделило бесплатно, и тогда мы останемся. С другой стороны, не исключено, что губернатор, не чая избавиться от мистера Макартура, заплатит любую требуемую сумму, и мы уедем в Англию.

Губернатор сообщил мистеру Макартуру, что немедленно направил письмо в адрес правительства, от всей души рекомендуя выкупить у моего мужа поместье. Но в Уайтхолле не были уверены в правильности такого решения. Наоборот, чиновники во властных структурах, по-видимому, немало удивились, что офицер, получающий жалованье от Его Величества за свой труд на государственной службе, нашел возможность сколотить огромное состояние за столь короткий срок. Внезапно Уайтхолл заинтересовался капитаном Джоном Макартуром и его деятельностью в связи с поставками рома, ввозившегося в колонию под его надзором.

Разговоры о продаже поместья прекратились. Но я не спешила праздновать победу. Возможно, это была лишь передышка. Я ведь знала своего мужа. Если он что-то решил, просто так не отступит.

Каждый вечер я, как и раньше, посещала свой укромный уголок, но теперь в грустном настроении, в предчувствии расставания.

Признаюсь, приходили мне в голову и другие мысли. Мышьяк. Белладонна. Могла ли я обратить свои мысли в действия? Разве что в воображении. Моя жизнь была одновременно и проще, и сложнее любой придуманной истории. К тому же я знала, что я не убийца.

Ключ и замок

Как-то вечером, примерно год спустя после разговора о четырех тысячах фунтов, мистер Макартур изложил мне еще один грандиозный план.

– Дорогая, – начал он, когда мы после ужина расположились у камина, – с некоторых пор мне очевидно, что у нас имеется лучшее из того, на чем можно заработать большие деньги. Я размышлял о нашем будущем здесь и понял, что мы должны заняться производством тонкорунной шерсти.

– Тонкорунной шерсти! – воскликнула я, и только тот, кто знал меня лучше, чем мистер Макартур, расслышал бы в моем возгласе изумленную иронию.

– Любой разумный человек понимает, что колония должна производить продукцию, которую можно экспортировать, – продолжал он. – Шерсть отвечает всем требованиям. Мы уже доказали, что овцы прекрасно приживаются в здешних краях.

Я прикрыла нижнюю часть лица веером, якобы заслоняя щеки от жара, исходящего от камина.

– Овцы испанской породы, что я прикупил, показали, чего можно достичь, – продолжал он. – А идея спаривания испанских баранов с овцами менее ценных пород дала результаты, превзошедшие все мои ожидания.

Прикрываясь веером, я наблюдала за мужем. Мистер Макартур ничем не выдавал, что никогда и не планировал осуществлять эту идею, как он выразился. Нет, он не притворялся, не лгал. Ему было свойственно увлекаться теми версиями, которые он излагал, при этом напрочь забывая, что они не соответствуют действительности. И в этом состояло его главное преимущество.

Расхаживая по комнате, он рассуждал о своих планах с такой страстью, что в уголках рта у него пенилась слюна. Оказывается, это с его подачи была выведена порода овец, дающих шерсть невиданного доселе качества. А теперь он лично намерен заняться ее экспортом и сбытом на рынке.

Недостаточно просто погрузить руно с фермы Джона Макартура в бочки на корабль и отправить его в Лондон, рассчитывая на то, что торговцы шерстью сбегутся к пристани, требуя, чтобы настриг продали именно им. Такой товар должен сопровождать знающий человек – тот, кто умеет заключать выгодные сделки, кому можно доверить ведение коммерческих вопросов торговли. И с этой задачей способен справиться только сам мистер Макартур. Он постарается при первой же возможности найти подходящий предлог, чтобы оформить отпуск, и отправится в Лондон с партией шерсти. Извиняясь, мой муж сообщил, что мне придется остаться в Новом Южном Уэльсе. Наговорил льстивых слов с три короба.

– Дорогая моя, я прекрасно понимаю, с какими трудностями вы столкнетесь, отстаивая здесь наши интересы, – сказал он. – Я глубоко убежден, что из тысячи человек не найдется и одного, кто обладал бы надлежащей решимостью и надлежащим упорством, чтобы преодолеть их. Но я верю в вас, моя дорогая супруга. Вы справитесь с ними, чем заслужите мою благодарность и доставите мне полное удовольствие.

Мне пришлось сделать вид, будто я сомневаюсь в своих способностях. Нельзя было показывать, что я одобряю его идею. Но выбрать верный тон не составило труда, ведь муж почти не слушал меня. Он уже воображал, как шагает по Лондону – Ясон нового мира, покоряющий всех своим золотым руном. Сложнее было скрыть от него свою радость.

Плыть до Англии полгода. И полгода обратно. Год в Лондоне на то, чтобы попытаться устроить сделки купли-продажи. Это уже два года. А если мы с Ханнафордом будем регулярно отправлять новые партии шерсти, возможно, мистер Макартур сочтет необходимым задержаться в Лондоне, чтобы организовать сбыт дополнительных поставок. Задача состояла в том, поняла я, – как и мой муж, обратив взгляд в будущее, – чтобы обеспечить поставки шерсти в приличных объемах, но не в таких, благодаря которым мы сумеем заработать

достаточно денег и вернуться в Англию. Я дала волю воображению: два года, четыре года. Восемь лет.

Но запретила себе надеяться. Ведь он еще никуда не уехал.

Во всем этом была чудесная логика. Мистер Макартур хотел продавать шерсть. Меня же вполне устраивало то, что я останусь здесь и буду обеспечивать ее производство. С неким извращенным удовлетворением я отметила, что хотя бы в этом деле мы с мистером Макартом идеально дополняем друг друга, словно ключ и замок.

Два шанса из пяти

Но мистер Макартур не успел организовать поездку в Лондон. В те дни среди офицеров зрело недовольство губернатором. Муж не посвящал меня во все подробности, да я и не хотела их знать. Мне только было известно, что состоялся некий суд, который, как и все судебные разбирательства, проводили офицеры Корпуса Нового Южного Уэльса, и губернатор по глупости не согласился с вынесенным приговором.

Мистер Макартур предпринял какие-то шаги, в результате которых его сослуживцы впали в безрассудное исступление, стали действовать в ущерб собственным интересам. Он был большой мастак провоцировать людей, подстрекать их к совершению безумных поступков, используя холодный расчет, прибегая к язвительным насмешкам и высокомерному презрению. Я могла бы предостеречь губернатора, сказав: «Сэр, ни в коем случае не связывайтесь с моим мужем. Это все равно что потревожить осиное гнездо. Вам будет казаться, что победа останется за вами, и какое-то время, возможно, вы будете на коне, но в конечном итоге он уничтожит вас».

С легкой руки мистера Макартира недовольство военных перерастало в мятеж. Офицеры бойкотировали губернатора, игнорировали его при встрече на улице. Все, кроме полковника Патерсона. Миротлюбивый по натуре, он имел для этого и другие мотивы. С губернатором его издавна связывала крепкая дружба, оба в Англии пользовались протекцией всемогущего сэра Джозефа. Полковник был поставлен перед выбором: либо стать врагом губернатора и сэра Джозефа, либо – мистера Макартира. Он находился

именно в таком положении, в какое мистер Макартур любил загонять своих врагов: между зубьями капкана.

Когда конфликт достиг точки кипения, в нашем доме будто пронесся ураган: мистер Макартур примчался из Сиднея, ворвался в дом, прошел в библиотеку, с грохотом стал рыться в шкафах, достал ящик с дуэльными пистолетами. Стоя у двери, я наблюдала, как он их проверяет; руки у него тряслись, но не от страха, а от возбуждения. Пружина внутри него была сжата до предела.

– Патерсон вызвал меня на дуэль. Кретин. Помилуй его, Господи, потому как от меня милости он не дождется!

– Мистер Макартур, – обратилась я к мужу, подняв руку. Но он меня будто не слышал. Глаза его искрились от радости, он улыбался, словно предвкушал высшее наслаждение.

– Это моя добыча, – сказал он. – Прошу вас, дорогая жена, не пытайтесь помешать моей охоте!

– Мистер Макартур, – снова начала я. Никак не могла решить, что делать – пытаться его остановить или поддержать? И в том, и в другом случае будут определенные последствия, но я затруднялась оценить их масштаб.

– Не берите в голову, – он отмахнулся, хотя я так и не нашлась, что сказать. – Я уже так глубоко втянулся в это, что игра становится увлекательной.

– Становится увлекательной, – повторила я. – Игра.

Перехитрить, выждать. Это девиз всегда мне помогал, но хитрость моя иссякла, времени выждать не осталось.

Мистер Макартур умчался, и дом окутала тишина, словно все вокруг затаило дыхание.

Я стояла у входной двери и смотрела на сад, слушая, как стук копыт лошади, которую он пустил галопом, постепенно удаляется и стихает.

Дуэль должна была состояться в укромном месте, окруженном деревьями, за казармами Парраматты, где, как мне было известно, уже проводилось несколько бескровных поединков. Я представила, как там собираются участники: дуэлянты, секунданты, врач. Как заряжают пистолеты – этим занимается, разумеется, мистер Макартур. Шагами отмеряют расстояние до барьера. И вот гремят выстрелы. Если я выйду из дома, возможно, услышу их. Первый выстрел, второй.

И что потом? Я хладнокровно перебирала в уме возможные варианты. Оба дуэлянта промахиваются. Мистер Макартур ранит полковника. Полковник ранит мистера Макартура. Полковник убивает мистера Макартура. Мистер Макартур убивает полковника.

Согласно несложным подсчетам, существовал один шанс из пяти, что примерно через час домой принесут труп моего мужа. И один шанс из пяти, что его арестуют за убийство. Значит, всего два шанса из пяти.

Я не до конца выразила свою мысль в словесной форме: два шанса из пяти, что я от него избавлюсь. Признаюсь честно: шансы я подсчитывала с надеждой в душе, а не со страхом. Это мои личные записки, а перед собой притворяться мне незачем.

Мистер Макартур домой вернулся очень поздно. Его не убили, и он никого не убил. Пуля полковника прошла мимо, а мистер Макартур, стрелявший из пистолета «с секретом», ранил полковника в плечо.

Даже в условиях бурных событий, происходивших в Новом Южном Уэльсе, факт ранения командира части не мог быть оставлен без внимания. Губернатор был обязан принять меры. До тех пор, пока не станет известно, выживет ли полковник Патерсон, решением губернатора мистер Макартур был ограничен в свободе передвижения: ему запрещалось покидать свой дом. Арестованный, разумеется, не преминул направить губернатору запрос: дозволено ли ему перемещаться из комнаты в комнату? А выходить на веранду? А ходить в уборную?

Когда стало ясно, что полковник будет жить, мистер Макартур принялся требовать проведения военного суда, чтобы защитить свое доброе имя. Губернатор об этом даже слышать не хотел и изъявил готовность отпустить мистера Макартура из-под домашнего ареста, если тот пообещает не сеять смуту. Это был неверный ход: мистер Макартур отверг предложение губернатора. Как же, он должен отстаивать свою честь! Честь, которой у него не было.

И тут я поняла замысел мужа. Раз он отклонил предложение губернатора, тот теперь обязан отправить его в Англию, где мистер Макартур предстанет перед судом.

И вот в один прекрасный ноябрьский день мистер Макартур покинул Парраматту и на пакетботе отправился в Сидней. На следующий день он должен был взойти на корабль Его Величества «Хантер», который отчалит из Сиднейской бухты, поплывет через заливы и мимо мысов гавани, пройдет между скалами, где проходило и судно «Скарборо», доставившее нас в Австралию двенадцать лет назад, выйдет в открытый океан и возьмет курс на Англию.

Я наблюдала, как пакетбот, дождавшись прилива, отбыл вниз по реке, прошел по большой дуге под сенью раскидистых мангров и исчез. Только что судно маячило вдалеке и вдруг растворилось, словно его поглотили мангровые деревья: скрылись из виду нос, корпус, корма, махнул на прощание флаг. Я не сводила глаз с реки, будто ждала, что пакетбот вот-вот появится, приблизится, вернется к пристани, будто отъезд мистера Макартура был лишь сладкой мечтой.

Я долго стояла и смотрела на реку, забыв про время, которое отныне принадлежало мне. Вода деловито облизывала камни волнолома, на поверхности реки плясали танцующие огоньки, с пронзительным криком пролетела чайка. А я все стояла и стояла, вдыхая сладостный воздух одиночества.

* * *

После описанных событий прошло сорок лет. Я сижу в залитой солнцем маленькой комнате своего дома в Парраматте, которая долгие годы служила мне рабочим кабинетом. Мистер Макартур дал нашей ферме название «Элизабет-Фарм», но в письмах я всегда пишу «Парраматта» и каждый раз думаю о людях, на языке которых наречен этот уголок Нового Южного Уэльса. Для них Парраматта всегда была и останется «местом, где водятся угри».

Сегодня, по прошествии стольких лет, я точно знаю, какая участь постигла гадигалов, вангалов, камерайгалов, бурраматтагалов и все другие местные народы. Их прогнали с родных земель, нарушили их традиционный образ жизни. Над ними чинили жестокие расправы. Их убивали. Но самое страшное – их лишили собственной истории, переписав ее на мнимую.

Наиболее близко к истине – и к моему дому, ведь сейчас я сижу и смотрю в сторону реки, где, предположительно, имело место «эпохальное» событие – это то, что случилось час спустя после рассвета тем летним утром, когда Пемулвуй бросил в английского солдата копьё.

Впоследствии ему удалось сбежать из госпиталя, прямо с кандалами на ноге. Еще несколько лет он возглавлял опустошительные набеги на фермы, пока за его поимку, живым или мертвым, не была назначена награда. Пемулвуй застрелил какой-то колонист. В доказательство того, что вождь убит, он отрезал ему голову, которую отправили в Англию и передали ученым.

Гибель одного человека не положила конец набегам: в отдаленных районах они продолжают и по сей день. А как может быть иначе? Это мы говорим «нападения и разграбления». А для аборигенов это «защита родных мест».

Но после того утра колонисты обрели уверенность. То столкновение они величали «битвой при Парраматте», будто стычка, длившаяся несколько минут, была сравнима с такими событиями, как Фермопильское сражение или битва при Азенкуре, и могла считаться одной из побед, одержанных при одобрении Всевышнего.

Битва при Парраматте подтверждает историю, сочиненную колонистами для самих себя, о том, что люди, которых они согнали с их земель, неразумны и лишены здравого смысла. Ха, эти дикари решили, что сумеют захватить один из укрепленных гарнизонов Его Величества! Эта история, как и все подобные выдумки, призвана убедить колонистов, что, сгоняя с земли коренных жителей Австралии, они просто поддерживают естественный порядок вещей: сильные и умные вытесняют слабых и глупых. Как это ни печально, но они убеждают друг друга, что это так же неизбежно, как то, что после дня наступает ночь.

Мистер Макартур о том столкновении составил отчет для губернатора, а тот, должно быть, передал его капитану Коллинзу, в ту пору находившемуся в Англии. Коллинз использовал отчет в своем очерке о колонии, и, насколько мне известно, до сих пор ни у кого эти сведения не вызывали недоверия.

Возможно, именно занятия астрономией научили меня сомневаться в том, что, на первый взгляд, не подлежит сомнению. К

тому же, я точно знаю, что люди Пемулвуйя – не слабые и не глупые. А очерк капитана Коллинза представляется правдивым только тем, кто считает иначе.

Не могу точно сказать, что на самом деле произошло в то далекое утро. Но я абсолютно убеждена, что все было не так, как мистер Макартур рассказал мне, а капитан Коллинз – всему миру. Зная своего мужа, я уверена, что он подстроил какую-то хитрость: устроил ловушку или засаду или нарушил ранее данное обещание. В любом случае правду об этом событии скрыли, а вместо этого вставили выдуманную историю.

Я – пришлый человек на этой земле, ее душа для меня потемки. Годы жизни одной женщины – ничто по сравнению с бесчисленными поколениями людей, обитавших здесь до меня. Но, хотя я и переселенка, эта земля стала для меня родной. Любое другое место было бы для меня ссылкой.

Конечно, я понимаю, что «мой укромный уголок» – та комната со стенами из листвы возле реки – на самом деле не мой. Как и большинство других колонистов, прежде я не никогда не давала определения тому, что делаю. Теперь я готова быть честнее. Как и миссис Браун, я должна признать, что я воровка. Причем даже в большей степени, чем миссис Браун. Она украла только однажды. А я краду последние сорок лет.

Да, я слежу за тем, чтобы к людям, живущим на наших угодьях, относились хорошо. Я снабжаю их различными товарами, которые они вроде бы ценят, хотя до недавнего времени прекрасно обходились и без них; эти предметы потребовались им лишь в связи с нашим появлением. Мы приветствуем друг друга по именам, немного общаемся – на английском языке, поскольку они лучше говорят на английском, нежели я на бурраматтагальском, – болтаем о том о сем, как обычные соседи.

Но под взаимной доброжелательностью кроется известный и им, и мне нелицеприятный факт: я не готова вернуть аборигенам то, что всегда им принадлежало. Не готова забрать детей, сесть на корабль и возвратиться на землю наших предков.

Я не вижу способа исправить причиненное этим людям зло, как не видела тогда, много лет назад, когда подняла с земли палку

женщины из племени бурраматтагалов и услышала то, что ее посредством мне хотели сообщить. Разница в том, что сегодня я не отворачиваюсь от этих проблем. Я готова открыто смотреть на то, что мы натворили.

Легче на душе от этого не становится. Но это первый шаг, первая суровая правда, без которой не может быть надежды на искупление вины.

За окном – сад в мягких лучах вечернего солнца, дальше, за садом, большие спокойные деревья, которые стоят на этой земле испокон веков, пустили в ней корни задолго до того, как Элизабет Вил заняла свое место в этом мире. Какой счастье знать, что деревья, солнце, птицы были и будут всегда, независимо от того, что происходило и происходит в этом доме и в сердце его хозяйки.

Теперь я понимаю, что судьба, Провидение – или как еще можно назвать удачу – подарили мне два блаженных периода жизни без мистера Макартура. В первый раз он отсутствовал четыре года, во второй – почти десять лет. Вернувшись второй раз, муж стал постоянно впадать то в маниакальное состояние, то в мрачное уныние. Он был как станок, работающий на предельной скорости: дымит, кричит и наконец разрывается на мелкие части. В конечном итоге на фоне безумия у него сформировалась убежденность, что жена ему изменяет. Какая потрясающая насмешка судьбы! Через много лет после того, как его жена блаженствовала в объятиях мистера Доуза, мистер Макартур говорил правду, но к тому времени он уже давно был сумасшедшим и так часто выдвигал самые разные обвинения, что его никто и не слушал.

Годы отсутствия мужа предоставили мне возможности, какие бывают предложены очень немногим женщинам. Занимаясь овцеводством без его помощи, я не была ни женой, ни вдовой, ни старой девой. И одновременно и той, и другой, и третьей в одном лице. Находясь в столь двусмысленном положении, я могла оставаться только самой собой, и моим уделом, как и всех нас, было одиночество. Особенно в старости.

Одиночество не принято воспевать. Одиночества нужно страшиться. И все же жить в одиночестве – одно удовольствие. Кто-то

сочтет, что это скучное существование, но, пережив столь бурливое замужество, я приветствую такую скуку.

Сейчас на закате жизни, как выразились бы поэты, я особенно люблю вечера. На исходе дня я совершаю ритуал, похожий на молитву: когда на траву ложатся длинные тени, я спускаюсь к реке. Здесь каждый вечер красив, но сегодня, после недавней грозы, необъятное небо в оранжевом отблеске заходящего солнца похоже на огромную страницу величественной книги. На нем – все облака, какие бывают: кудрявые белые крапинки в окантовке из беспорядочных пунктирных линий; белые клочья, похожие на волосы старика; эффектные, пушистые, как ковер, горки; розовые перышки, освещенные последними лучами заходящего солнца, и еще, словно приблудившиеся совсем из другого неба, два небольших ярких облачка, по форме очень напоминающие лупы мистера Доуза.

Я сидела на бревне, смотрела на угасающий дневной свет, на отражение в реке нежного сияния неба. По песчаной полосе пробирались пятеро ребятишек из племени бурраматтагалов. Их длинные худые ноги ритмично сгибались в коленях и выпрямлялись, сгибались и выпрямлялись. Эти ноги, созданные для ходьбы на большие расстояния, никогда не уставали. Дети, как в зеркале, с точностью до каждого движения, отражались на водной глади, так что казалось, будто их не пять, а десять: пятеро идут головой вниз, пятеро – головой вверх. И копии в воде были столь неотличимы от оригиналов, что, порой трудно было определить, где ребенок, а где его отражение. Где бесконечное прошлое этого края, а где его безграничное будущее. И эти ноги всегда были и будут неотъемлемой частью этой земли до скончания света.

Вот пишу я об этом – а зачем? Разве важно, что эти дети являли собой столь прекрасное зрелище, которое я не могла не описать? Ну и что с того, что жила на свете женщина, которую в будущем будут помнить как Элизабет Макартур, и что она хотела, чтобы все знали, какой она была?

Этим своим личным запискам я не дам названия. Мое повествование подобно реке, как та, на берегах которой прошло мое детство. Извивается, рябит, бурлит в своем русле, и течет себе, течет

безмерным неумным потоком. Каждое мгновение – вот оно! – дает начало следующему – вот оно!

Мистер Доуз, пожалуй, сказал бы: «Не надо ничего писать. Не надо ничего оставлять после себя. Что вам до того, поверят ли грядущие поколения пресным выдумкам в ваших письмах?» И он был бы прав. В ныне невообразимом будущем, когда будут обнаружены эти мемуары, никто и не вспомнит миссис Макартур, да и ее знаменитый супруг станет лишь малоизвестной фамилией в скучной книге о прошлом.

Мистер Доуз был бы прав и не прав одновременно. Я не поэт, но, как и поэты, жажду, чтобы меня помнили, пусть и неизвестные мне люди будущего, – помнили, что жила на свете женщина, которая откровенно выражала свои мысли в лицо времени. Кто-то пытается обрести Господа. А я всегда ставила перед собой более скромную цель. Я довольна тем, что могу встретиться с самой собой на страницах своих мемуаров, встретиться и стоя поприветствовать своя «я».

У реки я вижу куст. В это время года он увешан стручками с семенами, изогнутыми в форме вопросительного знака. Бледно-серебристые, они покачиваются в темной листве, и кажется, что куст смеется, дрожит на ветру, а изящные листочки и мелкие изогнутые стручки о чем-то спрашивают. Проходя мимо, я останавливаюсь и улыбаюсь этому кусту, словно старому другу.

В каком-то смысле он и вправду старый друг, потому как при виде него я всегда вспоминаю мистера Доуза. Ему понравился бы этот вопрошающий куст. Представляю, как он говорит: «Если подождать подольше, миссис Макартур, может быть, мы услышим и сам вопрос».

Что ж, мистер Доуз, я хотела бы услышать тот вопрос. И я готова ждать.

Конец

От автора

Так вот, не было никакой коробки с секретами, якобы найденной под крышей дома Элизабет-Фарм. То, что вы прочитали, я не расшифровывала и не редактировала. Все это я написала сама.

Но мое повествование отражает события и судьбы людей, которые фигурируют в письмах, дневниках и официальных документах первых лет существования колонии Новый Южный Уэльс. Выдержки из писем, которые цитирует моя героиня Элизабет Макартур, взяты из писем реальной Элизабет Макартур.

Моя книга – художественное произведение, и, выстраивая ее сюжет, я позволила себе некоторые вольности в обращении с фактическим материалом. Внесла коррективы в ход реальных событий, в связи с чем, например, под моим пером два губернатора превратились в одного. Моя книга – не учебник истории.

Но и не чистая выдумка. В основу произведения положены старинные документы, которые меня вдохновляли и служили мне путеводителем. Работая над этой книгой, я руководствовалась рекомендацией моей героини Элизабет Макартур: не спешите верить.

Кейт Гренвилл

Отзывы читателей и дополнительную информацию об этой книге вы найдете на моем сайте: kategrenville.com.au.

Автор выражает благодарность

Я очень благодарна Корпорации по охране культурно-исторического наследия народа даруг (и особенно Лиэнн Уотсон и Эрин Уилкинз) и Сиднейскому совету по вопросам земель коренного населения (особенно Натану Морану). Представители обеих организаций оказали мне теплый прием и щедро делились со мной своим временем и своими знаниями. Спасибо им и их коллегам за то, что они выразили готовность помочь мне в попытке исследовать различные аспекты нашей общей истории. Я не принадлежу к коренным народам Австралии и понимаю, что, рассказывая о нашем прошлом, очень легко проявить слепоту в отношении нашей культурной слепоты. Прошу вас, примите мою искреннюю благодарность за вашу великодушную поддержку.

Мне хотелось бы выразить признательность тем, кто подробно консультировал меня по различным аспектам жизни коренных народов Австралии. Это – Триш Аджей, Эндрю Бовелл, Венона Берн, Хизер Гудолл, Эшли Хэй, Анита Хайсс, Ким Махуд, Брюс Паско, Крис Уоллеса.

Мелисса Лукашенко, хотя и работала над собственным проектом, выкроила драгоценное время, чтобы прочитать рукопись моей книги; я благодарна ей за тонкие и чрезвычайно полезные замечания. Спасибо тебе еще раз, Мелисса. Искренне благодарю моих добрых друзей Линетт Расселл и Рамону Коваль. Они тоже прочли рукопись и поддерживали меня в минуты сомнений, а их было немало.

Стивен Гаппс и Генри Рейнольдс грамотно проконсультировали меня по вопросу так называемой битвы при Паррамате, за что я перед ними в неоплатном долгу (за измышления миссис Макартур они ответственности не несут). По вопросам ботаники я обращалась за помощью к Патрику Мэтью. Как всегда, делаясь своими знаниями, он демонстрировал глубокое понимание предмета и прекрасное чувство юмора. Спасибо, Патрик. Скрыть невежество в сфере овцеводства мне очень помогли Сьюзан, Сэл и Джордж Фолкинер, а также Барбара Холлоуэй. Благодаря им мне удалось избежать многочисленных ляпов. Хочу выразить признательность своей коллеге – писательнице Сьюзан Хэмптон. Она щедро и бескорыстно поделилась со мной

любопытными историями об овцах, которые собирала для собственной книги. Спасибо, Сьюзан. Благодарю Роберта Гриффина за сведения о стилях жилых домов периода начала колонизации Австралии. Любые ошибки в этих вопросах – моя вина.

Ив Салинас увидит в книге очень важную строку, которая появилась благодаря ее доброму отношению ко мне. Джудит Аптон из управления приходских архивов графства Корнуолл оказала мне неоценимую помощь, предоставив подробную информацию из приходских архивов Бриджрула. Спасибо, Джудит, за ваши советы и за ту работу, которую выполняете вы и ваши добровольные помощники.

Доктор Хелена Беренсон как специалист проинформировала меня о возможном характере заболеваний Джона Макартура. Благодарю ее за неизменную поддержку и дружбу.

Мишель Скотт Такер великодушно подбадривала советами очередную поклонницу Элизабет Макатур. Ее великолепная книга «Элизабет Макатур: жизнь на краю света» – лучшая биография этой замечательной женщины и еще долго будет оставаться таковой.

Копии писем Элизабет Макатур и отрывки из них получены в отделе документов Макатур библиотеки им. Митчелла штата Новый Южный Уэльс и используются с разрешения этой библиотеки.

Моими первыми читателями, как всегда, были Том и Элис Петти. У меня не хватает слов, чтобы выразить им благодарность за поддержку. Мне очень повезло, что в моей жизни есть такие люди.

---

notes

Примечания

1

Энсин – в сухопутных и военно-морских силах некоторых западных стран низшее офицерское звание, соответствующее званию мичмана в русском флоте. *(Здесь и далее примечания переводчика)*

2

Майорат (от *лат.* *maior* – старший) – порядок наследования имущества при обычном праве, согласно которому оно целиком переходит к старшему из мужчин в роду или семье.

3

Regis donum gratum bonum (*лат.*) – Благодарим короля за щедрый дар.

4

Троил и Крессида – персонажи одноименной трагедии У. Шекспира и эпической поэмы Дж. Чосера.

5

Лэрд (*англо-шотл.* laird – землевладелец, лорд) – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. Лэрды образовывали нижний слой шотландского дворянства и, в отличие от титулованных лордов, участвовали в работе парламента Шотландии не непосредственно, а через своих представителей.

6

Так участники движения якобитов называли изгнанного из Шотландии короля Джеймса III. В середине XVIII века якобиты подняли очередное восстание, добиваясь возвращения Джеймса III на шотландский трон и, в более широком плане, восстановления правления династии Стюартов.

7

Томас Браун (1605–1682) – британский медик, один из крупнейших мастеров английской прозы эпохи барокко, автор литературных «опытов» на оккультно-религиозные и естественнонаучные темы.

8

Ливий, Тит (Titus Livius) (59 до н. э. – 17 н. э.), римский историк, автор частично сохранившейся «Истории Рима от основания города».

«Линкольнз инн» (Lincoln's Inn) – один из четырех «Судебных иннов» (Inns of Court), четырех корпораций барристеров в Лондоне, которые пользуются исключительным правом приема в адвокатуру. В школах при этих корпорациях готовят барристеров. Остальные три инна – «Средний темпл» (Middle Temple), «Внутренний темпл» (Inner Temple) и «Грейз-инн» (Gray's Inn). «Линкольнз инн» готовит барристеров Канцелярского отделения Высокого суда правосудия (Chancery Division) и защищает их интересы. Назван по имени первого владельца здания инна Томаса де Линкольна.

10

Имеется в виду Ньюгейтская тюрьма в Лондоне.

11

Кукабарры, или кукабары, или гигантские зимородки – род птиц семейства зимородковых; обитают в тропиках и редколесье Австралии и на Новой Гвинее. Всего 4 вида.

12

Из книги британского медика и одного из крупнейших мастеров англ. прозы эпохи барокко Томаса Брауна (1606–1682) «Вероисповедание врачей» («Religio Medici», 1643 г.).

13

aide-mémoire (*фр.*) – памятная записка.

14

Столовая гора – величественная гора с плоской вершиной (высшая точка – 1087 м) в ЮАР. Расположена к юго-западу от центральной части Кейптауна на южном берегу бухты Столовая.

15

Любовницей (*итал.*).

16

ad libitum (*лат.*) – музыкальный термин, означающий «по желанию», «на усмотрение исполнителя», «импровизация».

17

sine qua non (*лат.*) – совершенно необходимое; неизменное условие; то, без чего нельзя обойтись.

Луиза Д'Эпине (1726–1783) – французская писательница и хозяйка литературного салона эпохи Просвещения, известная своими отношениями с Жан-Жаком Руссо и бароном Мельхиором фон Гриммом и дружбой с Дени Дидро, д'Аламбером, бароном Гольбахом и прочими известными деятелями.

«Зеленые рукава» – английская народная песня, известная с XVI века. Дважды упоминается в произведениях Уильяма Шекспира.

20

Перевод С. Я. Маршака.

21

Мой укромный уголок (*франц.*)

Имеется в виду мыс Доброй Надежды.

au fond (*фр.*) – по сути, в сущности.

Буд – городок в графстве Корнуолл.

Table of Contents

[Кейт Гренвилл Комната из листьев](#)

[От редактора](#)

[Мемуары Элизабет Макартур](#)

[Часть 1](#)

[Часть 2](#)

[Часть 3](#)

[Часть 4](#)

[Часть 5](#)

[От автора](#)

[Автор выражает благодарность](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

